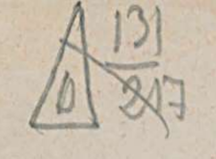
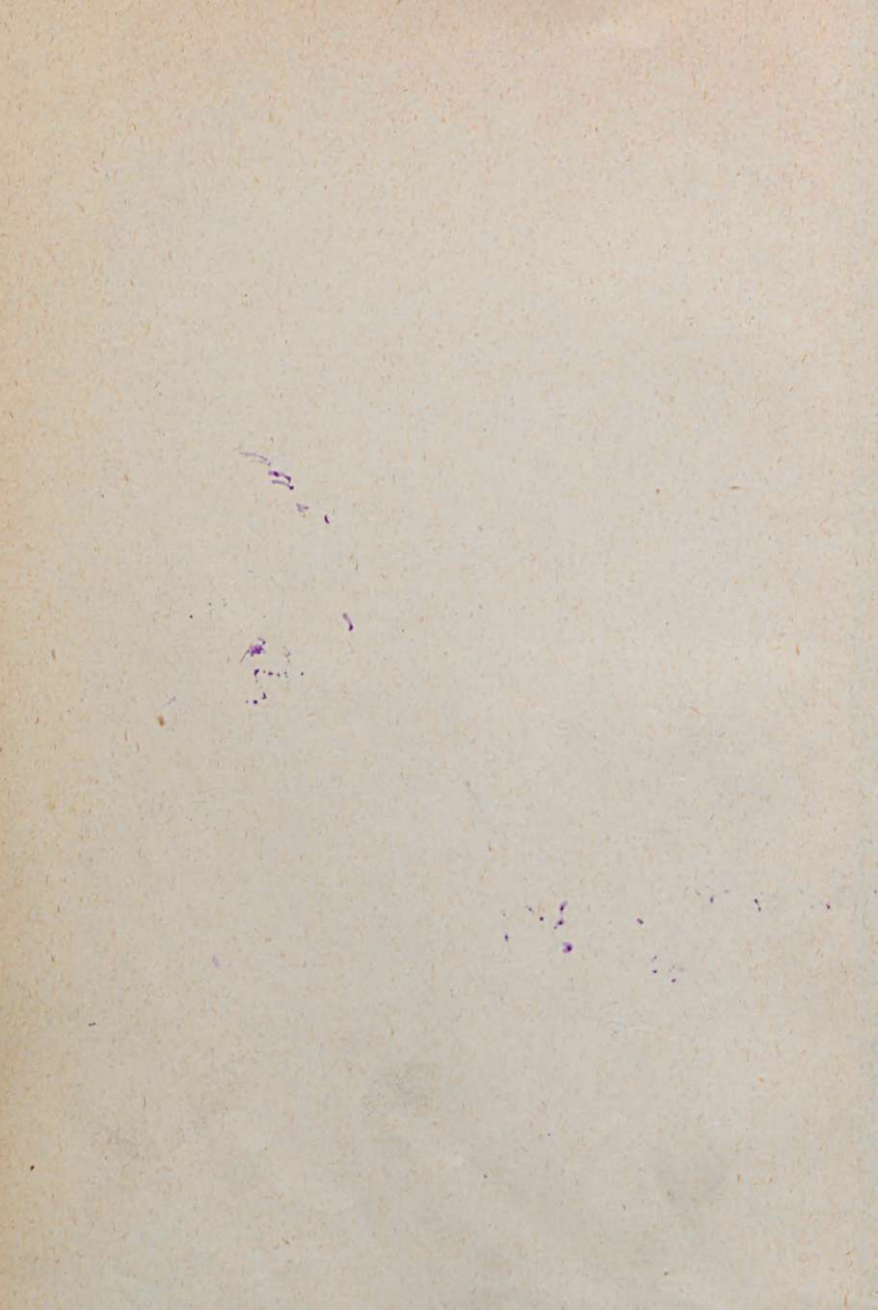

W 40/355

131

М. А. Круковскій.

ОЛОНЕЦКІЙ КРАЙ.

Путевые очерки.

Съ 115 рисунками художниковъ Н. Н. Герардова, Ел. Герунгъ, Д. И. Глущенки, И. В. Журбина, В. М. Маковскаго и др.

по фотографіямъ автора.

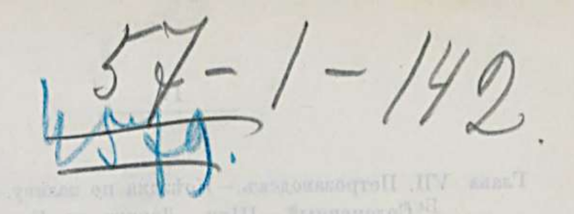
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО МАГАЗИНА“
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 августа 1904 г.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

Оглавленіе.

Стоитъ только отъѣхать отъ Петербурга къ сѣверу на двѣсти—триста верстъ, какъ мы изъ столицы государства попадемъ въ такую глушь, гдѣ рѣдкій человѣкъ умѣетъ читать, гдѣ деревни отдалены одна отъ другой на десятки верстъ, гдѣ растутъ непроходимые лѣса, въ которыхъ свободно разгуливаетъ медвѣдь.

Одинъ изъ ближайшихъ къ Петербургу такихъ дикихъ, заброшенныхъ и нетронутыхъ угловъ—это Олонецкій край; онъ простирается отъ Ладожскаго озера до Ледовитаго океана и отъ Финляндіи до р. Онеги. Благодаря своей заброшенности и отсутствію желѣзныхъ дорогъ, Олонецкій край почти единственный, гдѣ можно услы-

шать настоящій народный, русскій языкъ, встрѣтить древніе костюмы и даже самый типъ прежняго великороса.

Этотъ заброшенный уголокъ нашей родины мнѣ и удалось посѣтить не такъ давно.

I.

По Невѣ.—Шлиссельбургъ.—Ладожское озеро.—Ночная буря.—Крушеніе «Александра Свирскаго».

Путь въ Олонецкій край простой. Его хорошо знали еще древніе новгородскіе ушкуйники (разбойники), смѣло на лодочкахъ переплывавшіе бурное Ладожское озеро. Теперь этотъ путь совершается на пароходахъ, въ полтора—два дня.

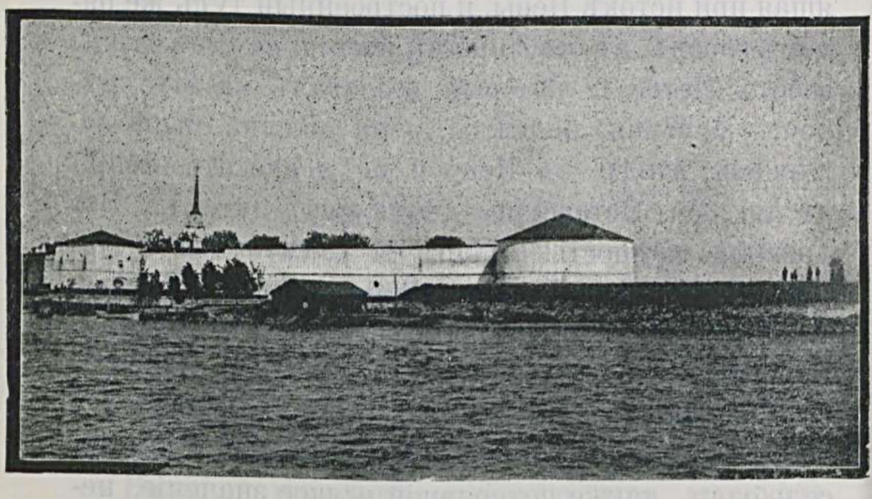
Большой пароходъ морского типа выходитъ изъ Петербурга и идетъ вверхъ по Невѣ среди плоскихъ береговъ, застроенныхъ сначала фабриками, потомъ дачами. Нева имѣетъ въ длину всего 60 верстъ; изъ нихъ пароходу надо пройти 50, чтобы добраться до Ладожскаго озера. Этотъ переходъ совершается въ теченіи пяти—шести часовъ.

Путь отъ Петербурга до Онежскаго озера и дальше до Сѣв. Ледовитаго океана полонъ воспоминаніями объ историческихъ событіяхъ. Здѣсь на каждомъ шагу видны заботы могучаго Преобразователя Россіи Петра I, построившаго Петербургъ и защищавшаго это свое дѣтище отъ вторженія шведовъ, которые тогда были близкими сосѣдями. Старинная Шлиссельбургская крѣпость, стоящая при истокѣ Невы, и построенный тутъ же рядомъ городъ, въ особенности носятъ на себѣ слѣды заботъ Петра I, который возлагалъ на эту крѣпость большія надежды. Она должна была защищать входъ въ Неву и не допускать непріятеля до Петербурга воднымъ путемъ. Это древняя крѣпость; стѣны ея какъ будто выходятъ прямо изъ воды, по угламъ башни, по стѣнѣ шагаетъ часовой съ ружьемъ на плечѣ; но того значенія, которое крѣпость имѣла при Петрѣ I, теперь она не имѣетъ. На берегу противъ крѣпости раскинулся небольшой городокъ — Шлиссельбургъ, также потерявшій всякое значеніе, несмотря на близость къ Петербургу, и на то, что отсюда начинается Ладожскій обводный каналъ.

Нева въ своемъ верховьи изобилуетъ порогами и для судоходства крайне неудобна. Пароходы проходятъ въ озеро и оттуда въ рѣку, съ большими затрудненіями, потому что для прохода ихъ есть мѣсто меньше десятка саженей.

Ночью же пароходы не рѣшаются ни войти въ рѣку, ни выйти изъ нея въ озеро и часто стоятъ до утра, а иногда и дольше, если утро туманное. Поэтому и мы торопились засвѣтло пробраться чрезъ пороги и выйти въ открытое озеро.

Былъ уже вечеръ, когда мы миновали пороги. Дулъ сильный вѣтеръ, и Ладожское озеро было сплошь покрыто громадными волнами, гребни

Шлиссельбургская крѣпость.

которыхъ доходили до борта парохода. Озеро это—одно изъ самыхъ большихъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ (въ длину оно имѣетъ 300 в., въ ширину 160 в.) и окрестные жители часто называютъ его моремъ. И дѣйствительно, на Ладожскомъ озерѣ часто поднимается

буря, въ особенности въ осеннее время, не уступающая морской: волны поднимаются на нѣсколько саженъ въ высоту и тогда пароходу приходится плохо. Поэтому-то и мы, глядя на усиливающійся вѣтеръ, не рѣшались пуститься въ бурное озеро, а остановились въ виду крѣпости, близь верховья Невы, ставъ на двухъ якоряхъ.

Мы жалѣли, что не поѣхали обводнымъ каналомъ, хотя тотъ путь и болѣе долгій; тамъ всегда спокойно и безопасно, тамъ ходятъ небольшіе пассажирскіе пароходы и трешкоты. Въ особенности жалѣли объ этомъ тѣ, которые торопились: буря могла задержать ихъ на нѣсколько дней; но возвращаться назадъ капитанъ отказался; позади насъ были пороги, и мы вынуждены были провести всю ночь на пароходѣ.

Съ самаго выѣзда изъ Петербурга я познакомился со старичкомъ, отставнымъ полковникомъ, который ѣхалъ въ Олонецъ. Онъ былъ попутчикомъ мнѣ и, какъ мѣстный старожилъ, разсказывалъ мнѣ объ Олонецкомъ краѣ много интереснаго. Мы помѣстились съ нимъ въ купэ другъ противъ друга и устроились такъ удобно, какъ будто собирались проплыть не Ладожское озеро, а Тихій океанъ.

— Ложитесь, — говорилъ старичекъ полковникъ—лежите смирно, постарайтесь уснуть и не заболѣете.

Но я не подверженъ морской болѣзни и мнѣ доставляло удовольствіе бродить на качающемся пароходѣ изъ каюты въ общую и обратно. Я видѣлъ блѣдныя лица пассажировъ, то тревожныя, то страдающія; изъ сосѣднихъ каютъ доносился сквозь ревъ бури женскій крикъ, всюду стоялъ запахъ нашатырнаго спирта, который усердно нюхали страдавшіе морской болѣзнью.

Я попробовалъ открыть дверь и выглянуть на палубу. Тамъ былъ какой-то хаосъ, черный, ужасный, въ которомъ свирѣпо вылъ и бѣсновался вѣтеръ, сразу окатившій меня съ головы до ногъ цѣлымъ дождемъ воды. Гдѣ-то впереди, должно быть на носу, мелькалъ красный цвѣтъ фонаря, а кругомъ ни зги.

Было мрачно и неуютно, и я поспѣшилъ уйти въ каюту.

Лежа на диванѣ съ закрытыми глазами, я испытывалъ какое-то странное ощущеніе: то вдругъ опускался куда-то внизъ, въ пропасть, то начиналъ подниматься все выше и выше, чтобы, на одно мгновеніе остановившись, снова опуститься въ бездну. И мнѣ представлялись тѣ громадныя водяныя горы и долины, въ сравненіи съ которыми нашъ пароходъ былъ просто напросто пигмей, но съ которыми онъ отчаянно боролся.

— Вотъ, то же самое было лѣтъ почти двадцать тому назадъ съ «Александромъ Свирскимъ»,—

ровнымъ, спокойнымъ голосомъ говорилъ полковникъ.

— Какъ съ «Александромъ Свирскимъ»? Вѣдь это, помнится, святой, жившій что то давно...

— Такъ назывался пароходъ—сказалъ полковникъ, смѣясь моему невѣжеству.

— Что же съ нимъ случилось?

— Разбился!—невозмутимо сказалъ онъ.

— Разбился? Какимъ образомъ? Разскажите, интересно послушать.

— Интересно-то интересно, только не дай Богъ никому очутиться въ такомъ интересномъ положеніи, въ которомъ находились мы.

— Какъ, и вы тамъ были? Да разскажите же... просилъ я его.

— Да, вотъ давно было, а какъ сейчасъ помню, и бурю, и пароходишко, и трескъ... Въ сентябрѣ ѣхали, а осеннія бури здѣсь всегда страшнѣе весеннихъ, потому—вѣтеръ низовой. Ночью ѣхали, и застала насъ буря въ открытомъ мѣстѣ. Тутъ вотъ мы качаемся въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, недалеко и Кошкинъ маякъ; въ случаѣ чего—сигналъ, и спасеніе не замедлитъ; а тамъ застала насъ буря почти посреди озера, въ 50 верстахъ отъ берега, и начала швырять изъ стороны въ сторону. Женщины подняли крикъ... Въ особенности шумѣла одна; она рвалась къ капитану, кричала—держите ближе къ берегу; за ней

и другія. Капитанъ послушался. Вдругъ, трескъ... Страшный, противный... кажется по живому сердцу кто рѣзнулъ.

Мы всѣ повскакали, бѣжимъ на палубу: темь, ни зги, ревъ вѣтра, крики, просто адъ.—Вода!—кричитъ кто-то,—вода въ носовой части! Всѣ засуетились. Смѣрили воду—20 футъ: плыть можно. Вдругъ среди бури и криковъ слышимъ голосъ капитана, — здоровый былъ голосъ, — какъ гаркнетъ изо всѣхъ силъ, всѣ сразу и успокоились. —«Ходъ впередъ»!—слышимъ команду, машина работаетъ и пароходъ идетъ впередъ. У всѣхъ сразу полегчало на душѣ, точно гора съ плечъ свалилась. Вдругъ опять — трррахъ! Опять рѣзнуло по сердцу, опять крики, шумъ... Ахъ, чтобы тебя, думаю,—этакъ чего добраго утонешь, пропадешь ни за нюхъ табаку... Оказалось, что мы наскочили на скалы, а подводныя части парохода получили пробоины.

Сѣли мы какъ раки на мель. Но капитанъ успокоилъ насъ обѣщаніемъ спустить шлюпку и доставить всѣхъ на берегъ, вѣрнѣе на скалу. Мы остановились саженяхъ въ 50 отъ скалистаго Суховскаго островка, на которомъ стоитъ маякъ; свѣтъ его мы видѣли простымъ глазомъ. Этотъ островокъ находится въ юго-восточной сторонѣ озера, верстахъ въ 50 отъ Новой Ладоги. Вотъ на эту то скалу и начали перевозить насъ.

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО.

Прежде всего послали съ парохода канатъ, закрѣпили его на островѣ и такимъ образомъ устроили сообщеніе между пароходомъ и скалой. Едва начало свѣтать, отправили первую шлюпку. Благополучно. Потомъ вторую, тоже благополучно. Часовъ пять ѣздили шлюпки туда и обратно, пока всѣ 150 человѣкъ пассажировъ не были доставлены на скалу въ полной сохранности и невредимости.

— И никто не погибъ?—перебилъ я разсказчика.

— Никто. Капитанъ съ командой остался тамъ, на суднѣ, а мы помѣстились на островкѣ. Ну, и островъ же, скажу вамъ: одна скала, возвышающаяся на 2 сажени надъ водой, такъ что иной валъ, поди, перебѣжитъ ее; величина острова—сажень 150 квадр., тутъ же стоитъ маякъ и маленькая избушка для сторожа. А кругомъ ни деревца, ни кустика, чтобъ укрыться.

Ну, разумѣется, всѣ подъ открытымъ небомъ и расположились. Вѣтеръ свищетъ, дождь хлещетъ, озеро реветъ, всѣ перемокли и иззябли. Сухихъ вещей нѣтъ, весь багажъ подмоченъ; ладно, что капитанъ догадался прислать пару большихъ брезентовъ. Подъ каждый брезентъ набилось народу, что селедокъ въ бочкѣ. Сначала за брезенты схватились болѣе сильные, мужчины, влѣзли въ середину, а съ краевъ остались жен-

щины. Ну, нѣтъ, говорю, мы и такъ постоимъ, надо женщинъ и дѣтей укрыть, и сорвалъ съ нихъ брезентъ. Они чуть не спихнули меня за это въ озеро; а все таки моя взяла. А дѣтей мы помѣстили въ сторожкѣ, тамъ и печка кстати топилась.

— А ѣли то вы что?—спросилъ я, прерывая интересный разсказъ полковника.

— Погодите... сначала не до ѣды было... а потомъ переѣли все, что у кого было въ багажѣ, что нашлось на пароходѣ, и начали голодать...

— Да вы развѣ долго сидѣли на этой скалѣ?

— Да куда-жъ дѣваться? До берега 50 верстъ, кругомъ буря рветъ и мечетъ, да еще усиливается... Цѣлый день сидѣли на скалѣ, нечего сказать—пріятное времяпрепровожденіе было; а потомъ наступилъ вечеръ, сѣрый, холодный, вѣтряный; наступила и ночь, а помощи ни откуда. Да и откуда ждать ее: вѣдь никто на берегу не знаетъ о нашей бѣдѣ. Сидимъ мы ночь—что, думаемъ, одну ночь посидѣть: пустяки; на завтра увидятъ насъ и снимутъ съ этой скалы. Не тутъ то было. Утромъ мы увидѣли тѣ же валы и волны и никакихъ признаковъ помощи.

«Надо отправить лодку на берегъ», рѣшили мы, иначе здѣсь умрешь съ голоду и холоду,—и начали подбивать охотниковъ. Охотники нашлись. Снарядили лодку, поставили парусъ, сѣли, и

вскорѣ лодка скрылась изъ виду. А мы ждали ея возвращенія.

Прошелъ день, прошла ночь, наступилъ снова день. Мы всѣ измучились, ѣсть нечего было, нѣкоторые лежали больные. А съ берега все нѣтъ спасенія и нѣтъ. Неужто, думаемъ, еще нѣсколько дней просидимъ здѣсь. Снова рѣшили послать лодку на берегъ, но охотниковъ на этотъ разъ не нашлось: кто знаетъ, что сталось съ первой лодкой?

Мы уже приготовились встрѣтить четвертую ночь на этомъ островкѣ, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: «огонь»! пароходъ! Всѣ разомъ повыскали изъ подъ брезентовъ и начали всматриваться въ тьму озера,—дѣйствительно то былъ судовой огонь: къ намъ приближался пароходъ. Мы были спасены. Это былъ пароходъ «Царь». Онъ, какъ и «Александръ Свирскій», дѣлалъ рейсы между Петербургомъ и Петрозаводскомъ. Наша-то лодка съ охотниками и спасла насъ. Когда узнали на берегу о нашей бѣдѣ, дали телеграмму въ Петербургъ, а изъ Петербурга телеграфировали на станцію Сермаксъ, чтобы оттуда пароходъ «Царь» шелъ спасать насъ, оставивъ своихъ пассажировъ на берегу. Перевезли насъ на пароходъ опять такимъ же манеромъ, на шлюпкахъ; возили нѣсколько часовъ, потому что близко подойти пароходъ не могъ:

надо было цѣлую версту ѣхать по волнамъ. И качало же насъ, Боже ты мой!.. А потомъ насъ сразу накормили, напоили и согрѣли. Такъ мы спаслись, проживъ на голой скалѣ среди бурнаго озера трое сутокъ.

— Натерпѣлись вы страху, полковникъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, даже интересно было... Но, конечно, второй разъ не пожелалъ бы...

- А теперь, какъ вы думаете, буря сильнѣе той?

— Какъ сказать; пожалуй сильнѣе... Но если не наскочимъ на подводные камни и скалы, ничего не будетъ. Капитанъ хорошо сдѣлалъ, что остановился на ночь...

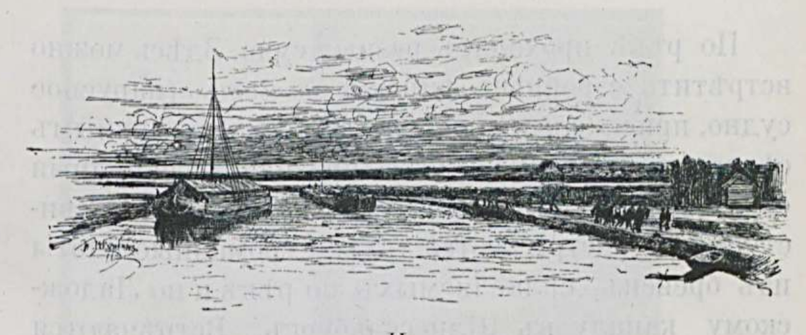
Я долго не могъ уснуть, мнѣ живо представлялась пережитая пассажирами «Александра Свирскаго» драма, у меня мелькала мысль, какъ близки и мы отъ этой драмы среди этихъ разъяренныхъ волнъ. Понемногу меня закачали онѣ, и я началъ засыпать; въ полусонномъ воображенiи грезилось дно, темное, сырое, по которому гребнемъ шли острыя верхушки предательскихъ скалъ, и все на свѣтѣ было темно, неуютно и враждебно.

Но на утро, едва разсвѣло, пароходъ нашъ тронулся впередъ, несмотря на то, что вѣтеръ не уменьшался и что была боковая качка. Цѣлый день боролся онъ съ строптивымъ, безпо-

койнымъ озеромъ, растерялъ нѣсколько лопастей отъ своихъ колесъ, выкрашенныхъ въ красную краску, и только на другой день рано утромъ вошелъ въ устье рѣки Свири, впадающей въ озеро съ сѣверной его стороны. Свирѣпое озеро осталось позади, передъ нами была широкая, сѣверная рѣка, соединяющая два величайшихъ озера: Ладожское и Онежское.

...

II.

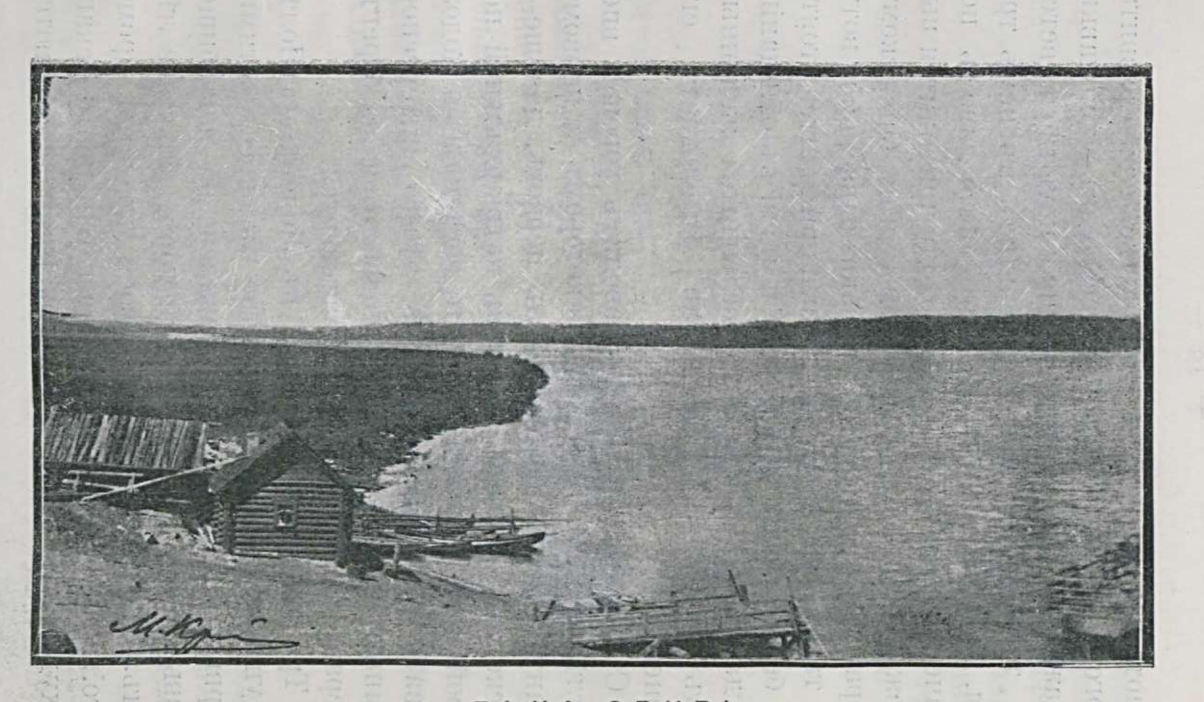
Рѣка Свирь.—Лодейное Поле.—Кладбище.—Ближайшія деревни.—Древняя архитектура.—Школа грамотности.—Питерская культура.—Олонецкій трактъ.—Александро-Свирскій монастырь.—Корельскій край.—Величайшій городъ въ мірѣ.—Корельскій городъ Олонецъ.

Свирь не уже Невы. Берега ея сначала низменны, мало привлекательны, часто затоплены водой. Только въ среднемъ теченіи рѣки они холмисты. Иногда Свирь перерѣзаютъ каменные кряжи, которые въ сухое лѣто, когда рѣка мелѣетъ, затрудняютъ пароходное движеніе. Украшеніемъ Свири являются лѣса, стоящіе по ея берегамъ, громадные, нетронутые лѣса. Они стоятъ то сплошной стѣной, прямо глядясь въ воду, то взбѣгаютъ на холмы, то опускаются въ долины. Иногда лѣсъ расчищается, открываются ровныя мѣста, виднѣются деревни. Гдѣ-нибудь на берегу стоитъ старинная церковка, виднѣется кладбищенская ограда, кресты; а тамъ опять пошелъ лѣсъ. И на всемъ лежитъ сѣрый, тоскливый отпечатокъ бѣдности и заброшенности.

По рѣкѣ проходятъ разныя суда. Здѣсь можно встрѣтить стройный финскій *гальотъ* (парусное судно, приспособленное для плаванія по бурнымъ сѣвернымъ озерамъ), здѣсь проходятъ громадныя барки на буксирѣ маленькаго пароходика—„свистунишки“; встрѣчаются тутъ и громадные плоты изъ бревенъ, сплавляемыхъ по рѣкѣ и по Ладожскому каналу въ Шлиссельбургъ. Встрѣчаются также и мелкія суда; въ нихъ сразу замѣтенъ тотъ финскій типъ строенія, который трудно найти въ другихъ губерніяхъ Россіи. Иной разъ пронесется большая двухъ парусная *сойма*, встрѣтится маленькая лодочка, уснащенная однимъ парусомъ изъ рогожи. Вотъ по берегу идетъ мальчикъ или женщина и тащитъ лодку, а въ лодкѣ сидитъ мужчина, который правитъ рулемъ. Таковы обычныя картины этой сѣрой, невзрачной рѣки, прорѣзывающей громадныя лѣсныя пространства.

Почти въ среднемъ теченіи Свири лежитъ городъ Лодейное Поле. Этотъ городокъ, построенный Петромъ I, когда то имѣлъ большое значеніе: здѣсь строились суда. Теперь же это худшій изъ всѣхъ городовъ Олонецкаго края.

Въ немъ нѣсколько сотъ деревенскихъ домиковъ; улицы разбиты симметрично, точно въ военномъ поселеніи; во всемъ городѣ почти нѣтъ деревьевъ; въ окрестностяхъ же города пески и

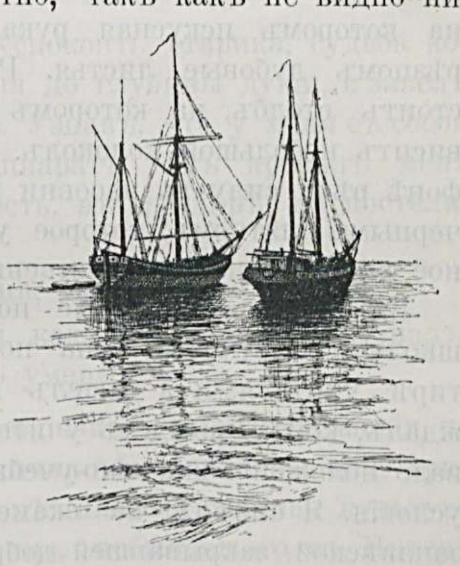
РѢКА СВИРЬ.

болота. Общественная жизнь здѣсь слабо развита, торговая—тоже: въ городѣ всего двѣ—три лавки, и даже нѣтъ гостиницы. Скучно и неуютно живется въ такомъ городкѣ. Я просидѣлъ въ немъ три дня, ожидая парохода, и это было даромъ потраченное время. Когда пароходу приходится выдержать бурю на Ладожскомъ или Онежскомъ озерахъ, онъ неминуемо запаздываетъ; и вотъ въ такомъ глухомъ городишкѣ приходится стоять на берегу рѣки цѣлые дни и ночи въ ожиданіи, когда наконецъ съ рѣки послышится желанный ревъ парохода, или вдали замелькаетъ его огонекъ.

Съ рѣки городокъ производитъ хорошее впечатлѣніе: высокій берегъ, на которомъ на первомъ планѣ стоитъ среди березъ церковь, дальше—нѣсколько крышъ. пристань патріархальной постройки на козлахъ; все это заставляетъ подозрѣвать въ самомъ городкѣ что-то интересное, симпатичное. Но едва вы подыметесь на берегъ, и сразу впечатлѣніе это разсѣвается.

Три дня, проведенныхъ въ Лодейномъ Полѣ, я употребилъ на знакомство съ окрестностями. Первымъ дѣломъ я отправился на кладбище, возвышающееся на песчаной горѣ, заросшее лѣсомъ. Оно манило меня своей красотой; кромѣ того, всякое кладбище—показатель поэтическаго и художественнаго вкуса народа. Люди стараются

украсить то, что имъ дорого. Самое интересное, что я увидѣлъ здѣсь—это изгородь, вѣрнѣе стѣна. Она составлена изъ толстыхъ бревенъ, которыя держатся на концахъ большихъ срубовъ, находящихся внутри кладбища. Снаружи не видишь ничего, кромѣ стѣны, устройство которой сначала даже непонятно, такъ какъ не видно ни столбовъ, ни подпорокъ. Только, взглянувъ на нее со стороны кладбища, поймешь это чрезвычайно простое, крѣпкое, но громоздское сооруженіе, которое только и возможно въ странѣ, богатой лѣсомъ. Парадная часть кладбища, гдѣ хоронятъ купцовъ и чиновныхъ людей, не представляетъ ничего интереснаго, но на задворкахъ кладбища, тамъ, гдѣ ютится бѣднота, есть много интересныхъ старинныхъ крестовъ и могилъ, надъ которыми возвышаются полуразвалившіеся деревянные срубы. Тутъ растетъ мелкій соснякъ, здѣсь художникъ можетъ найти не мало красивыхъ уголковъ.

Гальоты.

Ближайшая къ Лодейному Полю деревня—Канома расположена на Свири; тутъ переправа на другой берегъ, на которомъ—Олонецъ, Финляндія, Петрозаводскъ. У самаго парома стоитъ часовня древне-русской архитектуры, съ высокимъ колѣнчатымъ крылечкомъ, плоской. широкой крышей; надъ ней возвышается деревянный куполъ, на которомъ искусная рука мастера вырѣзала рѣзцомъ дубовые листья. Рядомъ съ часовней стоитъ столбъ, на которомъ подъ навѣсикомъ виситъ небольшой колоколъ. На холодно-сѣромъ фонѣ рѣки силуэтъ часовни рисуется сильнымъ чернымъ пятномъ, которое усиливаетъ навѣянное впечатлѣніе художественной старины.

Въ Каномѣ я впервые посѣтилъ маленькую школу грамотности. Она помѣщалась въ квартирѣ учителя, и я зашелъ къ нему. Я долго ждалъ, когда выйдетъ учитель. Меня интересовало положеніе школьно-учебнаго дѣла, мѣстныя условія. Я сидѣлъ на скамейкѣ и слышалъ за занавѣской, закрывавшей добрую треть комнаты, какой то шорохъ. Наконецъ занавѣсь отодвинулась и тутъ я увидѣлъ большую кровать, на которой сидѣлъ дряхлый-предряхлый, сѣдой старичекъ, съ ввалившимися глазами, съ жесткой бѣлой бородкой и въ казенномъ мундирѣ.

— Учитель... отрекомендовался онъ слабымъ голосомъ, сидя на кровати, полузакрытый одѣя-

ломъ... Простите, нездоровъ, не могу вылѣзти изъ постели... Служилъ членомъ дворянской опеки... потомъ засѣдателемъ... Потомъ помощникомъ исправника... потомъ... А теперь учителемъ по собственному желанію и любви... Получаю 3 рубля въ мѣсяцъ, и вотъ умираю...

Я поспѣшилъ успокоить старика, судьба котораго тронула меня до глубины души, и завелъ разговоръ о школѣ. Узнавъ, что у меня съ собой фотографическій аппаратъ, онъ просилъ меня снять его, какъ есть, въ мундирѣ, на постели, подъ одѣяломъ.

— Снимите меня, умирающаго на посту.

Черезъ три дня, какъ я впослѣдствіи узналъ, онъ дѣйствительно умеръ...

Деревня Канома, какъ и многія лежащія по Свири селенія, типична тѣмъ, что въ ней ярко отразилась чисто внѣшняя, пиджачная культура здѣшняго крестьянина, побывавшаго въ Питерѣ и вынесшаго оттуда и котелки на головѣ, и пиджаки, и гармоники, и зонтики. Видѣлъ я здѣсь знаменитый «лансей»,—танецъ, проникшій сюда изъ внутреннихъ губерній; слышалъ распѣваемыя хоромъ фабричныя пѣсни подъ звуки гармоники, и съ тревогой спрашивалъ себя: «Неужели то же самое будетъ и дальше»? Впослѣдствіи я убѣдился, что внѣшняя культура—принадлежность

только деревень, расположенныхъ по Свири; а въ глубинѣ страны ничего подобнаго нѣтъ.

Стоя на лодейнопольскомъ высокомъ берегу, я любовался широкой Свирью, ея быстрымъ теченіемъ и смотрѣлъ на противоположный низкій, финляндскій берегъ, поросшій лѣсомъ, который уходилъ вдаль и исчезалъ на горизонтѣ въ розовыхъ облакахъ заката. Вотъ тамъ хвойный лѣсъ по берегу; дальше лиственный, съ болѣе свѣтлой зеленой окраской; еще дальше—сгорѣвшій лѣсъ, который посреди прорѣзанъ дорогой, идущей на Александро-Свирскій монастырь, на Олонецъ, въ Финляндію и на Петрозаводскъ. Но меня мало интересовала Свирь съ ея торгово-промышленнымъ характеромъ и населеніемъ, на которомъ близость Петербурга наложила свою печать внѣшней культуры; я перебрался на паромѣ черезъ рѣку и поѣхалъ въ глубь края, гдѣ надѣялся найти нетронутые нравы и первобытную простоту; я взялъ направленіе къ финляндской границѣ,—эта часть края густо заселена корелами, а съ ними-то мнѣ и хотѣлось познакомиться ближе. Проѣхавъ въ этомъ направленіи верстъ 25—30, уже встрѣчаешь деревни, гдѣ рѣдкій крестьянинъ говоритъ по русски; и чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ страна становится глуше и первобытнѣе.

Дорога на Олонецъ до утомительности одно-

образна и скучна. Лѣсъ на разстояніи саженъ десяти отъ дороги по обѣимъ сторонамъ безъ всякой надобности вырубленъ; оставлены лишь голые пни и валежникъ. Дорога унылая и пыльная; по сторонамъ пусто, деревья гдѣ-то вдали, да и тѣ зачастую пострадавшія отъ лѣсного пожара. Проѣхавъ верстъ пятнадцать, подъѣзжаемъ къ Александро-Свирскому монастырю, древнія стѣны котораго бѣлѣютъ среди невеселыхъ монастырскихъ полей. Въ самомъ монастырѣ, въ которомъ я провелъ полдня, много святынь и еще больше разныхъ историческихъ предметовъ, памятниковъ XV — XVI столѣтій. Украшеніе монастыря составляютъ два старинныхъ собора древне-русской архитектуры, и лежащій тутъ же паркъ, который окружаетъ озеро. Монастырь считается очень богатымъ: у него громадное количество земли, а въ годовой праздникъ сюда стекается большое количество богомольцевъ, которые несутъ свои приношенія. Но я былъ здѣсь въ тихое рабочее время, когда братія работала въ полѣ, и о жизни и значеніи монастыря получилъ мало представленія.

Дальше путь пошелъ среди корельскихъ деревушекъ, прямо на Олонецъ. Остановившись въ одной деревнѣ закусить, я впервые былъ поставленъ въ затрудненіе неумѣньемъ говорить по-корельски. Они не говорили по-русски, и если бы

не ямщикъ, служившій намъ въ качествѣ „языка“, мнѣ пришлось бы объясняться съ корелами, какъ съ австралійцами или неграми, т. е. мимикой и жестами.

Но прежде всего я скажу нѣсколько словъ о корельскомъ городѣ Олонцѣ, единственномъ въ этомъ глухомъ углу и чрезвычайно интересномъ.

Еще на пароходѣ мнѣ задали какъ-то такой вопросъ:

— А вы знаете, какой самый большой городъ на свѣтѣ?

— Приблизительно знаю... Пекинъ, Нанкинъ и Кантонъ...

— Нѣтъ.

— Лондонъ, Парижъ, Нью-Іоркъ...—продолжалъ я.

— Ошибаетесь. Самый большой городъ на свѣтѣ, спросите въ Олонецкой губерніи хоть кого, всякъ скажетъ, это—Олонецъ.

— Олонецъ?—спросилъ я въ удивленіи.—Это съ какихъ поръ?!

— Съ тѣхъ поръ,—отвѣтили мнѣ,—какъ здѣсь проѣхалъ одинъ англичанинъ, который убѣдился воочію, что Олонецъ величайшій въ мірѣ городъ.

— Какъ же это такъ случилось?—допытывался я.

ГОРОДЪ ОЛОНЕЦЪ.

— Онъ ѣхалъ и спалъ. Проснулся, видитъ— рѣка и строенія. Спрашиваетъ у ямщика, что это за строенія?—Тотъ говоритъ:—городъ Олонецъ. Англичанинъ опять уснулъ, а черезъ часъ опять спрашиваетъ: что это за строенія?—и получаетъ въ отвѣтъ: «Олонецъ». Черезъ часъ опять просыпается и спрашиваетъ, что за строенія, и опять получаетъ тотъ же отвѣтъ. Три часа ѣду,—воскликнулъ англичанинъ,—а все не могу проѣхать этотъ Олонецъ?—И онъ записалъ въ своей книжкѣ: Олонецъ—величайшій въ мірѣ городъ, чрезъ который мнѣ приходилось проѣзжать.

Увы! англичанинъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, именно: не везли ли его лошади шагомъ, и не спалъ ли вмѣстѣ съ нимъ ямщикъ.

Я ѣхалъ тоже ночью, и этотъ наивный анекдотъ объ Олонцѣ, дѣйствительно, очень распространенный, какъ я впослѣдствіи убѣдился, имѣетъ нѣкоторую вѣроятность. Дѣло въ томъ, что небольшой самъ по себѣ, городокъ лежитъ на рѣкѣ Олонкѣ, но до него и за нимъ на нѣсколько верстъ тянутся деревни, совершенно сливаясь и сами съ собой, и съ городомъ. Ѣдешь, ѣдешь, и кажется, конца не будетъ этимъ деревнямъ, а выѣхалъ изъ города—пошли тѣ же деревни.

Городъ отличается отъ окружающихъ его деревень лишь тѣмъ, что въ немъ нѣсколько улицъ,

двѣ церкви, нѣсколько лавокъ, разныя уѣздныя учежденія и самая интересная вещь—базаръ, куда въ извѣстные дни недѣли пріѣзжаютъ жители ближайшихъ деревень, покупаютъ и продаютъ товары. Меня интересовало мѣстное производство и я отправился на базаръ. И чего, чего я не нашолъ здѣсь. Тутъ было все, что необхо-

Гумно въ окрестностяхъ Олонца.

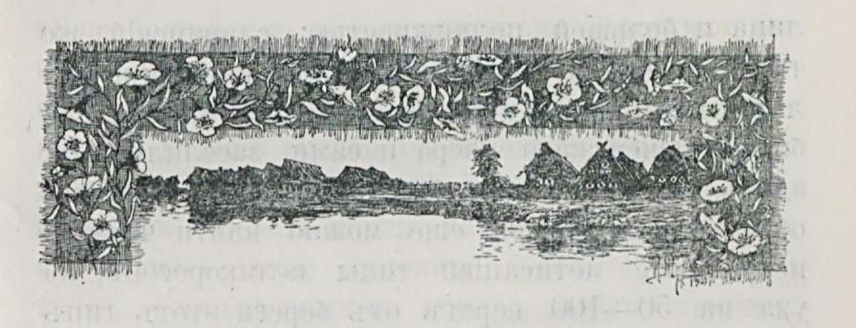
димо крестьянину въ его жизни: грабли, косы, серпы, лопаты, сохи, бороны, корзинки, ведра, ушаты, шерстяныя ткани и удивительно красивыя плетеныя кружева, сапоги и крендели, возы съ рыбой, мясомъ и хлѣбомъ. Впослѣдствіи я видѣлъ

этихъ же крестьянъ у нихъ въ деревнѣ за работой; видѣлъ и рыбака, и кузнеца, и плетельщика корзинъ, и мастерицу кружевъ; и всѣ они производили на меня живое впечатлѣніе маленькихъ, невѣдомыхъ міру работниковъ, въ трудѣ которыхъ міръ такъ нуждается, трудомъ которыхъ держится хотя маленькая культура края!

Базаръ дѣлаетъ городъ торговымъ центромъ для окрестныхъ жителей. Самъ по себѣ городъ красивѣе всѣхъ олонецкихъ городовъ. Онъ расположенъ на обѣихъ берегахъ рѣки; посреди ея на островѣ красиво расположилась церковь. Вода въ Олонкѣ, какъ и во всѣхъ маленькихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Ладожское озеро, течетъ тихо, поэтому для перехода съ одного берега на другой въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены мостки—плоты, положенные прямо на воду, прикрѣпленные лишь къ берегамъ.

Поселился я на краю города у зажиточнаго корела и отсюда дѣлалъ набѣги на сосѣднія деревни, желая предварительно познакомиться съ корелами, чтобы имѣть о нихъ общее понятіе, а затѣмъ уже изучить частности.

III.

Корелы. Честность корелъ. Наряды. Языкъ. Суевѣрія. Пища. Постройка. Природныя богатства. Занятія. Гулянье.

Корелы инородцы финскаго племени, живутъ на сравнительно большомъ пространствѣ: отъ границы Финляндіи до Онежскаго озера и отъ Ладожскаго озера почти до самаго Ледовитаго океана. Это—исконные жители здѣшняго края; но въ XIII в. край этотъ подвергся нападенію со стороны новгородскихъ славянъ, которые сначала дѣлали набѣги на мирныхъ тихихъ корелъ, а затѣмъ поселились въ Кореліи навсегда, и съ тѣхъ поръ здѣсь происходило систематическое смѣшеніе (метисація) двухъ племенъ: финскаго и славянскаго. Финскій типъ корела сгладился до нѣкоторой степени славянскою округлостью

лица и большей подвижностью; славянскій же типъ пріобрѣлъ значительныя угловатости и скулатость въ лицѣ. Русскіе оттѣснили корела отъ берега Онежскаго озера и сами заселили его; здѣсь, по западному берегу озера и главнымъ образомъ по Свири еще можно найти чистые, нетронутые метисаціей типы великоросовъ, но уже на 50—100 верстъ отъ берега этотъ типъ утрачиваетъ свою этнографическую цѣльность и замѣтно переходитъ въ финскій. Русскій языкъ этого берега Онеги тоже подвергся измѣненію, и хотя въ немъ много сохранилось древне-русскихъ оборотовъ рѣчи и словъ, все таки произношеніе сильно пострадало отъ сосѣдства съ корелами, такъ какъ и до сихъ поръ русское населеніе берега прекрасно говоритъ по корельски.

Неопытному глазу отличить корела отъ русскаго довольно трудно: тѣ же свѣтлые волоса, свѣтло голубые или сѣрые глаза, почти тотъ же древне-великорусскій типъ; и лишь при внимательномъ изученіи корела находимъ въ немъ сильно выраженныя, отличительныя черты финскаго племени. Цвѣтъ лица у него всегда густо розоватый, почти малиновый (по этой примѣтѣ даже сами корелы отличаютъ другъ друга), овалъ лица обнаруживаетъ скрытую скулатость, усы всегда свѣтлѣе бороды (въ особенности концы ихъ и начало бороды), угловатое, длинное туло-

вище поставлено на сравнительно короткихъ ногахъ, руки нѣсколько длинноваты. Корелъ хорошаго средняго роста, вся фигура плотная, коренастая, а лицо всегда производитъ симпатичное впечатлѣніе. Некрасивыхъ корелъ, или отталкивающихъ лицъ я почти не встрѣчалъ, а дѣти въ общемъ даже красивы. Характеръ корела тихій, ровный, мягкій: корелъ любитъ тишину, спокойствіе, молчаніе, и поэтому въ корельскихъ деревняхъ царствуетъ полнѣйшая тишина. Въ то же время онъ замкнутъ, мало общителенъ и часто недовѣрчивъ. Корелы ведутъ патріархально-простую жизнь, и нравы ихъ не испорчены внѣшней культурой, отъ которой такъ пострадало сосѣднее русское населеніе. Корелъ честенъ до мелочей, никогда не обманетъ и не обворуетъ. Мнѣ случалось нѣсколько разъ забывать у корелъ какую нибудь вещь, и всегда она, спустя долгое время, доходила до меня за сотни верстъ, при этомъ вещь сдавалась съ рукъ на руки и много прошла такихъ рукъ, прежде чѣмъ дошла по назначенію. На мой вопросъ, какимъ образомъ они нашли меня, когда я все время ѣхалъ впередъ, сворачивалъ въ бокъ, проѣзжалъ лѣса, рѣки, озера, мнѣ сказали: „Проѣзжалъ тамъ мѣсяца два тому назадъ какой то господинъ, оставилъ вещь... дожно быть ты, вотъ и возьми ее“.— Одинъ разъ я забылъ дождевой плащъ, и полу-

КОРЕЛЪ, ОТПРАВЛЯЮЩІЙСЯ ВЪ ПОЛЕ

чилъ его мѣсяцъ спустя за триста верстъ отъ мѣста, гдѣ плащъ оставилъ. Въ другой разъ, въ одной глухой деревушкѣ, заброшенной среди лѣсовъ, я позабылъ свой револьверъ; и спустя четыре мѣсяца получилъ его обратно въ Петербургѣ, гдѣ меня разыскали и все-таки возвратили потерю. Это достаточно иллюстрируетъ честность корела. А кромѣ того, въ немъ нѣтъ той жадности къ деньгамъ, которою отличаются его сосѣди. За угощеніе проѣзжаго онъ не хочетъ брать денегъ, или если беретъ, то сколько-бы ни дали. Какъ земледѣлецъ, незнакомый съ денежными операціями, корелъ не знаетъ цѣны деньгамъ, и часто за безцѣнокъ отдаетъ плоды своего тяжелаго труда. Этимъ пользуются разные торговые хищники, и часто корелъ, которому и хорошо жилось бы дома при другихъ условіяхъ, долженъ идти въ кабалу: наниматься на сплавъ лѣса, на выжиганье древеснаго угля и пр. тяжелый, плохо оплачиваемый трудъ.

Одѣвается корелъ просто, и въ костюмѣ онъ потерялъ свою этнографическую особенность; только бѣлая полотняная рубаха въ лѣтнее время и бѣлыя порты показываютъ на слѣды чуди, которая когда-то здѣсь жила.

Женщины болѣе сохранили свой этнографическій цвѣтъ одежды, и если смотрѣть на толпу корелокъ, одѣтыхъ по праздничному, то очень

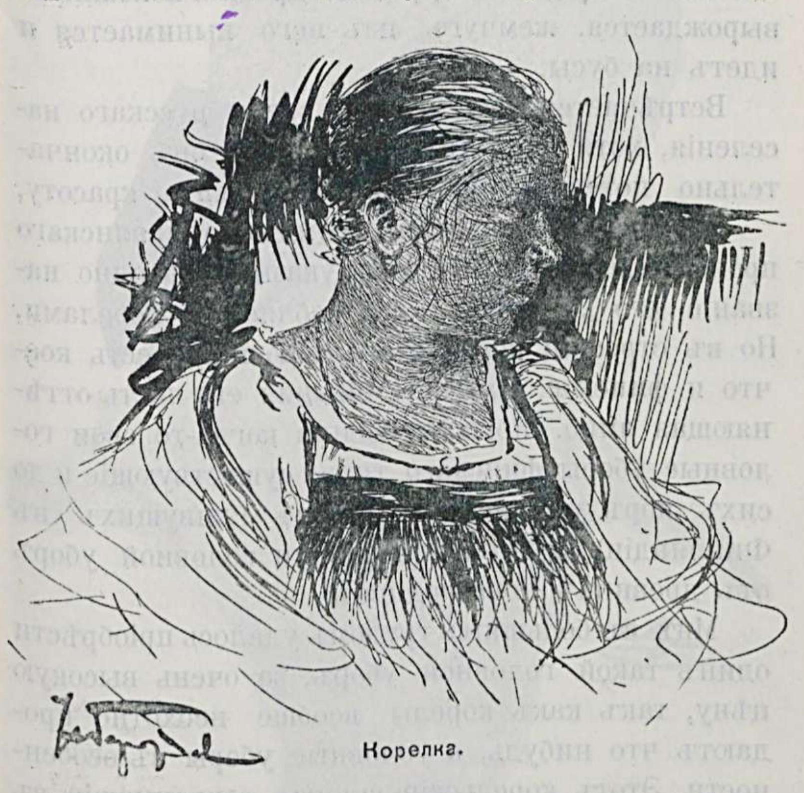
легко можно замѣтить сочетаніе красокъ: черной съ бордо, съ коричневой, даже желтой. Это несомнѣнно говоритъ о стойкости и живучести финскаго племени.

Но кромѣ того, женщины въ глухихъ деревняхъ еще до сихъ поръ сохранили свой старинный головной уборъ, чрезвычайно красивый и нарядный. Женщины украшаютъ головы такъ называемой короной, которая состоитъ изъ двухъ разныхъ частей: верхней—подзора и нижней—поднизи или сѣтки.

Это своего рода кокошникъ, тонкой, ажурной работы, весь усыпанный жемчугомъ. Въ особенности красива сѣтка, спускающаяся надъ лбомъ, бросающая тѣнь на лицо и придающая всякому лицу, даже не совсѣмъ красивому, миловидность и нарядный видъ. Въ ушахъ носятъ громадныя, жемчужныя серьги, а замужнія женщины, кромѣ кокошника, надѣваютъ на затылокъ повойникъ, тоже усыпанный жемчугомъ; въ такомъ уборѣ голова замужней корелки кажется какъ бы закрытой шлемомъ; открытымъ остается одно лицо.

Такіе кокошники встрѣчаются далеко не у всѣхъ и цѣнятся очень дорого, иногда до 300 руб., благодаря той массѣ жемчуга, который нанизанъ на нихъ. Я сначала удивлялся, какъ могъ бѣдный полудикій корелъ купить такое дорогое украшеніе, пока наконецъ не узналъ, что жемчугъ

этотъ—мѣстный, добывается въ нѣкоторыхъ рѣкахъ и озерахъ Олонецкаго края и идетъ на украшеніе женскихъ головныхъ уборовъ. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ корелъ остался не

Корелка.

промышленникомъ и торговцемъ, а земледѣльцемъ, и вмѣсто того, чтобы продать жемчугъ и получить за него деньги, оставилъ его себѣ для украшенія женъ и дочерей. Но въ мѣстахъ болѣе

близкихъ къ торговымъ центрамъ, гдѣ простое деревенское платье смѣняется на модное, городское, гдѣ появляются рукава съ буфами, кофты, зонтики и пр., тамъ красивый древній кокошникъ вырождается, жемчугъ изъ него вынимается и идетъ на бусы.

Встрѣчается онъ здѣсь и среди русскаго населенія, хотя очень рѣдко, но тутъ онъ окончательно потерялъ свою первоначальную красоту.

Корельскій кокошникъ несомнѣнно славянскаго происхожденія; но это уже указываетъ одно названіе его „подзоръ", употребляемое корелами. Но въ строеніи корельскаго кокошника есть коечто и финское. Именно—нижняя его часть оттѣняющая лицо. Корелы носили когда-то свои головные уборы финскаго типа, существующіе и до сихъ поръ у финскихъ корелъ (живущихъ въ Финляндіи), а потомъ переняли головной уборъ отъ древнихъ новгородцевъ.

Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось пріобрѣсти одинъ такой головной уборъ, за очень высокую цѣну, такъ какъ корелы вообще неохотно продаютъ что нибудь, а головные уборы въ особенности. Этотъ корельскій шлемъ, сохранившій въ себѣ и древній славянскій художественный вкусъ, и слѣды финской переработки, находится теперь въ этнографическомъ музеѣ Академіи наукъ.

Живучесть и стойкость финскаго племени въ

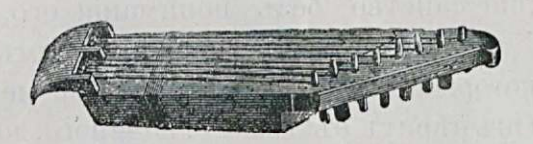
КОРЕЛЬСКАЯ ДѢВУШКА ВЪ КОКОШНИКѢ.

особенности сказалась въ кореле, который несмотря на вековое соседство русскихъ, несмотря на отсутствіе литературы и своей грамоты, не утратилъ своихъ племенныхъ особенностей, даже языка и не столько самъ смешивался съ другими, сколько претворялъ въ себе другихъ. Русская речь не испортила его природнаго языка и, выучившись по-русски, онъ говоритъ на этомъ языке довольно хорошо; между темъ, русскаго, знающаго корельскій языкъ, всегда можно отличить, такъ какъ его природная речь пострадала, выговоръ пріобрелъ финскій характеръ произношенія. Однажды, когда я возвратился съ прогулки въ квартиру, меня встретилъ корелъ съ такими словами по-русски: „Ужели ты хочешь ѣсть!“ Я сразу не понялъ его и смотрелъ на него удивленными глазами, и только потомъ понялъ, что это финская вопросительная форма, по-русски же это будетъ: „Не хочешь ли ты уже ѣсть?“ Я не знаю произвелъ ли русскій языкъ такія неправильности въ языке корела, но во многихъ местахъ, где смешеніе русскихъ съ корелами происходило въ особенности сильно, я встречалъ уже въ русской речи такую неправильную форму, когда частица „ужели“ или „ли“ ставилась впереди глагола.

Не зная корельскаго языка, (мне удалось выучить только несколько самыхъ необходимыхъ

словъ и предложеній), я не могу ничего сказать о его чистотѣ; но корелы южной части края, преимущественно Олонецкаго уѣзда, говорили мнѣ: „Нашъ языкъ чистый, крѣпкій, мы говоримъ правильно; а поѣдешь туда («на сѣверо-востокъ»), тамъ говорятъ не такъ“. И дѣйствительно, корелъ, живущій вблизи Петрозаводска, Кивача и Масельги, говоритъ значительно иначе, нежели южный корелъ.

И несмотря на свой „чистый, крѣпкій“ языкъ, корелъ не имѣетъ ни литературы, ни пѣсенъ, ни даже музыки. Единственный музыкальный

Кантелэ.

инструментъ его *гантапэ* (по фински „кантелэ“), на которомъ, какъ говорятъ финскія саги, когда то игралъ творецъ вселенной старый Вейнемейненъ, теперь почти исчезаетъ. Если же онъ гдѣ и встрѣчается, то не для великихъ міровыхъ поэмъ, не для Калевалы, а для какого нибудь казачка или трепака, занесеннаго въ эту глушь кѣмъ нибудь, служившимъ въ войскахъ. Корелъ не умѣетъ слагать пѣсенъ, природа не вдохновляетъ его; онъ молчаливъ и угрюмъ, какъ тѣ

скалы и необозримые лѣса, среди которыхъ онъ живетъ; эта же мрачная природа налагаетъ отпечатокъ на его духовное міросозерцаніе, на его религію, въ которую онъ вноситъ много чисто-языческаго суевѣрія.

Русскіе корелы православные; финскіе же—лютеране. Но православными они считаются лишь номинально: громадное большинство ихъ придерживается „старой вѣры", сохранившейся здѣсь съ древнихъ временъ и занесенной сюда тѣми русскими, которые переселялись сюда въ XVI в., гонимые нововведеніями патріарха Никона. Принявъ христіанство безъ пониманія его, корелъ остался вѣренъ до сихъ поръ многимъ суевѣріямъ, которыя держатся у него со времени язычества. Онъ вѣритъ въ лѣшаго, водяного, домового, въ нечистую силу; вѣритъ въ колдовство и заговоры, и его молчаливость и замкнутость вѣроятнѣе всего можно объяснить нежеланіемъ разгнѣвить того или другого духа лишнимъ словомъ, сказаннымъ въ недобрый часъ. А такъ какъ говорить все-таки приходится, то у корела есть цѣлый запасъ изрѣченій, заклинаній, заговоровъ, которыми онъ и старается замирить, задобрить духа зла на тотъ случай, еслибъ онъ оказался разгнѣваннымъ. Однажды, ѣдучи лѣсомъ, я спросилъ своего извозчика: «А что, медвѣдя мы не встрѣтимъ?!» —«А чтобъ ему камень!—

КОРЕЛЬСКАЯ ИЗБА.

сказалъ испуганный корелъ—«ты тутъ всякой бѣды накличешь, тьфу, тьфу, сгинь онъ, пропади».—Я хорошо зналъ, что корелъ мало боится встрѣчи сь медвѣдемъ, но упоминать о немъ въ лѣсу, гдѣ все можетъ случиться, гдѣ могутъ слышать, не полагается, и объ этомъ онъ уже впослѣдствіи мнѣ разсказалъ. Въ другой разъ я неосторожнымъ вопросомъ едва не накликалъ бѣды на себя; какъ-то садясь въ лодку, чтобы переплыть довольно широкое озеро, я не подумавши спросилъ моихъ гребцовъ: «А что, не утонемъ мы въ этой лодкѣ въ такую погоду»?— Что ты, что ты, баринъ, всполохнулись корелы,— Господь, насъ помилуй, Господь, помилуй!..—и начали креститься. А потомъ спустя полчаса на срединѣ озера разыгралась такая буря, что дѣйствительно едва не пришлось утонуть, и всю вину въ этомъ корелы свалили на меня: „Не надо болтать зря, въ неурочное время“.

Впослѣдствіи мнѣ придется возвратиться къ суевѣрію корелъ; признаки его можно найти на кладбищахъ, въ лѣсахъ, на озерахъ, вездѣ; но я долженъ сказать, что корелъ очень религіозенъ, до суевѣрія религіозенъ, хотя рѣдко знаетъ какую нибудь молитву. Вся молитва его состоитъ изъ словъ: „Господи помилуй!“ и въ эти слова онъ вкладываетъ все, что онъ проситъ отъ Бога, чего хочетъ. Почти въ каждой

деревнѣ есть, если не церковь, то часовня, а кресты понаставлены вездѣ: на перепутьи, вблизи дороги, на берегу озера или рѣки, откуда уѣзжаютъ на судахъ, въ глухомъ лѣсу, даже въ полѣ. Вездѣ корелъ старается или задобрить неблагопріятныхъ духовъ, или покорить, устрашить ихъ знаменіемъ креста.

Но хотя дикая, мрачная природа Кореліи и заставляетъ здѣшняго жителя защищаться отъ темной силы, хотя она и наполняетъ его душу суевѣрнымъ трепетомъ, тѣмъ не менѣе, въ борьбѣ съ нею за существованіе онъ проводитъ свою жизнь. И надо сказать, что эта жизнь проходитъ въ тяжеломъ, упорномъ трудѣ. Лѣса и камни раздѣлываетъ корелъ подъ пашню, которая далеко не всегда прокармливаетъ его, а въ многочисленныхъ озерахъ, которыми сплошь усѣяна его страна, онъ ловитъ рыбу. Южная часть Олонецкой губерніи считается самой плодородной: здѣсь даже можетъ вызрѣть пшеница; но въ сѣверной части и рожь не всегда вызрѣваетъ, и часто корелъ къ мукѣ подмѣшиваетъ древесную

Кресты въ Олонецкомъ краѣ.

кору. Молочныхъ продуктовъ у корелъ мало, такъ какъ скота немного: его негдѣ пасти; картофель засѣвается въ самомъ небольшомъ количествѣ, а огородныхъ овощей даже совсѣхъ нѣтъ; поэтому пища корела до крайности проста и груба. Изрѣдка онъ ѣстъ молочную пищу, къ праздникамъ убиваетъ барана, свинью или корову, въ постные же дни, которые составляютъ половину года, онъ довольствуется похлебкой, сваренной изъ *малька* (мелкой рыбки). Малекъ этотъ ловится весной и сушится тутъ же, гдѣ выловленъ, на пескѣ или на крышѣ рыбачьяго шалаша, а потомъ сваренная изъ него похлебка имѣетъ отвратительный вкусъ и изобилуетъ пескомъ. Рѣдко корелъ питается свѣжей рыбой: она почти всегда подается на столъ въ сушеномъ или соленомъ видѣ. Въ одномъ глухомъ углу мнѣ пришлось прожить около недѣли, дѣлая экскурсіи въ разныя стороны. Корелъ въ первый же день моего пріѣзда пошелъ и выловилъ на мое счастье или несчастье громаднѣйшую щуку, которою я, за

Кресты въ Олонецкомъ краѣ.

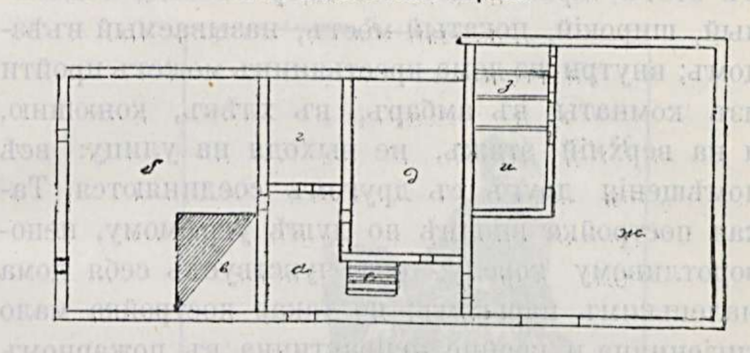
отсутствіемъ другой пищи, и питался цѣлую недѣлю. Въ первый день я ѣлъ ее въ свѣжемъ видѣ, остальные же 6 дней соленою. Въ концѣ концовъ она до того мнѣ опротивѣла, что я поспѣшилъ уѣхать. А между тѣмъ для корела, всегда обѣдавшаго со мной вмѣстѣ, это былъ праздникъ и рѣдкій случай полакомиться. Въ этомъ видна крайняя неприхотливость корела, довольство малымъ. Онъ не ѣстъ зайца, считая его нечистымъ, не ѣстъ раковъ, курицъ; даже куриныя яйца ѣстъ только на Пасху; не ѣстъ ничего, что для него ново, небывало, напр., простой колбасы, которая уже своимъ видомъ производитъ на него отталкивающее впечатлѣніе. Они страшно брезгливы. Однажды, послѣ продолжительной голодовки и вынужденнаго поста, я попалъ въ деревню, гдѣ нашлась свѣжая медвѣжатина. Корелы убили медвѣдя, шкуру сняли, а лучшіе кусочки свѣжаго мяса вырѣзали и поджарили. Я радъ былъ и медвѣжатинѣ, хотя признаюсь, ни разу ее не ѣлъ и относился къ ней съ большимъ предубѣжденіемъ. Отвѣдавъ медвѣжьяго филея, я остался относительно доволенъ имъ, быстро освоился съ его своеобразнымъ вкусомъ и уплеталъ его за обѣ щеки; корелы, глядя на меня тоже не отставали, и вдругъ случилась невѣроятная вещь. Вошелъ одинъ корелъ-старикъ въ комнату и съ отчаяніемъ въ голосѣ восклик-

нулъ: „Да что же вы ѣдите! вѣдь это поганое!“ И не успѣли мои компаньоны проглотить кусковъ, которыми были набиты ихъ рты, какъ съ ними сдѣлалась страшная рвота. Одинъ изъ нихъ глядя на меня, крѣпился и боролся съ овладѣвавшей его тошнотой, но въ концѣ концовъ не выдержалъ и послѣдовалъ примѣру товарищей. Эта траги-комическая сцена показала мнѣ, до какой степени корелъ постояненъ и брезгливъ въ своей ѣдѣ.

Единственное, въ чемъ сказалась широта и художественный вкусъ корела это—его постройка, большая, широкая, свободная и оригинальная. Въ главныхъ своихъ чертахъ, это постройка финскихъ племенъ, ее встрѣтишь по всему сѣверу Россіи, съ небольшими лишь измѣненіями; но въ Кореліи она имѣетъ свою первоначальную чистоту.

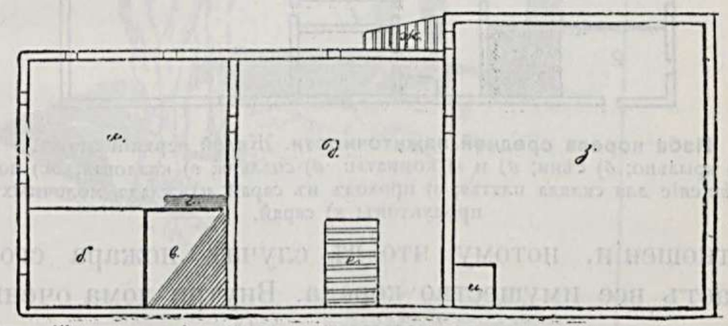
Постройка корелъ сильно отличается отъ великорусскихъ построекъ, гдѣ лѣсовъ мало, гдѣ каждое бревно на счету. У корела лѣса много, онъ часто строитъ себѣ чуть-ли не цѣлые дворцы. Но и сама постройка отличается отъ великорусской. Въ то время, когда великоросъ строитъ низкую избу, главный домъ, а рядомъ съ нимъ хлѣвы, конюшни, амбары, повѣть, корелъ всѣ эти постройки соединяетъ подъ одной крышей, въ одномъ большомъ двухъэтажномъ домѣ. Въ ни-

Изба зажиточнаго корела.

Нижній этажъ. *а)* Сѣни; *б)* изба теплая; *в)* русская печь; *г)* кладовая; *д)* амбаръ; *е)* лѣстница наверхъ; *ж)* хлѣвъ; *з)* загородки для овецъ и свиней; *и)* конюшня.

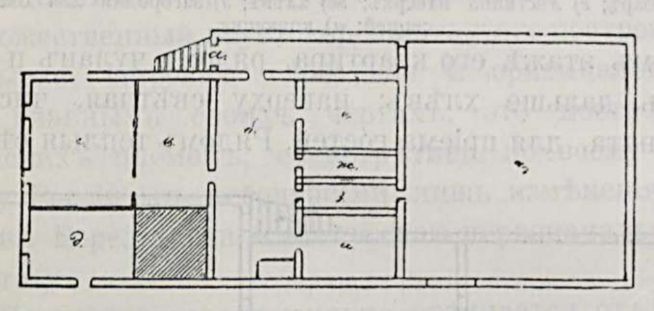
жнемъ этажѣ его квартира, рядомъ чуланъ и амбаръ, дальше хлѣвъ; наверху свѣтлая, чистая комната, для пріема гостей. Рядомъ теплыя сѣни,

Верхній этажъ. *а)* свѣтлица; *б)* спальня; *в)* печь; *г)* рундукъ у печи; *д)* сѣни; е) лѣстница внизъ; *ж)* въѣздъ; *з)* сарай для телѣгъ, упряжи, сѣна и пр.

въ которыхъ лѣтомъ стоитъ ткацкій станокъ, а дальше — большой сарай для склада домашней утвари: сбруи, саней, телѣгъ, сохъ, косъ и пр.

Въ этотъ сарай ведетъ со двора всегда отдѣльный, широкій, покатый мостъ, называемый въѣздомъ; внутри же дома крестьянинъ можетъ пройти изъ комнаты въ амбаръ, въ хлѣвъ, конюшню, и на верхній этажъ, не выходя на улицу: всѣ помѣщенія другъ съ другомъ соединяются. Такая постройка вполнѣ по душѣ угрюмому, неповоротливому корелу: онъ чувствуетъ себя дома маленькимъ царькомъ; но такая постройка мало гигіенична и крайне непрактична въ пожарномъ

Изба корела средней зажиточности. Жилой верхній этажъ. *а*) крыльцо; *б*) сѣни; *в*) и *г*) комнаты: *д*) спальня; *е*) кладовая; *ж*) помѣщеніе для склада платья; *з*) проходъ въ сарай; *и*) складъ молочныхъ продуктовъ; *к*) сарай.

отношеніи, потому что въ случаѣ пожара сгораетъ все имущество корела. Внутри дома очень чисто: полы всегда вымыты, окна украшены занавѣсками, комнаты большія и свѣтлыя. Направо отъ входной двери въ углу стоитъ большая русская печка, лицомъ къ двери; печь иногда изукрашена карнизами, выступами, нишами; на очагѣ стоитъ желѣзный глаголь для подвѣски

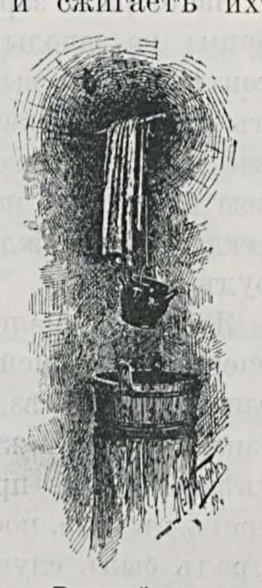

ВЪ ГОРОДЪ ЗА ПОКУПКАМИ.

котловъ, сбоку рукомойникъ надъ бадьей. На печи зимой спятъ. Отъ печи и до стѣны, противоположной дверямъ, идутъ нары, служащія для спанья, а вдоль двухъ другихъ стѣнъ— длинныя широкія скамьи для сидѣнья. Въ переднемъ углу икона, тутъ же столъ, а у потолка отъ одной стѣны къ другой идетъ широкая полка. Помѣщеніе большое, удобное, и только у слишкомъ бѣдныхъ корелъ оно тѣсно; тогда оно грязное и закоптѣлое.

Какъ я уже говорилъ, главное занятіе корелъ—хлѣбопашество. Земли у нихъ сравнительно много, они бывшіе государственные, а не помѣщичьи крестьяне, но земля не вездѣ удобна. Въ Кореліи, какъ и вообще въ Олонецкомъ краѣ, много озеръ и болотъ, а въ иныхъ мѣстахъ почва настолько камениста, что обработка ея чрезвычайно затруднительна. Кряжи финляндскихъ горныхъ породъ встрѣчаются на каждомъ шагу, иной разъ просѣкая рѣки и образуя на нихъ водопады, каковы: Кивачъ, Поръ-Порогъ, Гирвасъ и др., иной разъ образуя цѣлыя горы, какова напр. Бѣлая Гора (мраморъ) въ Тивдіи. Камень, лѣсъ и вода — вотъ богатство Кореліи. Лѣсомъ она дѣйствительно богата, и это богатство оберегается закономъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ происходила усиленная скупка и вырубка олонецкихъ лѣсовъ; эта скупка приняла такіе

широкіе размѣры, что грозила совершенно обезлѣсить страну, и тогда былъ изданъ законъ, воспрещавшій крестьянамъ продавать свой лѣсъ. Не имѣя права продавать лѣсъ и мало нуждаясь въ немъ, корелъ не знаетъ ему цѣны и часто уничтожаетъ его самымъ хищническимъ способомъ: онъ срубаетъ деревья и сжигаетъ ихъ тутъ-же на вырубленномъ мѣстѣ, чтобы во-первыхъ не обремѣнять себя вывозкой ненужнаго лѣса, во-вторыхъ удобрить землю, которую онъ затѣмъ пашетъ и засѣваетъ.

Рукомойникъ.

Хотя въ корельскихъ лѣсахъ и много всякой дичи и звѣря, а медвѣдь—самый обыкновенный звѣрь, тѣмъ не менѣе охота въ видѣ промысла въ Кореліи не существуетъ; есть отдѣльные любители звѣроловы и охотники; главное оружіе ихъ—древнее кремневое ружье мѣстнаго издѣлія *), изъ котораго они очень умѣло и ловко стрѣляютъ. Рыболовство въ видѣ промысла существуетъ, но далеко не такъ широко, какъ можно было

*) Выдѣлкой кремневыхъ ружей особенно славится Олонецкій уѣздъ.

бы предполагать по обилію озеръ, а если гдѣ и есть, то находится на откупѣ у промышленнниковъ. Иной разъ бываетъ трудно купить рыбу, хотя тутъ же на мѣстѣ цѣлые садки наполнены ею: она назначается въ отправку, главнымъ образомъ, въ Петербургъ.

Часто ради заработка корелъ поступаетъ рабочимъ на заводы, копаетъ руду, сплавляетъ и возитъ дрова, выжигаетъ уголь, но въ этомъ онъ всегда уступаетъ своимъ сосѣдямъ русскимъ; онъ прежде всего земледѣлецъ, и всю жизнь свою проводитъ надъ пашней, которая далеко не всегда вознаграждаетъ его тяжелый вѣковѣчный трудъ.

Жизнь въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ въ теченіи пяти дней не показалась мнѣ скучною и безполезной. Я ѣздилъ по окрестностямъ городка и знакомился съ жизнью корелъ. Передъ самымъ отъѣздомъ мнѣ предложили съѣздить за десять верстъ въ село, посмотрѣть праздничное гулянье. Я радъ былъ случаю. Громадное село, раскинувшееся по берегу р. Олонки, наполнилось народомъ, двигавшимся плотной стѣной, длиннымъ зміемъ по единственной улицѣ села. Но послѣ обѣда начали формироваться кадры дѣвушекъ-корелокъ окрестныхъ деревень, которыя вытѣснили куда-то толпу и сами заполнили улицу. Онѣ шли въ два ряда, каждый по своей сторонѣ

улицы, навстрѣчу другъ другу. Передъ моими глазами проходили цѣлые полки дѣвушекъ, здоровыхъ, крѣпкихъ, яркихъ, цѣлое войско, голова котораго была здѣсь, передо мной, а хвоста и совсѣмъ не было замѣтно. А на встрѣчу этому войску подвигалось такое же, блестящее

Разматываніе пряжи.

жемчугомъ, шолкомъ и даже парчей. Достигнувъ конца улицы, колонна поворачивала, изгибаясь змѣей и шла обратно, чтобы посреди села встрѣтиться съ другой, противоположной колонной. Это была крайне оригинальная, живописная кар-

тина, въ которой я подмѣтилъ преобладаніе чернаго цвѣта съ коричневымъ, соединеніе, отличающее корельскія краски. По сторонамъ дороги стояли парни, изрѣдка же группы ихъ проходили по улицѣ сзади колонны, рѣзкій звукъ гармоники чаровалъ и плѣнялъ деревенскихъ красавицъ.

Это гулянье продолжалось цѣлый день. Въ разныхъ мѣстахъ на улицѣ стояли продавцы орѣховъ, конфектъ и другихъ крестьянскихъ го-

Гулянье.

стинцевъ, безъ которыхъ не обходится ни одно гулянье.

Я зашелъ въ избу одной старухи и спросилъ молока. Сидя на скамейкѣ, я случайно обратилъ вниманіе на занавѣси и удивился; это были замѣчательныя кружева, художественно выполненныя въ народномъ вкусѣ, съ интереснымъ рисункомъ, съ тѣнями. Кружева были ручной, кустарной работы, ширина ихъ—больше аршина. Оказалось,

КОРЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

что это село славится своими кружевами, и что такихъ красивыхъ кружевъ нигдѣ больше не дѣлаютъ.

Въ одной изъ корельскихъ деревушекъ я видѣлъ корельскую свадьбу. Съ оглушительнымъ звукомъ бубенчиковъ, съ гикомъ и крикомъ неслась по улицѣ цѣлая вереница телѣгъ. Далеко впереди скакалъ шаферъ, съ перевязью изъ бѣлаго полотенца черезъ плечо; за нимъ уже во главѣ самаго свадебнаго поѣзда скакалъ другой такой-же шаферъ, за ними телѣга съ пьяными посажеными, дальше ѣхали родители молодыхъ, потомъ молодые, затѣмъ дружки и наконецъ, родные и знакомые. Свадебный поѣздъ бѣшено промчался по всей деревнѣ, наполняя тишину ея оглушительнымъ звономъ и шумомъ, и потерялся гдѣ-то въ поднявшейся пыли, изъ тумана которой еще далеко долетали удаляющіеся звуки бубенчиковъ.

IV.

Переѣздъ по сыпучимъ пескамъ.—Рѣка Тулокса—Село Видлица.—Видлицкій заводъ.—Вдоль берега Ладожскаго озера.—Устье Тулоксы.—Дюны.—Олонка.—Сплавщики.—Набивка кошеля дровами.—Углежоги.—Обратный путь въ бурю.

Мнѣ хотѣлось проникнуть глубже въ Корелію, а потому я пренебрегъ удобствомъ почтоваго тракта и уклонился въ сторону, къ Ладожскому озеру, туда, гдѣ оно подходитъ къ финляндской границѣ. Этотъ уголокъ Олонецкаго уѣзда богатъ залежами желѣзныхъ рудъ; здѣсь расположилось нѣсколько заводовъ, съ которыми мнѣ и хотѣлось познакомиться. Такіе заводы, заброшенные въ далекой глуши, вносятъ въ жизнь окрестныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ заводско-промышленный характеръ и вызываютъ такіе промыслы, какъ напр. сплавъ лѣса и выжиганіе угля: и то, и другое было для меня интересно.

Ночью я выѣхалъ изъ Олонца. Дорога пошла вдоль рѣки Олонки сосновымъ лѣсомъ, и этотъ переѣздъ живо остался у меня въ памяти. Я люблю ночную ѣзду: она всегда болѣе содержательна, потому что видишь новыя мѣста въ совершенно новомъ, необыкновенномъ освѣщенiи. Въ памяти остаются только общiя, широкiя картины, мелочей-же, частностей глазъ не замѣчаетъ. Пара лошадей насилу тащитъ повозку по глубокому песку; впереди молча, недвижно сидитъ угрюмый корелъ, подъ дугой безъ устали звонитъ колокольчикъ, звонъ его далеко разносится по лѣсу и пугаетъ медвѣдей и волковъ. Сидишь и сквозь дремоту видишь угрюмыя, черныя сосны, сплошныя стѣны кустовъ и бѣлѣющiеся даже въ темнотѣ пески и мхи. Однообразно, монотонно и немножко жутко; унылая, дикая природа забирается въ душу и навѣваетъ широкiе образы и картины. По лѣсной дорогѣ, по сыпучимъ пескамъ ѣдешь куда-то вдаль, навстрѣчу чернымъ, остроконечнымъ соснамъ, непробудный сонъ которыхъ безжалостно нарушаетъ звонъ колокольчика.

Вдругъ въ лѣсу начало понемногу свѣтлѣть. Гдѣ-то встало солнце, и ночная жизнь лѣса начала уступать другой, сначала бѣлесоватой, потомъ сѣрой. Потомъ солнце поднялось выше лѣса и окрасило коричневые стволы сосенъ въ ярко

красный, почти пурпуровый цвѣтъ. Защебетали птицы, заиграла жизнь кругомъ, лѣсъ проснулся отъ глубокаго сна, стряхнулъ съ себя уныло-мрачную дремоту, ожилъ и привѣтливо встрѣтилъ ночныхъ путниковъ. А мы все ѣхали шагомъ по сыпучимъ пескамъ, которымъ казалось не будетъ конца.

Было утро, когда мы подъѣхали къ деревнѣ, живописно раскинутой на обоихъ берегахъ рѣки Тулоксы. Надъ рѣкой еще клубился легкій туманъ, но сквозь него видны были бревна и дрова, неподвижно лежавшіе на тихой водѣ рѣки. Тулокса, какъ и Олонка впадаетъ въ Ладожское озеро, до котораго отсюда верстъ пять. По ней сплавляются дрова для заводовъ, находящихся на берегу озера, но теченіе въ этой рѣкѣ до того медленно, что дрова и лѣсъ приходится гнать: иначе они не плывутъ.

Перемѣнивъ лошадей, мы послѣ полдня поѣхали дальше той же дорогой. Раскаленный песокъ немилосердно жегъ лицо, было душно и тяжело. Еслибъ не высокій сосновый лѣсъ, растущій по сторонамъ, это была бы душная песчаная пустыня. Мы ѣхали берегомъ Ладожскаго озера, хотя его и не было видно. Весь этотъ берегъ—песчаный. У устья рѣки Тулоксы стоятъ громадныя песчаныя горы, дюны, которыя при вѣтрѣ клубятся пескомъ. Волны постоянно вы-

носятъ на берегъ песокъ. Вѣтеръ гонитъ песокъ дальше, песчаная гора все растетъ, песокъ заносится на нѣсколько верстъ отъ берега. Тутъ происходитъ вѣчная работа песка: съ нимъ нѣтъ силъ бороться.

Лошадь идетъ шагомъ, колеса глубоко утопаютъ въ пескѣ. Мертвый песокъ нагоняетъ скуку, на душѣ становится тоскливо. Даже угрюмый возница—корелъ не выдержалъ. Чтобы развѣять тоску и заодно, чтобы время не пропадало даромъ, онъ перекрестился и началъ пѣть обѣдню. Къ моему удивленію онъ зналъ ее всю наизусть. Онъ самъ себѣ подпѣвалъ, самъ отвѣчалъ на возгласы и прерывалъ молебствіе лишь тогда, когда требовалось крикнуть на лошадей: «Ну, пошли, дохлыя»! Пропѣлъ онъ обѣдню до конца, перекрестился, чмокнулъ на лошадей и опять погрузился въ гробовое молчаніе.

Меня уже начала утомлять эта ѣзда, когда вдругъ сквозь духоту раскаленныхъ песковъ начала пробиваться свѣжая влажная струйка воздуха. Это было Ладожское озеро. Мы ѣхали вдоль его берега и я вскорѣ изъ-за деревьевъ увидѣлъ его блестящую, голубую поверхность. Люди ожили, лошади тоже...

— Теперь скоро конецъ пескамъ—сказалъ корелъ,—скоро Видлица.

Въ Видлицу мы пріѣхали къ вечеру.

Деревня Видлица стоитъ на рѣкѣ Видлицѣ. Она чрезвычайно живописна. На островкѣ стоитъ церковь за каменной стѣной, вблизи школа, а по берегу рѣки расположились громадные дома корелъ. Есть здѣсь и волостное правленіе, и докторъ, нѣсколько лавокъ. Видлица — большое селеніе, заброшенное въ страшной глуши.

Остановился я въ земской почтовой станціи. Въ раскрытыя окна, выходившія на рѣку, врывался прохладный вѣтерокъ, изъ-за рѣчки доносилось чье-то пѣніе. Мнѣ показалось здѣсь очень симпатично и мирно. Утомленный суточнымъ переѣздомъ, я спалъ какъ убитый, въ чистой просторной комнатѣ земской станціи.

— Труботань, труботань, труботань!..—громко созывала баба коровъ на зарѣ,—труботань! труботань! — слышалъ я сквозь сонъ, но проснуться не могъ. А потомъ ужъ услышалъ подъ своимъ окномъ нарочито громкій, крикливый разговоръ:

— Ты-ли говоришь по-русски?

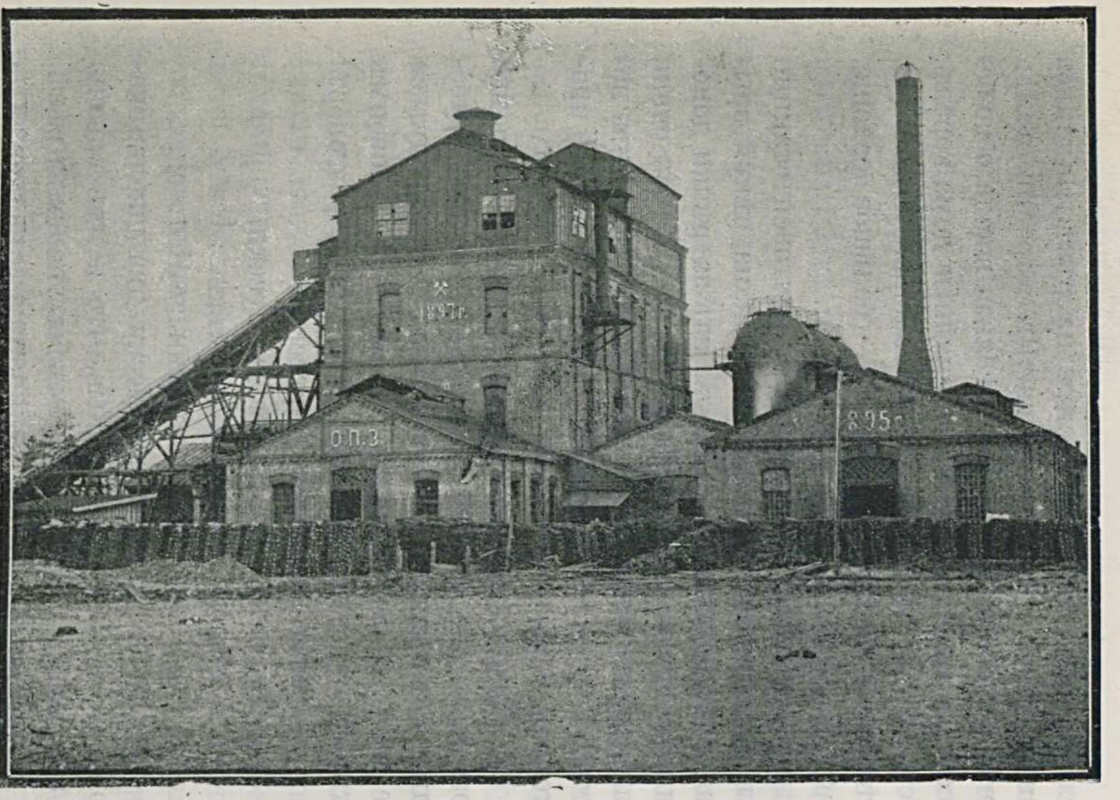
— Да, я хорошо говорю по-русски.

— А я хорошо пишу по-русски.

— Ты-ли пишешь по-русски...—И т. д.

Это разговаривали по-русски два школьника-корела, очевидно увѣренные, что я ихъ слышу. Я вскочилъ и первымъ дѣломъ выкупался въ рѣкѣ.

Деревня Видлица отличается отъ другихъ деревень этого глухого угла: она находится вблизи

ВИДЛИЦКІЙ СТАЛЕ-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ ОЗЕРѢ.

стале-литейнаго путиловскаго завода (въ 2-хъ верстахъ) и носитъ смѣшаный характеръ. Часть населенія—заводскіе рабочіе, часть земледѣльцы. Съ землей корелъ трудно разстается, поэтому земледѣльцевъ больше, и живутъ они лучше, зажиточнѣе; но близость завода сказалась на всей жизни населенія. Въ лавкахъ Видлицы можно найти все, что есть въ Петербургѣ, но несравненно дороже, нежели въ столицѣ. Яйца привозятъ изъ Петербурга, и стоятъ они 30 коп. десятокъ; масло, даже мука—все привозное, и все страшно дорого. Въ праздничные дни по деревнѣ гуляютъ пьяные корелы и заводскіе рабочіе, случаются драки и безобразія, чего въ другихъ корельскихъ деревняхъ, даже въ городахъ никогда не увидишь.

Меня интересовалъ заводъ. Я отправился туда пѣшкомъ. Управляющій завода оказался любезнѣйшимъ и гостепріимнѣйшимъ человѣкомъ, показалъ мнѣ весь заводъ и обѣщалъ покатать по Ладожскому озеру, на пароходѣ, буксирующемъ лѣсъ. Видлицкій стале-литейный заводъ стоитъ на самомъ берегу Ладожскаго озера. Длинная дамба выдается прямо въ озеро, тутъ стоятъ пароходы. Въ большихъ заводяхъ по обѣимъ сторонамъ дамбы стоитъ масса лѣса. На берегу—груды шлака, руды, ярусы чугунныхъ свинокъ, печи для выжиганія угля, заводскія строенія, и

посреди главный корпусъ завода съ возвышающейся трубой.

По деревянному помосту я взобрался высоко подъ крышу завода и любовался оттуда широкой картиной. Впереди широкое, безбрежное синее озеро, гдѣ-то направо Валаамъ, тамъ финскій берегъ, внизу дамба, пароходы и море лѣса...

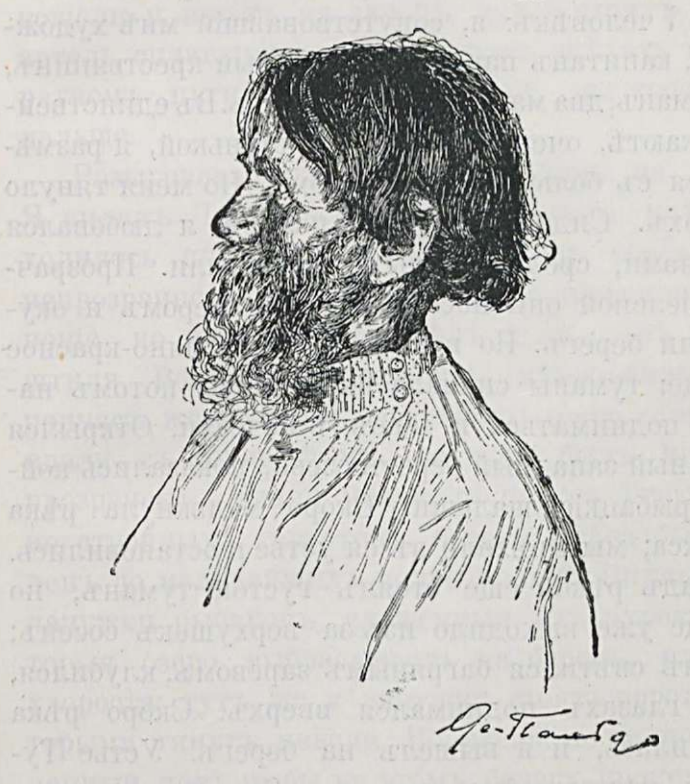
Красивая картина!

А въ заводѣ кипѣла тяжелая заводская жизнь, двигались человѣческія фигуры. Ежедневно 1200 человѣкъ трудились надъ тѣмъ, чтобы какъ можно больше было сложенныхъ въ ярусы чугунныхъ слитковъ, которые потомъ на пароходахъ отправляются въ Петербургъ.

Я пошелъ посмотрѣть выгрузку лѣса на берегъ, и тутъ увидѣлъ тяжелую сцену. Стоя по поясъ въ водѣ, корелъ съ женой вытаскивали изъ воды тяжелыя чурки и клали ихъ на сани. Ихъ сынишка, мальчикъ лѣтъ десяти держалъ за уздечку изнуренную лошаденку. Когда возъ былъ уже полонъ, мальчикъ дергалъ лошадь, и велъ ее по водѣ, самъ погружаясь по поясъ въ воду. Они вывозили дрова на берегъ, для того, чтобы свалить ихъ, потомъ опять ѣхать за новымъ возомъ, и такъ весь день. Тяжелый неблагодарный трудъ, а между тѣмъ эта корельская семья и эта тощая лошаденка, работающіе иной разъ въ дождь и осенній холодъ, прово-

дятъ такъ всю жизнь изъ-за куска насущнаго хлѣба.

Руду заводъ получаетъ главнымъ образомъ изъ Финляндіи: вблизи залежей руды мало. Дро-

Крестьянинъ д. Видлицы.

ва-же заводъ безъ особаго труда получаетъ путемъ сплава ихъ по рѣчкамъ: Видлицѣ, Тулоксѣ и Олонкѣ.

На разсвѣтѣ небольшой пароходикъ, на которомъ я могъ плыть куда хочу и остановиться гдѣ захочу, отчалилъ отъ заводской дамбы и бойко поплылъ вдоль лѣваго берега. На пароходѣ было всего 7 человѣкъ: я, сопутствовавшій мнѣ художникъ, капитанъ парохода—мѣстный крестьянинъ, штурманъ, два матроса и машинистъ. Въ единственной каютѣ, очень уютной и чистенькой, я размѣстился съ большимъ удобствомъ. Но меня тянуло наверхъ. Сидя на верхней палубѣ, я любовался туманами, среди которыхъ мы плыли. Прозрачной пеленой они носились надъ озеромъ и окутывали берегъ. Но вотъ взошло багряно-красное солнце; туманы сначала окрасились, потомъ начали подниматься и совсѣмъ исчезли. Открылся песчаный западный берегъ озера, показались койгдѣ рыбацкіе шалаши. Скоро мелькнула рѣка Тулокса; мы въѣхали въ ея устье и остановились.

Надъ рѣкой еще стоялъ густой туманъ, но солнце уже выходило изъ за верхушекъ сосенъ; туманъ свѣтился багрянымъ заревомъ, клубился, и на глазахъ поднимался вверхъ. Скоро рѣка очистилась, и я вышелъ на берегъ. Устье Тулоксы чрезвычайно красиво. Справа на высокомъ берегу растетъ сосновый лѣсъ, а слѣва песчаная дюна, такая высокая, что безъ передышки взлѣсть на нее трудно. Это самая высокая и самая интересная дюна на всемъ сѣверо-

западномъ берегу Ладожскаго озера, который весь покрытъ песчаными холмами. Сверху дюны видно безбрежное озеро, а внизу рѣка, вся покрытая сплавляемымъ лѣсомъ. Отсюда берутъ дрова въ кошели и везутъ на заводъ, здѣсь стоитъ цѣлая артель сплавщиковъ. Но рѣшивъ заѣхать на обратномъ пути сюда за дровами, мы тронулись дальше.

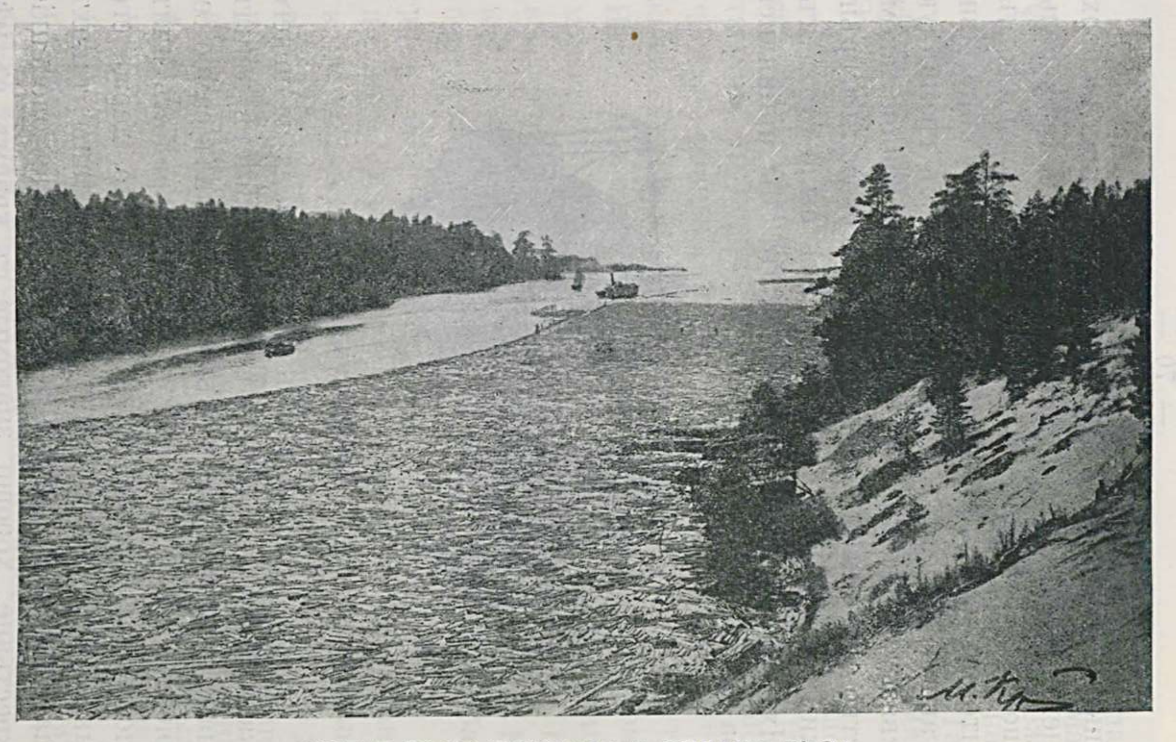
Разыгрался рѣдко хорошій день на озерѣ. Я видалъ Ладожское озеро много разъ, мнѣ приходилось плыть и въ бурю, и въ совершенно непрозрачномъ туманѣ, и въ обыкновенное волненіе, но ни разу не видѣлъ я на озерѣ такого штиля. Вода не колыхалась, нѣжно-бирюзовая; подчасъ жемчужная поверхность озера сливалась вдали съ горизонтомъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Вдали мелькали паруса угрюмыхъ, но стройныхъ гальотовъ, берегъ слѣва былъ виденъ до мельчайшихъ подробностей. Видны были лачужки рыбаковъ, сложенныя изъ чурокъ, которыя озеро выбрасываетъ на берегъ, или изъ хвороста; тутъ же у лачужки стоятъ вороты, которыми тянутъ невода. Но людей не видно. Усиленный ловъ рыбы на этомъ берегу происходитъ весной. Тогда населеніе прибрежныхъ деревень высыпаетъ на ловлю *«малька»*. Здѣсь его ловятъ, здѣсь сортируютъ, чистятъ и сушатъ на большихъ рогожахъ или на хворостѣ, которымъ по-

крыты крыши шалашей. Грубую работу исполняютъ женщины, работу почище выбираютъ себѣ мужчины. Малькомъ прибрежный житель питается круглый годъ, избытокъ продаетъ въ болѣе отдаленныя мѣста. Высушенный обыкновенный малекъ невкусенъ, и сваренная изъ него грязноватая похлебка даже противна: въ ней много песку, который хруститъ на зубахъ; но это излюбленная пища корела.

Штурманъ.

Знойный воздухъ умѣрялся холодкомъ воды, а воздуху и свѣта кругомъ была бездна. Въ этой безднѣ тонулъ глазъ. Куда ни взглянешь, кругомъ свѣтъ, нѣжныя, переливающіяся краски, всюду нѣмое, величественное спокойствіе. На пароходикѣ тоже спокойствіе. Только штурманъ бдительнымъ окомъ всматривается въ даль, да гдѣ-то внизу, въ нѣдрахъ парохода сидитъ лишенный свѣта, словно заточенный въ тюрьму машинистъ; остальные матросы растянулись на нижней палубѣ и играютъ въ ша-

УСТЬЕ РѢКИ ТУЛОКСЫ И СПЛАВЪ ЛѢСА.

шки, а мы съ капитаномъ расположились на верхней палубѣ. Сюда принесли самоваръ, такой большой въ сравненіи съ маленькимъ пароходикомъ, что онъ напоминалъ собой паровую машину, двигавшую пароходъ. Капитанъ принесъ громадную связку большихъ кренделей,—излюбленное лакомство олонецкаго крестьянина. Они оказались крѣпкими какъ камень, словно имъ было сто лѣтъ. Ихъ можно было только грызть. Мы принялись за чаепитіе.

Чаепитіе на палубѣ.

Я съ любопытствомъ посматривалъ на нашего капитана. Онъ сидѣлъ въ рубахѣ и жилетѣ, и пилъ чай съ такимъ усердіемъ, словно дѣлалъ самое серіозное дѣло на свѣтѣ. Съ него градомъ лилъ потъ, онъ громко дулъ на блюдечко, держа его на всѣхъ десяти пальцахъ. Капитаны такихъ пароходиковъ обыкновенно здѣшніе олонецкіе крестьяне, хорошо знакомые съ краемъ, съ мѣ-

стными озерами и рѣками; онъ плавалъ и по Сѣверной Двинѣ, и по Маріинской системѣ каналовъ, и по Онежскому озеру, а Ладожское озеро знаетъ, какъ пять своихъ пальцевъ. Такіе капитаны зарабатываютъ за лѣто рублей 300. Это опытный и интересный народъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы вошли въ плоское устье Олонки. Эта рѣка судоходна на протяженіи 15 верстъ отъ устья. Берега ея большей частью ровные, плоскіе. Она не такъ красива, какъ Тулокса, но это важный сплавной путь. Нашъ пароходикъ медленно плылъ по цѣлому морю лѣса; полѣнья и чурки то и дѣло попадали въ колеса парохода; то и дѣло слышится съ кормы „стопъ", и пароходъ останавливается. На бортахъ матросы. Вооруженные длинными баграми, они отталкиваютъ встрѣчныя бревна и полѣнья, иначе пароходу пришлось бы останавливаться на каждомъ шагу. Но вотъ показалась вдоль берега безконечная флотилія плотовъ; на плотахъ цѣлыя жилища — будки сплавщиковъ, столы для ѣды, скамейки, канаты. Сплавщики ходили по бревнамъ точно по суху, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ бревна разъѣзжались и образовывали широкія полыньи,—прыгали съ бревна на бревно съ замѣчательной ловкостью. Здѣсь легко было выйти на берегъ, и мы остановились.

На берегу раскинулся цѣлый лагерь сплавщиковъ. Рядъ землянокъ, прикрытыхъ рогожами, дерномъ или хворостомъ, напоминалъ маленькій городокъ, въ которомъ люди жили въ землѣ, точно кроты. Я отдернулъ рогожную дверь одной такой землянки и заглянулъ внутрь. Тамъ было темно и тѣсно. По обѣимъ сторонамъ—постели,

Землянка сплавщика.

грязныя, вонючія; подъ постелью сундукъ, надъ постелью въ углу темная икона. Въ такихъ землянкахъ живутъ сплавщики цѣлое лѣто. Пріѣзжаютъ они весной съ лѣсомъ, который въ теченіи лѣта отправляютъ то на гальоты, то съ па-

СПЛАВЪ ЛѢСА.

роходами на заводы, а осенью уѣзжаютъ на далекую родину (въ Архангельскую, Вологодскую губерніи, или на самый сѣверъ Олонецкой). Землянки всю зиму остаются пустыми, а въ слѣдующую весну заселяются новыми пришельцами.

Впереди поселенья, на самомъ берегу, на высокихъ громадныхъ рогаткахъ вялится на солнцѣ мясо; тутъ же рядомъ устроенъ большой очагъ. На длинныхъ перекладинахъ висятъ громадные котлы; въ нихъ варится обѣдъ. Кашеваръ съ громадной деревянной чумичкой переходитъ отъ котла къ котлу, что-то помѣшиваетъ, подкладываетъ дрова. А на полянкѣ бѣгаютъ полунагія дѣти и сладко дремлютъ собаки.

Мы проплыли по Олонкѣ еще верстъ семь, доѣхали до ближайшей деревни, въ которой и закупили провизію. Намъ удалось купить здѣсь свѣжаго лосося, изъ котораго мы на обратномъ пути на пароходѣ сварили роскошную уху. Въ этой деревнѣ я уже бывалъ раньше: отсюда было всего двѣ—три версты до села, въ которомъ я такъ недавно видѣлъ гулянье; дальше этого пароходы не ходятъ, а потому мы и поплыли обратно. Надо было торопиться въ Тулоксу, чтобы захватить кошель съ дровами и возможно раньше привезти его на заводъ.

Часамъ къ пяти вечера мы уже были въ Тулоксѣ. Кошель только устраивали. Кошелемъ

называется загородка изъ бревенъ, крѣпко связанныхъ другъ съ другомъ лыкомъ или хворостомъ. Кошель—длиной сажень въ 30—40, въ немъ помѣщается много дровъ. Прикрѣпляется онъ къ пароходу канатами. Доставка лѣса кошелями—самая простая и дешевая, но она возможна лишь вблизи береговъ; посреди озера, въ особенности въ волненіе весь лѣсъ можетъ выйти изъ кошеля и пароходъ придетъ ни съ чѣмъ. Волна раскидаетъ лѣсъ, а потомъ собирай его по берегамъ. Но и надъ такой простой работой, какъ заполненіе кошеля, трудится не мало народу. Кошелемъ обвели большое мѣсто на водѣ и начали загонять въ него бревна, чурки и дрова. Сплавщики обходятся безъ всякихъ лодокъ. Держа въ рукахъ багоръ, сплавщикъ перепрыгиваетъ съ бревна на бревно и проталкиваетъ ихъ въ кошель. Своимъ оружіемъ (багромъ) онъ пользуется очень ловко; то онъ плыветъ на одномъ бревнѣ, воткнувъ багоръ въ это бревно, то бѣжитъ по бревну, которое вертится подъ его ногами; при этомъ багоръ ему служитъ для равновѣсія. Сдѣлавъ 2—3 быстрыхъ шага по колыхающемуся бревну, сплавщикъ на мгновеніе останавливается, чтобы поймать равновѣсіе, опять два—три шага, опять остановка. Вдругъ, кажется, онъ падаетъ на правый бокъ. Но это только кажется. Онъ быстро ударяетъ багромъ по водѣ

слѣва, и въ этомъ размахѣ, въ этомъ ударѣ находитъ утерянное равновѣсіе... и опять бѣжитъ впередъ. Потомъ прыжокъ, и онъ уже на другомъ бревнѣ, а первое уже протолкнулъ багромъ впередъ, въ кошель, когда спрыгивалъ на второе бревно. Ловкость у нихъ поразительная: они не только не проваливаются въ воду, но окончивъ работу, выходятъ на берегъ совершенно сухіе.

Шалашъ углежога.

Однако, набить большой кошель—дѣло далеко не легкое: для этого нужно не меньше 2—3-хъ часовъ. Наскучивъ ждать окончанія работы, я пошелъ бродить по живописному берегу Тулоксы.

— А, здравствуй! — услышалъ вдругъ я съ проѣзжавшей лодки, наполненной дровами. То былъ вчерашній корелъ, везшій меня по сыпучимъ пескамъ. Теперь онъ правилъ рулемъ въ лодкѣ, а гребли двѣ бабы. Лодка, тяжело нагруженная дровами, медленно подвигалась среди плававшихъ чурокъ.

— Здравствуй! Ты что дѣлаешь? какъ попалъ сюда?

— Дрова отвожу—вонъ туда на озеро,—указалъ онъ головой на стоявшій вдали гальотъ...— Зарабатываю... Мы такъ каждый день...

И лодка скрылась на поворотѣ.

Дрова, и дрова. Всюду дрова. Вся рѣка запружена ими; отвозятъ ихъ на лодкахъ, на гальотахъ, на пароходахъ; сплавляютъ плотами, а ихъ все много. Куда ихъ такъ много идетъ! Часть ихъ увозятъ въ Петербургъ и часть идетъ на здѣшніе заводы, которые топятся древнымъ углемъ.

Пройдя версты двѣ, когда нашъ пароходъ, озеро и крутыя дюны совсѣмъ скрылись изъ виду, я набрелъ на цѣлый городъ углежоговъ. Самихъ углежоговъ было немного, человѣкъ десять, но тутъ былъ цѣлый городъ изъ громадныхъ угольныхъ кучъ. Кучей называются дрова, сложенныя для обжиганія ихъ на уголь. Однѣ кучи только складывались еще, другіе уже ды-

мились, третьи потухали. Законченная укладкой куча, обыкновенно круглой формы, имѣетъ въ діаметрѣ около 15 саж. и вся состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ чурокъ, плотно приставленныхъ другъ къ другу. Когда куча готова, ее зажигаютъ съ нѣсколькихъ сторонъ и въ серединѣ, но вся задача углежога состоитъ въ томъ чтобы не выпустить огня наружу, чтобы дрова тлѣли и превращались не въ золу, а въ крѣпкій древесный уголь. Для этого куча обсыпается со всѣхъ сторонъ землей, которая не пускаетъ огня наружу, и подъ которой дрова тихо тлѣютъ. Куча вся дымится и вблизи ея можно угорѣть. Если гдѣ прорвется огонь, углежогъ немедленно засыпаетъ землей. Куча горитъ такъ нѣсколько дней, даже недѣль и когда дрова обуглятся, тогда углежогъ наглухо засыпаетъ ее землей, она потухаетъ. Выжженный уголь отвозятъ на заводы.

Углежженіемъ занимаются какъ мѣстные корелы, такъ и пріѣзжіе мастера. Въ особенности славятся новоладожскіе углежоги. Промыселъ этотъ, хотя и простой, требуетъ не мало усилій и труда. Бываютъ случаи, что углежогъ, взлѣзшій на кучу, чтобы засыпать землей прорывающійся огонь, самъ проваливается въ кучу и живьемъ сгораетъ. Но съ другой стороны онъ все лѣто проводитъ на солнцѣ, на воздухѣ, и,

сидя съ своей женой тутъ же у дровяной кучи, занимается какой-нибудь поддѣлкой. Для защиты отъ непогоды и для ночлега у него есть шалашъ, сдѣланный изъ хвороста; въ такомъ шалашѣ, состоящемъ обыкновенно изъ двухъ соломенныхъ или хворостяныхъ крышъ, поставленныхъ на землю и соединенныхъ верхними концами, жить можно съ большимъ удобствомъ.

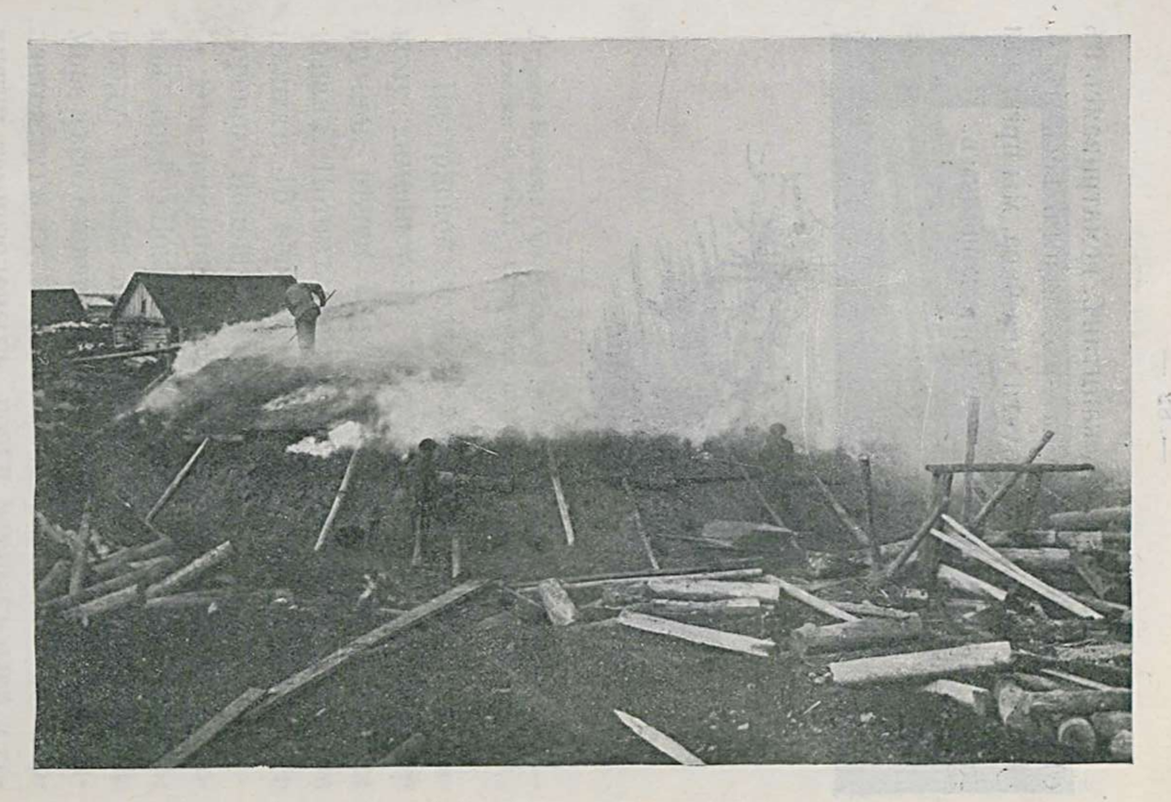
Объдъ углежоговъ.

На самомъ берегу, у воды, на бревнахъ расположилась кучка углежоговъ, мужчинъ и женщинъ. Они обѣдали. Вблизи висѣлъ на рогаткѣ таганокъ, въ которомъ дымилась душистая гречневая каша. Углежоги угостили меня кашей своего изготовленія, и я долженъ былъ признаться, что она здѣсь, на берегу этой сѣверной

рѣчки, на открытомъ воздухѣ, показалась мнѣ самымъ вкуснымъ въ мірѣ блюдомъ.

Скоро издали послышался свистъ парохода. Это означало—кошель набитъ, пора ѣхать. Онъ дѣйствительно былъ биткомъ набитъ чурками, и привязанъ крѣпкими канатами къ пароходу. Въ немъ было нѣсколько тысячъ чурокъ. Пароходъ свистнулъ, натужился и тихо потащилъ за собой всю эту массу лѣса, опоясанную толстыми, связанными другъ съ другомъ бревнами.

Было еще свѣтло, когда мы тронулись обратно, но день видимо началъ портиться. Потянулъ свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-востока, озеро начало волноваться. Вѣтеръ погналъ тучи, онѣ обложили все небо. Къ вечеру вѣтеръ усилился, пошелъ дождь, по озеру заходили громадныя волны. Такъ непостоянно и капризно Ладожское озеро: сейчасъ оно тихо, спокойно, и нельзя себѣ представить, что черезъ два—три часа поднимутся такія волны, отъ которыхъ суднамъ приходится плохо. Случилась и съ нами бѣда. Пароходикъ бойко справлялся съ волненіемъ, но кошель съ съ дровами сильно пострадалъ: волна выполоскала изъ него почти все его содержимое, онъ тащился сзади почти пустой. Чурки то и дѣло показывались среди волнъ и взлетали на ихъ верхушки.

ВЫЖИГАНІЕ УГЛЯ.

— Бѣда!—сказалъ капитанъ, всматриваясь въ сѣрую, дождливую даль,—раскидаетъ весь лѣсъ.

Дѣйствительно, спустя два часа, мы пріѣхали домой съ совершенно пустымъ кошелемъ.

V.

Деревня Большая Гора.—Земскій учитель.—Школа.—Волшебное озеро.—Находки въ землѣ.—Страничка изъ Калевалы.—Игра стараго корела.

На тряской телѣгѣ ѣхалъ я дальше, по узкому каменистому проселку, вдоль порожистой шумной рѣчки Пирдольсъ. Шумъ ея слышится издали. Потомъ потянулись казенные лѣса, на цѣлыхъ 15 верстъ. Наконецъ, мы пріѣхали въ деревню Большую Гору.

Эта деревня живописно раскинулась на высокой горѣ. Вокругъ видъ на десятки верстъ, всюду лѣсныя дали. Вотъ она—лѣсная страна. Море лѣса, еловаго, сосноваго, лиственнаго разстилается тутъ же подъ ногами; остроконечныя верхушки темнозеленыхъ, почти черныхъ елей и со-

сенъ смѣняются пришибленнымъ къ землѣ свѣтлозеленымъ кудрявымъ кустарникомъ, вдали между лѣсомъ серебрятся озера... Всюду широкій, могучій размахъ природы, чудный видъ. Смотришь и не наглядишься, дышется свободно и легко.

По своему обыкновенію я остановился у земскаго учителя. Низкая, приземистая школа его стояла на концѣ деревни. Учитель оказался рѣдко живой и симпатичный человѣкъ. Отъ него я много узналъ о школьномъ дѣлѣ, о корелахъ и пр. У него 30 учениковъ исключительно корельскихъ мальчиковъ; самъ онъ тоже уже говоритъ по корельски. Маленькіе корелы, кончивъ школу (4-хъ лѣтній курсъ) скоро забываютъ грамоту, но развитіе, полученное въ школѣ, конечно, останется навсегда. Въ школѣ есть двѣ библіотеки: учительская и ученическая, но онѣ очень бѣдны. Я съ жалостью смотрѣлъ на маленькій запасъ книгъ, который почти не пополняется и думалъ, что станутъ читать они, и ученики и учитель, когда все это будетъ прочитано.

Школа, такая симпатичная снаружи, внутри оказалась очень неприглядной. Оборванные обои, изъ-за которыхъ видны черныя балки, дырявый потолокъ съ явными слѣдами протековъ, развалившаяся печь, давшая около стѣнки трещину на ¼ аршина. А кругомъ все закопчено дымомъ.

— Вотъ, прошу, прошу сдѣлать починку, и

не могу дождаться. Осень настанетъ—заниматься нельзя будетъ. И жалованье, бываетъ, получаю не скоро.

Такъ говорилъ учитель, и я проникался глубокимъ уваженіемъ къ человѣку, находящемуся въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, заброшенному въ страшной глуши, гдѣ нѣтъ никакихъ интересовъ, кромѣ школы; нѣтъ ни знакомыхъ, ни книгъ. Осенью и зимой школа, лѣтомъ—охота, такъ проходитъ жизнь. А между тѣмъ эти труженики твердо стоятъ на своемъ посту и не покидаютъ его...

Деревня «Большая Гора» очень живописна. Половина ея выгорѣла: сиротливо торчатъ дымовыя трубы; другая половина уцѣлѣла. Небольшое, запущенное кладбище окружаетъ небольшую церковь старинной, шатровой архитектуры; угрюмыя, черныя избы, съ крышами, окрашенными заходящимъ багровымъ солнцемъ, красовались на фонѣ лѣсныхъ далей. Надъ лѣсами уже спускался туманъ, понемногу они превращались въ одну сплошную, темную массу.

— Пойдемъ на «ламбушку» (озеро)—предложилъ учитель—версты двѣ, не дальше... Тамъ очень красиво... Увидите священное озеро...

Мы взяли ружья и пошли.

Мы шли сначала полемъ, потомъ кустарникомъ. Я любовался свѣтляками, усердно освѣ-

щавшими своими зеленовато-фосфорическими фонариками сонную траву. Вскорѣ по проселку мы вошли въ глухой, громадный лѣсъ. Справа и слѣва было по озеру: одно маленькое, совершенно скрытое кустами и зарослями, другое большое, открытое. Мы остановились у послѣдняго.

Озеро спало, тихое, мирное. Сонная осока, росшая на берегу, незамѣтно переходила въ кустарникъ, въ которомъ тамъ и сямъ торчали одинокія деревья и бросали на сонную воду громадныя черныя тѣни. Неподвижная, стального цвѣта вода кое-гдѣ еще окрашивалась тепловатымъ отцвѣтомъ заката, но уже начинали разстилаться туманы.

Странное чувство одиночества и ничтожности овладѣваетъ человѣкомъ въ такія минуты. Онъ видитъ громадную массу воды, исполинскія деревья, приземистые кустарники и травы, объятыми мертвой тишиной, знаетъ, что только онъ бодрствуетъ, а кругомъ никого нѣтъ на десятки верстъ. Величіе природы, мертвая тишина понемногу забираются въ душу и наполняютъ ее и восторгомъ и трепетомъ.

Учитель поднялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ въ воздухъ. Рѣзко прозвучалъ въ ночномъ воздухѣ выстрѣлъ; гулко отдало эхо и зашумѣло надъ соннымъ озеромъ. Шумъ долго стоялъ въ ушахъ. Изъ ближней осоки вылетѣла

дикая утка, и какъ сумасшедшая закружилась надъ осокой, съ пронзительнымъ крикомъ.

— Вы подстрѣлили ее?—спросилъ я учителя.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — я въ воздухъ стрѣлялъ... Тамъ въ осокѣ у ней должно быть выводокъ, она хочетъ отвлечь наше вниманіе отъ дѣтей, или отъ гнѣзда...

Перейдя лѣсную дорожку, мы очутились въ глухомъ лѣсу. Пробираясь тропинкой межъ кустовъ, мы вошли въ топкую ложбину. Передъ нами лежало другое озеро, маленькое, но такое мрачное, что просто становилось жутко и непріятно. Нѣсколько отдѣльныхъ сосенъ, возвышавшихся надъ кустарникомъ и простиравшихъ надъ озеромъ громадныя вѣтки-руки, усиливали это непріятное впечатлѣніе: онѣ словно стерегли озеро и хотѣли защитить, закрыть его своими руками. Берега были топки, въ нихъ вязла нога, къ водѣ подойти не было возможности.

— Подъ нами вода — говорилъ мой спутникъ,—а озеру и дна нѣтъ. Мѣрили грузомъ, и не достали дна. Эта ламбушка (озерко) по вѣрованію корелъ — заколдованная. Она обладаетъ чудодѣйственной силой. Если въ семьѣ болѣетъ ребенокъ, корелка несетъ его сюда, и какъ онъ есть въ одеждѣ, погружаетъ его съ головкой въ воду нѣсколько разъ. При этомъ она шепчетъ заклинанія. Затѣмъ она раздѣваетъ его до нага

НАРОДНОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ Д. БОЛЬШАЯ ГОРА, ОЛОНЕЦКАГО У.

и надѣваетъ новое, принесенное съ собой платье, старое-же, съ болѣзнью, съ немочью оставляетъ здѣсь злымъ духамъ озера. Вонъ, взгляните!

Я взглянулъ по указанному направленію и только сейчасъ понялъ, что означали предметы страннаго вида, торчавшіе на берегу. На палкахъ, жердяхъ, на вѣткахъ кустовъ всюду были развѣшены разныя принадлежности туалета, оставленныя для злобныхъ духовъ озера.

— Вотъ виситъ шапка—говорилъ учитель—это значитъ—у мальчика болѣла голова, или волосы плохо расли; вотъ—лапотки: у кого-то болѣли ноги; эта рубашечка указываетъ на то, что ребенокъ лежалъ можетъ быть въ горячкѣ, и его для исцѣленія принесли сюда искупать...

— Горячечнаго искупать въ холодной водѣ?—удивился я—вѣдь это вѣрная смерть.

— А между тѣмъ у насъ это обыкновенное средство... А вотъ виситъ поясокъ, должно быть болѣла поясница...

Съ ужасомъ и интересомъ смотрѣлъ я на этихъ нѣмыхъ свидѣтелей крестьянскихъ болѣзней, свидѣтелей, разставленныхъ вокругъ волшебнаго озера. Они равнодушно смотрѣли въ озеро и придавали ему мрачно-торжественный, священный видъ.

Это былъ самый настоящій языческій уголокъ.

Большая Гора—благодаря своему господству-

ющему положенію надъ окрестностями, всегда была позиціей, гдѣ сталкивались разные народы и племена. Здѣсь происходили схватки корелъ, то съ русскими, то со шведами, то шведовъ съ русскими, то литвы съ корелами и русскими. Поля и окрестности Б. Горы усѣяны костьми шведовъ, финновъ, корелъ, литовцевъ, поляковъ, русскихъ. Въ самой деревнѣ стоитъ громадный курганъ, въ которомъ по преданію погребены въ XIII в. остатки шведскихъ войскъ, сражавшихся съ Александромъ Невскимъ, добитые здѣсь корелами. Однажды возлѣ кургана корелъ копалъ картофельную яму, и выкопалъ большой желѣзный топорикъ стариннаго «фасона», а кругомъ въ землѣ часто находятъ оружіе и даже желѣзныя ядра. Деревянная церковь въ Б. Горѣ очень стара: въ ней находится церковная утварь временъ царя Михаила Федоровича и рѣдкой, старинной работы иконы старообрядческаго письма. Кромѣ того, въ землѣ здѣсь находятъ не мало предметовъ болѣе отдаленныхъ временъ, именно каменнаго вѣка. Большею частью—это молотки изъ твердаго камня, заостренные съ обоихъ концовъ, иногда съ отверстіемъ по срединѣ для деревянной ручки, но попадаются также и кремневые наконечники стрѣлъ. Эти предметы въ разныхъ мѣстахъ Олонецкаго края, преимущественно въ Кореліи, находятся въ изобиліи и

ДРЕВНЯЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ Д. БОЛЬШАЯ ГОРА.

крестьяне называютъ ихъ «стрѣлами», упавшими съ неба во время грозы. Нѣсколько такихъ «стрѣлъ» я пріобрѣлъ за «кяксагривну» (двугривенный) и привезъ въ Петербургъ.

За ту же самую «кяксагривну»—излюбленную монету корела, ни больше, ни меньше которой онъ не любитъ запрашивать, я купилъ въ одной избѣ финскую *кантеле*, по корельски *ганталэ* о 12-ти струнахъ, выдолбленную изъ дерева. Кантеле— старинный финскій музыкальный инструментъ, напоминающій гусли. На немъ по древнему преданію игралъ великій Вейнемейненъ, когда создавалъ вселенную. Это чрезвычайно интересное и оригинальное финское преданіе о міросозданіи составляетъ цѣлую поэму, называемую «Калевала».

Теперь кантеле встрѣчается у корелъ рѣдко и мало кто умѣетъ играть на ней. На мою просьбу съиграть на кантеле корелы отказались неумѣніемъ. Я уже терялъ надежду услышать народную музыку, здѣсь на мѣстѣ, когда вдругъ, проходя по деревнѣ, увидѣлъ слѣпого, сѣдого старика, вышедшаго прогрѣться на предвечернемъ солнышкѣ. Старый корелъ ни слова не говорилъ по русски, и когда ему всунули въ руки кантеле, онъ нѣжно дотрагивался до ея струнъ и блаженно улыбался, вспоминая вмѣстѣ съ звуками что-то далекое. Онъ быстро настроилъ инструментъ, и печальная, дикая мелодія зазвенѣла въ воздухѣ.

Кантеле имѣетъ глубокій, мягкій звукъ, немножко печальный, меланхолическій, но въ то же время торжественный.

Вотъ финское преданіе о кантеле.

„Вейнемейненъ плылъ въ лодкѣ съ другими, когда вдругъ лодка врѣзалась въ отмель. Посмотрѣли—это оказалась гигантская щука. Кузнецъ Ильмариненъ (выковавшій солнце) ударилъ щуку мечемъ въ спину, но мечъ переломился. Тогда подошелъ къ борту Вейнемейненъ и съ такой силой всадилъ чудовищу свой мечъ въ самый затылокъ, что сразу разсѣкъ исполинскую рыбу. Послѣ этого герои пристали къ берегу, куда и притащили убитое чудовище. Эту огромную рыбу Вейнемейненъ велѣлъ сварить на ужинъ а изъ головы ея создалъ гусли и назвалъ ихъ «кантеле». Колки сдѣлалъ онъ изъ зубовъ этой рыбы, а струны свилъ изъ гривы заколдованнаго коня, и когда кончилъ свою кантеле, передалъ ее въ толпу, чтобы кто-нибудь сыграль. Но не нашлось ни одного человѣка, кто бы зналъ толкъ въ этомъ инструментѣ, и умѣлъ играть. Взялъ тогда Вейнемейненъ свою кантеле, поставилъ себѣ на колѣни и самъ ударилъ въ струны. Чудные, серебристые звуки раздались въ этотъ вечеръ на землѣ. Все, что жило и дышало въ природѣ, все радостно встрепенулось, внимая сладостной пѣснѣ. Бѣлки запрыгали на деревьяхъ,

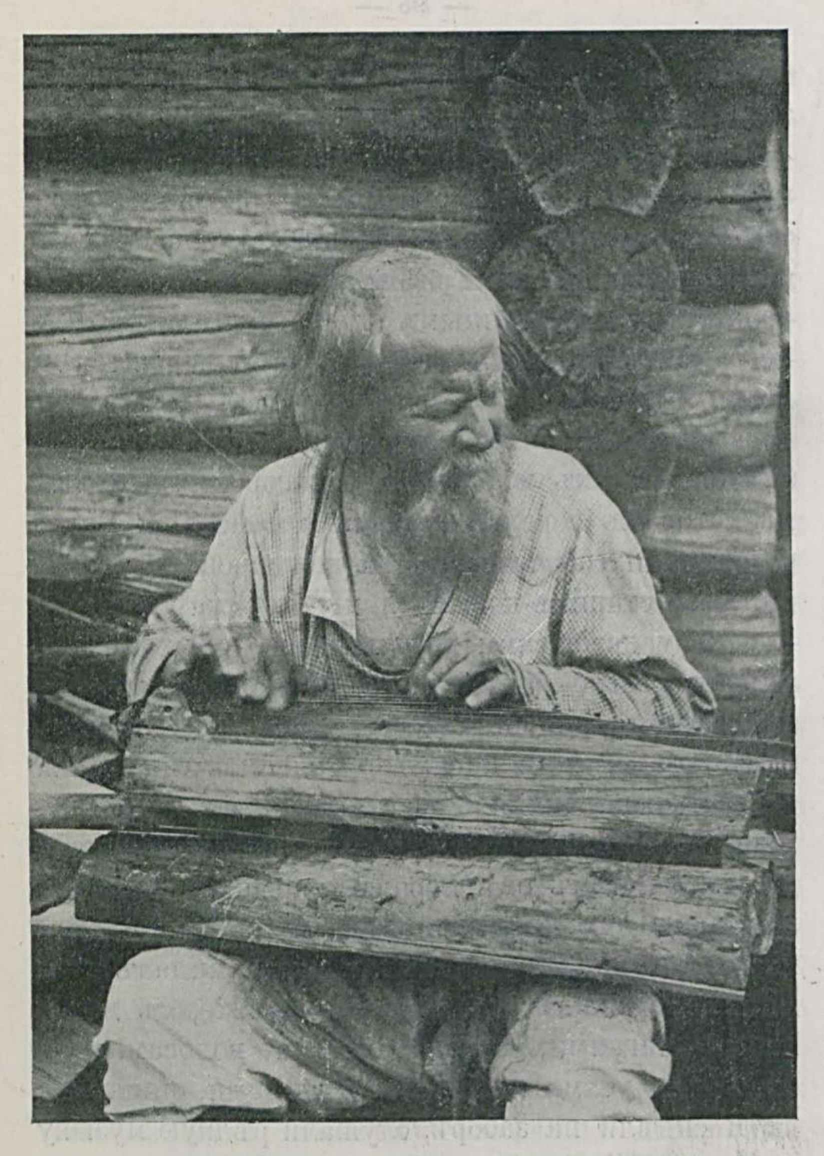
олени бѣгутъ съ отдаленныхъ полянъ. Лохматый медвѣдь проснулся въ берлогѣ, заковылялъ къ берегу, и чтобы лучше слышать, взлѣзъ на высокую сосну... Слетѣлись птицы со всѣхъ сторонъ. Орелъ бросилъ свое мрачное жилище на голомъ утесѣ, слетѣлись утки съ дальнихъ озеръ; подлетѣли и пѣвчія птицы присоединить къ кантеле свои голоса, а звонче всѣхъ заливался вѣстникъ весны—сѣрый жаворонокъ. И сколько рыбъ подплыло къ берегу на чудные звуки! И прожорливая щука, и почтенный лосось, и горбатый окунь, и серебристый сигъ..."

Такъ проигралъ Вейнемейненъ до самой ночи и не нашлось въ окружавшей его толпѣ ни одного такого жестокаго сердца, которое не отозвалась бы на чудные звуки, не дрогнуло отъ восторга. Плакали мужчины, женщины, плакали старики и юноши, плакали даже самыя маленькія дѣти. Не выдержалъ и самъ Вейнемейненъ, и тоже заплакалъ. Закапали изъ вѣчно юныхъ, блестящихъ очей стараго пѣвца крупныя слезы, заструились по его густой, сѣдой бородѣ, полились по каменистому берегу, скатились въ глубокое море и превратились въ богатый жемчугъ. Досталъ ихъ оттуда сизокрылый селезень, принесъ на землю. А женщины надѣлали себѣ изъ того жемчуга дорогихъ ожерелій, державные властители украсили ими короны."

Такова поэтическая легенда о созданіи кантеле.

Въ глухихъ лѣсахъ и священныхъ рощахъ, гдѣ корелы-язычники когда то совершали свои таинственные обряды, эти торжественные, глубокіе звуки должны были наполнять душу корела тѣмъ священнымъ трепетомъ, который у него подъ вліяніемъ лѣсныхъ чаръ держится и до сихъ поръ.

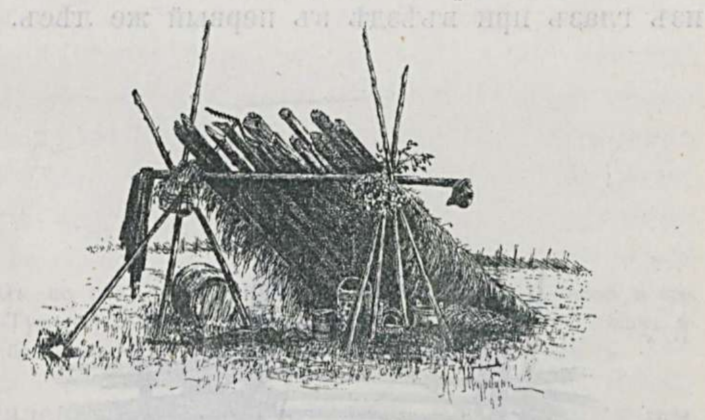
Въ земской избѣ было душно. Мы вышли на свѣжій воздухъ и усѣлись у изгороди за столъ, на которомъ корелка поставила самоваръ. Скоро у изгороди собралась почти вся деревня. Рядомъ сидѣлъ старикъ-корелъ и игралъ на кантеле. Его игру даже сами корелы рѣдко слыхали. Мотивовъ у него было немного: на мою просьбу сыграть что нибудь старое, корельское, онъ игралъ что-то, чего и самъ объяснить не могъ, но немножко дикія и грустныя ноты, прерываемыя большими паузами, были бесусловно красивы. А потомъ онъ игралъ барыню и козачка, и пальцы его проворно бѣгали по 12-ти струнамъ кантеле. Въ толпѣ корелъ я увидалъ тутъ много хорошихъ лицъ: свѣтлорыжіе, съ длинными, мягкими, перепутанными волосами, съ свѣтлыми усами и голубыми глазами, они точно дѣти сидѣли на заборѣ, слушали рѣдкую музыку и съ любопытствомъ смотрѣли на заѣзжаго че-

СЛѢПОЙ КОРЕЛЪ, ИГРАЮЩІЙ НА КАНТЕЛЕ.

ловѣка. Мой фотографическій аппаратъ, стоявшій рядомъ, и висѣвшій на поясѣ револьверъ, занимали ихъ даже больше, нежели я самъ. А потомъ они разговорились, какъ дѣти, всякъ говорилъ свое, и я заключилъ, что въ толпѣ, на міру корелъ несравненно разговорчивѣе.

Уже вечерѣло, а старый корелъ все игралъ и игралъ свои двѣ-три мелодіи. Послѣдніе лучи красноватаго солнца падали на рыжія лица ко-

Палатка на сѣнокосѣ.

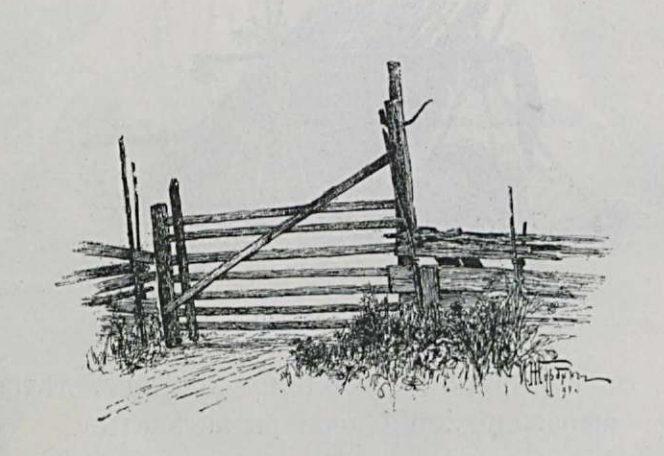
релъ, съ которыхъ не сходило хорошее, дѣтски чистое выраженіе... но пора была ѣхать.

— Можно идти домой?—спрашивали корелы, спрыгивая съ изгороди.

— Можно, можно—крикнулъ я, удивленный такой вѣжливостью—всего хорошаго, живите съ Богомъ.

— Прощай—прощай!.. и толпа разошлась.

Я расплатился со слѣпымъ музыкантомъ и хозяйкой, распрощался съ любезнымъ учителемъ, съ которымъ мнѣ было даже грустно разставаться, вскочилъ въ телѣгу и черезъ нѣсколько минутъ Большая Гора съ ея черными избами, съ маленькой шатровой церковкой, съ торчащими на пожарищѣ дымовыми трубами, весь этотъ симпатичный уголокъ и его обитатели скрылись изъ глазъ при въѣздѣ въ первый же лѣсъ.

VII

Переѣздъ по рѣкѣ.—Тропинкой.—Въ огнѣ.—Переѣздъ рѣкой и поромъ.—Тулмозеро.—Заводъ.—Земледѣльцы и рабочіе.—По лѣсамъ и болотамъ.—Каменный Наволокъ.—Петрозаводскій трактъ.

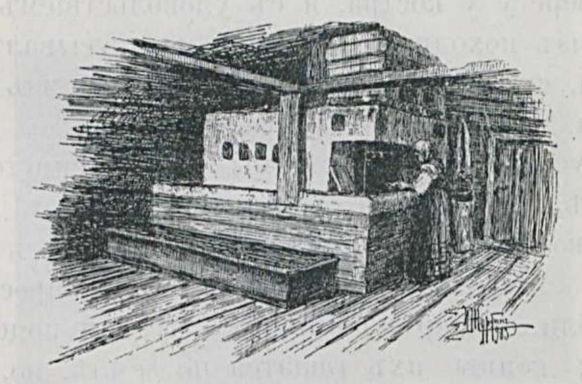
Маленькій корелякъ сидитъ на передкѣ и погоняетъ лошадь. Ѣдешь среди темнаго лѣса, въ которомъ ничего не видно, а куда—знаетъ только этотъ карапузъ, сидящій впереди, ни слова неговорящій по-русски. Трудно понять, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ находишься, въ какомъ направленіи ѣдешь. Кругомъ темное, лѣсное пространство, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться.

Въѣзжаемъ въ деревню. Она еще спитъ въ сѣромъ свѣтѣ ранняго утра. Корелякъ подъѣзжаетъ къ одной изъ избъ, поднимается по въѣзду, безжалостно, звонко бьетъ кнутовищемъ по рамѣ окна и кричитъ благимъ матомъ. Отворяется дверь и показывается всклокоченная рыжая голова корела. Окна корельскихъ избъ никогда не отворяются (за рѣдкими исключеніями), чтобы не напустить комаровъ; для переговоровъ выходятъ на улицу, или кричатъ въ окно во всю мочь. Воздухъ въ избѣ всегда спертый, жаркій. Хозяева спятъ на полу, рядамъ лежатъ дѣти. Спать положили меня на соломѣ въ сараѣ, но спать не было возможности: комары кусали безбожно и напѣвали свои звонкія, надоѣдливыя пѣсни. Спрятавшись съ головой подъ накидку, я едва успѣлъ сладко уснуть, когда вдругъ меня безцеремонно начали толкать. Толкали прямо въ голову. Открываю глаза—передо мной свинья. Она то и подкапывалась подъ меня. Оказалось, что тутъ же невдалекѣ ея берлога, которую я ночью не разглядѣлъ, въ которой она жила со всѣмъ своимъ потомствомъ, состоявшимъ изъ двѣнадцати розоватыхъ, безшерстныхъ поросятокъ...

Такое сосѣдство не могло подѣйствовать усыпляющимъ образомъ, и я пошелъ разыскивать хозяевъ. Они уже снаряжали лодку. Здѣсь, въ

этой деревнѣ, дорога прекращается. Дальше путь идетъ по рѣкѣ, потомъ опять по сушѣ, опять по рѣкѣ, наконецъ снова по сушѣ. Въ этомъ углу сообщеніе между деревнями очень рѣдкое, а сами деревни заброшены въ страшной глуши.

Земская лодка была готова. На дно ея бросили куль соломы, въ лодку прыгнуло человѣкъ шесть; дома остается одна дѣвочка лѣтъ 8—9, всѣ торопятся на уборку сѣна. Мужикъ по обык-

Корельская печь.

новенію садится на руль, бабы за весла. Я растянулся на соломѣ и, согрѣваемый утреннимъ солнцемъ, сразу уснулъ. Просыпаясь изрѣдка, я видѣлъ сквозь сонъ тихія воды рѣки, поросшіе лѣсомъ берега и заливные луга, на которыхъ кое-гдѣ уже копошился народъ. На полдорогѣ бабы слѣзли, лодка пошла легче, и часъ спустя—

остановилась у крутого берега, на которомъ стояла убогая деревушка.

Отсюда предстояло ѣхать верхомъ, такъ какъ проѣзжей дороги нѣтъ. Пока готовили лошадей, я принялся за завтракъ: вбилъ длинный колъ наклонно въ землю, повѣсилъ на него чайникъ, развелъ костеръ и началъ готовить чай. Дымъ отъ костра разогналъ надоѣдавшихъ комаровъ, легіоны которыхъ кружились въ воздухѣ. Сидя на берегу у костра, я съ удовольствіемъ пилъ чай изъ походнаго чайника и закусывалъ колбасой, сухой какъ дерево, взятой еще изъ Петербурга.

Гуськомъ тащимся мы по каменистой тропинкѣ, а сзади на „смычкахъ“ ѣдеть кладь. Перевозить кладь только и можно здѣсь на такихъ „смычкахъ“. „Смычки“—это просто двѣ оглобли, прикрѣпленныя къ дугѣ и подсѣдельнику; концы ихъ тащатся по землѣ, но, чтобы онѣ не разъѣзжались, соединены перекладиной со спинкой. На эту перекладину—доску настилается солома, на которую и ставятъ кладь. Веревками кладь прикрѣпляется къ doскѣ и спинкѣ. Верхомъ на лошадь садится мальчуганъ, смычки царапаютъ землю на ходу и шумятъ, но кладь въ полнѣйшей безопасности: ничего не разобьется, не растрясется, лучше, чѣмъ въ телѣгѣ. Опасны лишь лужи, если онѣ глубоки:

тогда кладь достаетъ воды и подмокаетъ. Такимъ образомъ я нѣсколько разъ подмачивалъ фотографическія пластинки.

Каменистая тропинка извивается между кустами. Впереди скачетъ, сильно наклоняясь впередъ, мой спутникъ-художникъ, дальше я, сзади гикаетъ на свою кляченку мальчикъ-кореликъ, въ воздухѣ носится синеватый дымокъ. Интерес-

На «смычкахъ».

ная картина, если на нее смотрѣть немного издали, или сверху... И вдругъ мы въѣхали въ цѣлое море дыма, ѣдкаго, удушливаго, рѣзавшаго глаза. Тропинка проходила какъ разъ по расчищенному отъ кустарника мѣсту, на которомъ поваленные кусты и деревья тутъ же и сжигались. Слышалось вблизи потрескиванье, виднѣ-

лись даже горящія деревья, съ обѣихъ сторонъ сильно палило, но впереди на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ не было видно ровно ничего.

— Эй, гдѣ ты!.. Тропинку потерялъ... Иди впередъ... Скорѣе... задохнешься... лѣшій!..

Такіе возгласы слышались нѣсколько секундъ; наконецъ мы выскочили изъ этого ада; при этомъ наши лошаденки проявили небывалую рѣзвость: мчали насъ точно съ поля сраженія. А когда онѣ остепенились настолько, что можно было обернуться безъ риска—вывалиться изъ сѣдла, то картина пожарища уже скрылась за лѣсомъ.

Проскакали мы такъ верстъ двадцать, потомъ въ деревнѣ Палалахтѣ сѣли въ лодку и поѣхали сначала по рѣкѣ, потомъ по озеру, и къ ночи пріѣхали въ Тулмозеро. Это громадное озеро, берега котораго усѣяны деревнями, а вблизи стоитъ большущій стале-литейный заводъ. Не такъ давно здѣсь была страшнѣйшая глушь; корелъ пахалъ свою землю долгіе годы, столѣтія, не подозрѣвая, что въ ней на глубинѣ нѣсколькихъ сажень находятся громадныя залежи драгоцѣнной желѣзной руды. А когда узнали—все сразу перемѣнилось. Въ 2—3 года выросъ большой заводъ, начали рвать динамитомъ землю, добывать руду, кирками откалываютъ куски, сверлятъ дыры для динамита... Закипѣла работа. Откуда-то

РАЗРАБОТКА РУДНИКА.

повалилъ народъ, построили бараки для рабочихъ, походную церковь, почту и телеграфъ, даже желѣзную дорогу начали строить для подвозки угля. Тутъ то корелъ увидѣлъ русскаго фабричнаго, который шелъ сюда изъ Орловской, Витебской, Рязанской, Смоленской, Петербургской губерній и чуть ли не изъ всей Россіи. Вѣковые лѣса впервые услышали отчаянный визгъ гармоники, по ночамъ фабричныя пѣсни, пьяные голоса. Больше 3000 человѣкъ работало ежедневно. И корелъ бросилъ свои поля и пошелъ на болѣе доходный заводскій трудъ, началъ долбить землю киркой, или доставалъ со дна озера болотную руду. Многіе, впрочемъ, не пошли на новое дѣло и остались тѣми же земледѣльцами; но тѣ, которые бросили крестьянство, слились съ заводскими рабочими, переняли и пѣсни фабричнаго съ аккомпаниментомъ гармоники, и его разудалую, безшабашную жизнь...

— Кого везете?—спросилъ я ѣхавшихъ мнѣ навстрѣчу корелъ. Въ телѣгѣ что то лежало прикрытое рогожами.

— Больного!.. Вагонетку не удержалъ, она упала, онъ подъ нее, она и размозжила ему ногу... А потомъ сзади еще везутъ... Трехъ помяло.

На одномъ изъ рудниковъ у барака собралось много народа.—Что такое?

— Да тамъ орловскій мужикъ, стоялъ на

квартирѣ у корела, зарѣзалъ у него теленка и съѣлъ... А жену хозяина избилъ...

Въ одинъ день два такихъ тяжелыхъ случая. А сколько же ихъ услышишь, если проживешь здѣсь нѣсколько дней... Вѣдь здѣсь идетъ борьба патріахальной деревни съ заводскимъ складомъ жизни. И на каждомъ шагу видишь павшихъ въ этой борьбѣ бойцовъ...

Въ карьерѣ № 7 шла закладка динамита въ просверленныя дыры. Артельщикъ выдавалъ фитили и наблюдалъ за работой.—Уходите подальше теперь,—сказалъ онъ когда пришла пора зажигать фитили Мы отбѣжали далеко, къ часовымъ, стоявшимъ по краямъ обширнаго карьера, и не пропускавшимъ никого. Вдругъ раздался страшный взрывъ. Я видѣлъ, какъ громадная желѣзная глыба поднялась, точно перышко на воздухъ, на нѣсколько десятковъ саженъ, а потомъ грузно и звучно упала на землю. Мелкіе же куски поднялись куда то высоко, и словно пропали тамъ въ вышинѣ. Долго спустя и они упали на землю. Но вотъ, фитиль догорѣлъ, грянулъ новый выстрѣлъ, потомъ третій, четвертый, цѣлая канонада. Громадные куски руды все поднимались и грузно падали. Стоялъ невообразимый шумъ и хаосъ. Черезъ полчаса канонады прекратились. Мы приблизились и увидѣли груды желѣзной

руды; свѣжій изломъ желѣза холодно блестѣлъ въ дневномъ свѣту.

— Это самая лучшая здѣшняя руда—говорилъ надзиратель,—въ ней 60% желѣза.

Прикатили откуда то вагонетки, пришли рабочіе, началась укладка и отвозка взорванной руды въ одно мѣсто, въ большую кучу, а черезъ полчаса уже цѣлая партія рудниковъ опять долбила и сверлила грудь матери-земли для новаго взрыва.

Такъ кипитъ здѣсь цѣлый день работа, такъ ежедневно трудится 3000 человѣкъ.

И опять мы скачемъ верхомъ по узкой тропинкѣ, по болотамъ и лѣсамъ. Я слишкомъ далеко забрался въ Корелію, подошелъ почти къ самой Финляндіи, а между тѣмъ надо было выбраться на покинутый еще въ Олонцѣ Петрозаводскій большакъ. Мы поѣхали на перерѣзъ, на угольную станцію Тулмозерскаго завода, отстоящую отъ него на 50 верстъ. Оттуда было близко до тракта. Этотъ переѣздъ былъ дологъ и утомителенъ; на разстояніи 50 верстъ ни одной станціи. Финляндія здѣсь клиномъ вдается въ Олонецкую губернію. Мы проѣхали этотъ клинъ, миновали одну финскую деревушку съ маленькими низкими избушками, и въѣхали въ лѣсъ, который прекращался лишь тогда, когда надо было уступить мѣсто топкому болоту. Бо-

лота эти были настоящимъ мученіемъ. Чрезъ нихъ проложены гати изъ бревенъ; но бревна разъѣзжались, и въ образовавшихся щеляхъ лошади рисковали сломать ноги. Держа свою лошадь въ поводу и прыгая съ бревна на бревно, я едва могъ вытащить лошадь, ежеминутно проваливавшуюся въ топкой почвѣ. Кончилось болото, началась узкая, каменистая, лѣсная тропинка, а черезъ часъ опять болото. Мы ѣхали цѣлый день, усталые, мокрые, голодные и только къ ночи пріѣхали къ цѣли, т. е. въ Уле-Леги.

Было уже темно, когда мы выѣхали изъ лѣса на своихъ усталыхъ лошаденкахъ, въ воздухѣ стоялъ сильный запахъ гари отъ угольныхъ печей.

Деревня Уле-Леги, или Каменный Наволокъ, расположена на р. Шуѣ. Я впервые видѣлъ эту сплавную рѣку, берущую начало въ финляндскихъ горахъ и имѣющую въ длину около 150 верстъ. Здѣсь она не широка, теченіе тихое, берега такіе же плоскіе, какъ и близь устья. Это одна изъ самыхъ некрасивыхъ олонецкихъ рѣкъ, но она чрезвычайно важна, какъ сплавной путь. Благодаря лишь этому здѣсь устроилась угольная станція, снабжающая углемъ заводъ, до котораго 50 верстъ самой невозможной дороги.

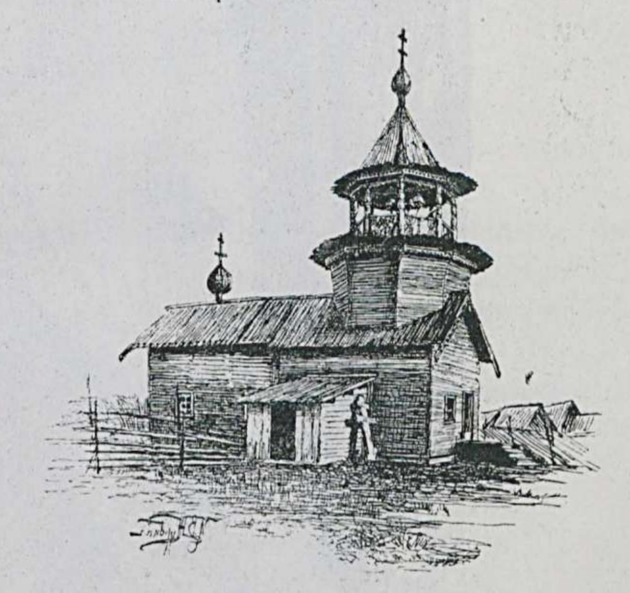
Поселокъ этотъ состоитъ изъ трехъ частей: слѣва, на берегу Шуи деревня Уле-Леги, справа— деревня Каменный Наволокъ, а посреди на гро-

мадной площади и по берегу рѣки размѣстились угольные печи. Здѣсь громадная фабрика угля, котораго выжигается тутъ невѣроятное количество. Наряду съ обыкновенными угольными кучами стоятъ нарочно построенныя каменныя печи въ видѣ бѣлыхъ домиковъ, съ разными дверцами и оконцами для тяги. И все это дымится и наполняетъ воздухъ удушливой гарью, отъ которой у непривычнаго человѣка болитъ голова. Въ сторонѣ отъ печей стоитъ громадный сарай для склада выжженаго угля. Возъ, нагруженный углемъ, тяжело подымается по высокому помосту, на самый верхъ подъ крышу; тутъ койка сворачивается на бокъ и весь уголь летитъ внизъ, откуда уже послѣ его будутъ грузить на возы и отвозить на заводъ.

Здѣсь, какъ и на другихъ заводахъ, корелы рѣзко дѣлятся на хлѣбопашцевъ и заводскихъ— и одни съ другими не смѣшиваются. Въ то время когда корелъ земледѣлецъ гнетъ спину на жатвѣ, на сѣнокосѣ, корелъ рабочій строитъ угольную кучу, а потомъ, когда она задымится, пляшетъ на ней, притаптывая и борясь съ огнемъ, и поетъ пьяныя пѣсни. И тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ доставляетъ многимъ не малый заработокъ: въ этомъ маленькомъ угольномъ городкѣ кипитъ работа, тѣсно связанная съ работой громаднаго завода, который изготовляетъ для нуждъ

человѣчества продуктъ первой необходимости: желѣзо и сталь.

Въ Каменномъ Наволокѣ кончились всѣ неудобства и превратности тропиночнаго и водянаго пути. Отсюда идетъ хорошая дорога, которая упирается въ Петрозаводскій большакъ. Эта до-

Церковь въ Русской Кореліи.

рога на рѣдкость живописна: то она пересѣкается долинами и холмами, то идетъ по откосу, по самому верху его, а внизу, въ ущельѣ разстилается лѣсъ, видны его верхушки. Кажется, вотъ сорвется телѣга и покатится туда внизъ. Чрезъ 3 часа пути мы пріѣхали на озеро Сямозеро. Во-

Г. ПЕТРОЗАВОДСКЪ.

кругъ этого громаднаго и рыбнаго озера расположилось нѣсколько деревень: Улала, Сямозеро и др., но глушь здѣсь страшная, такъ какъ мѣсто удалено отовсюду на сотни верстъ.

Проселкомъ я выѣхалъ на большой Петрозаводскій трактъ. Удивительно красива эта дорога—на всемъ своемъ протяженіи, отъ Олонца до самаго Повѣнца. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышается лѣсъ; то онъ красивыми уступами спускается къ самой дорогѣ, то поднимается вверхъ на холмы, то опускается въ долины. Послѣ тряской ѣзды по проселкамъ пріятно катиться по ровному, открытому тракту, отъ станціи до станціи, гдѣ всегда можно найти хоть самую простую пищу.

Черезъ день я былъ въ Петрозаводскѣ.

VIII.

Петрозаводскъ.—Поѣздка по заливу.—Пог. Соломенный.—Шуя.—Дорога на Кивачъ. - Водопадъ Кивачъ.—Ловля лососей.—Суна.—Рыболовство.—Дер. Вороново.—Варламій Футынскій.

Петрозаводскъ — губернскій городъ—стоитъ на высокомъ берегу Онежскаго залива. Съ озера виднѣется колокольня древняго собора, едва-едва покосившаяся, городской садъ и дома на бли-

жайшемъ планѣ. Особенной красоты городъ не представляетъ. Впереди далеко въ озеро вдается деревянный помостъ-дамба, къ которой пристаютъ пароходы. Въ самомъ городѣ есть красивые уголки, въ особенности въ прилегающихъ слободкахъ.

Петрозаводскъ—городъ молодой. Онъ построенъ Петромъ I и долженъ былъ играть роль въ жизни нашего сѣвера. Географическое положеніе его чрезвычайно удобно и важно. Громадный заливъ представляетъ прекрасную бухту, въ которой могутъ стоять суда самыхъ крупныхъ размѣровъ. На сѣверѣ того же Онежскаго озера стоитъ Повѣнецъ, откуда начинается длинный Сумскій трактъ въ Архангельскую губернію, на востокъ—богатый лѣсомъ и рудами Пудожскій край, на югѣ—Свирь и торговое село Вознесенье, а на западѣ Финляндія, водяной путь въ которую —рѣка Шуя—начинается тутъ-же у Петрозаводска. Все это должно было бы сдѣлать Петрозаводскъ промышленнымъ центромъ края; но на дѣлѣ выходитъ иначе: Петрозаводскъ особеннаго торговаго значенія не имѣетъ, и напр., село Вознесенье у устья Свири въ торговомъ отношеніи несравненно важнѣе губернскаго города. Петрозаводскъ, это административный центръ края: здѣсь всѣ губернскія учрежденія, гимназіи; лишь посреди города стоитъ громадный, Александровскій снарядо-литейный заводъ, въ окрестностяхъ нѣсколько кир-

пичныхъ заводовъ, а на берегу озера большой лѣсопильный заводъ. Почти посреди города—старинный гостиный дворъ, съ торговой площадью, напротивъ—городская земская читальня въ домѣ старинной архитектуры, нѣсколько церквей, да памятники Императорамъ Петру I и Александру II—вотъ, кажется, всѣ особенности

Петрозаводская дамба.

этого скучнаго, служебнаго города. Въ Петрозаводскѣ около 30000 жителей, одна казенная газета («Олонецкія губ. Вѣдомости»), двѣ типографіи.

Впрочемъ, есть въ городѣ одно интересное учрежденіе, это естественно-историческій музей

въ домѣ губернатора. Музей оказался закрытымъ для публики, но мнѣ любезно показали его. Въ немъ находится много интересныхъ предметовъ каменнаго вѣка, а также олонецкой старины, древней Руси, и современной этнографіи; есть и образцы мѣстныхъ горныхъ породъ, рудъ; всѣ эти предметы интересны какъ матеріалъ для исторіи края и этнографіи; но въ музеѣ многіе отдѣлы почти отсутствуютъ. Кустарные промыслы, звѣроловные, лѣсные—почти не представлены, а этнографическая коллекція предметовъ далеко не полна и большею частью состоитъ изъ новенькихъ, чистенькихъ вещей... А жалко, потому, что въ Олонецкомъ краѣ еще можно найти кое-что этнографическое, самобытное... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, исчезнутъ жемчужные кокошники и серьги, вмѣстѣ съ лѣсомъ исчезнутъ всѣ предметы домашняго обихода, вызванные богатствомъ лѣса, исчезнутъ слѣды звѣроловныхъ и лѣсныхъ промысловъ, измѣнится вмѣстѣ съ природой даже самый типъ человѣка, и ничего не останется увѣковѣченнымъ, записаннымъ въ книгу жизни народовъ. Въ музеѣ нѣтъ даже хорошихъ современныхъ фотографій.

Грустныя мысли приходили въ голову, когда я бродилъ по двумъ комнатамъ «музея», биткомъ набитымъ разными предметами. Здѣсь не было системы, здѣсь былъ накопленный, разрозненный

сырой матеріалъ. И даже это не было доступно публикѣ.

Въ самомъ городѣ мнѣ нечего было дѣлать, а потому я поспѣшилъ познакомиться съ окрестностями. Прежде всего мнѣ хотѣлось съѣздить на противоположный берегъ залива, посмотрѣть на устье Шуи. Тамъ издали бѣлѣлась церковь. Я нанялъ большую лодку, двое гребцовъ изъ слободы взмахнули веслами, и часа черезъ два я былъ на томъ берегу. Онъ казался такъ близко, верстахъ въ 2—3-хъ, между тѣмъ, оказалось, что до него 10 верстъ. Но устья Шуи отсюда не видно. Въ самомъ углу залива — довольно узкій проходъ, которымъ соединяются два озера: Онежское и Логмозеро, изъ котораго уже начинается Шуя. У этого же проѣзда, на громадной обнаженной скалѣ стоитъ старинная, каменная церковь; это Соломенскій погостъ.

Тутъ нѣсколько такихъ скалъ, выступающихъ наружу изъ кряжа, проходящаго вдоль всей восточной стороны залива. Отсюда красивый видъ. Вдали, на другомъ берегу—Петрозаводскъ, налѣво дикія скалы, направо—берегъ Логмозера, поросшій густымъ кустарникомъ. Мы пробрались въ кустарникъ и напали на землянику, росшую въ невѣроятномъ количествѣ. А когда я вышелъ на берегъ, тамъ уже кипѣлъ чайникъ, приготовленный заботливой рукой одного изъ греб-

цовъ. Вкусенъ былъ чай съ земляникой здѣсь, на берегу громаднаго озера, въ полнѣйшей глуши, тишинѣ и теплѣ. Мы пробыли тутъ до сумерекъ, когда жемчужно-перламутровая поверхность воды слегка закрасилась заходящимъ солнцемъ, и пріѣхали въ городъ только ночью.

Черезъ 2 дня я уже ѣхалъ на водопадъ Кивачъ, до котораго отсюда 60 верстъ. На 7-й верстѣ отъ города на большомъ Повѣнецкомъ трактѣ стоитъ деревня Сулажъ-Гора, громаднѣйшая (60 дворовъ), но скучная и малоинтересная, благодаря близости города. Отсюда идутъ двѣ дороги: одна на Повѣнецъ, другая поворачиваетъ направо и идетъ обочь Шуи на Кивачъ. Шуя течетъ здѣсь въ громадной болотистой низинѣ, съ каменистыми берегами. На 15-й верстѣ находится деревня и погостъ Шуя. Тянется эта деревня по рѣкѣ на 7 верстъ, и заселена исключительно русскими.—Развѣ вы не слышите по разговору, что тутъ русскіе,—сказали мнѣ.—Но вѣдь тутъ за 3 версты отъ васъ—корелы,—возразилъ я.—Это ничего: мы по ихнему не понимаемъ, они по нашему мало говорятъ,—былъ отвѣтъ, удивившій меня, потому что вездѣ въ губерніи я видѣлъ миръ и ладъ между русскими и корелами, и полнѣйшее смѣшеніе. Такая рознь скоро объяснилась, именно тѣмъ, что крестьяне корельской деревни занимаются исключительно

КОНЧЕЗЕРСКІЙ ПРОТОКЪ.

земледѣліемъ, шуйскіе-же крестьяне преимущественно промышленники. Съ сосѣдями у нихъ почти нѣтъ отношеній, городъ даетъ имъ заработокъ: они продаютъ туда дрова, сѣно, рыбу. Гонка лѣса тоже даетъ заработокъ.

Шуйская церковь очень стара. Рядомъ стоитъ церковь новой, обыкновенной архитектуры, но красива именно старина. Такія колокольни строили только въ древнія времена. Восьмигранная, деревянная башня идетъ вверхъ, заканчивается площадкой, на которой повѣшены колокола. Вокругъ площадки рѣшетка, а надъ ней конусомъ такая же восьмигранная крыша. Въ этой постройкѣ виденъ народный архитектурный вкусъ, видно народное творчество.

Переѣхавъ рѣку Шую, я свернулъ налѣво. Здѣсь двѣ дороги: одна лѣвѣе идетъ на Кивачъ, другая—правѣе, на берегъ озера. По обѣимъ этимъ дорогамъ мнѣ пришлось ѣздить.

Дорога на Кивачъ—одна изъ лучшихъ и красивѣйшихъ въ Олонецкой губерніи. Катишься словно по скатерти, а кругомъ такія картины, такіе виды!.. Прежде всего справа открывается Кончезерское озеро, въ самомъ началѣ котораго среди кустовъ спряталась живописнѣйшая деревушка Чупы. Кончезеро—громадно: оно тянется на 25 верстъ, на немъ 171 островъ. Необыкновенную красоту придаютъ озеру эти островки.

Они—или голыя скалы, идущія грядами, обрамленныя зеленой осокой и ивнякомъ, или раздѣланныя, съ зеленѣющими пашнями, или просто непроходимый кустарникъ. Вода въ озерѣ замѣчательно прозрачна: на глубинѣ 4-хъ саженъ видно дно. Берега большей частью каменисты. Въ озерѣ водится всякая рыба: окунь, щука, сигъ, плотва. Когда-то здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ водилась корюшка, ее вытаскивали по 4 пуда въ тоню. Но лѣтъ сорокъ тому назадъ она совсѣмъ куда-то пропала, и теперь нѣтъ ни одной. Должно быть по подводной трубѣ перешла въ другое какое-нибудь озеро.

Кончезеро все время тянется вдоль дороги, по правой рукѣ. Между деревьевъ видимъ его блестящую воду, зеленые, закругленные островки. Но вотъ и справа показалась вода. Это—озеро Укшозеро. Такимъ образомъ дорога идетъ между двухъ озеръ, и разстояніе между ними въ иныхъ мѣстахъ не больше четверти версты. Тутъ цѣлая система озеръ. Сѣвернѣе Кончезера находится озеро Пертъ-Наволоцкое, самое высокое изъ всѣхъ озеръ. Узкимъ проливомъ оно переливается въ Кончезеро, это послѣднее въ д. Косалмѣ переливается бѣшенымъ потокомъ въ Укшозеро, а Укшозеро вливается въ рѣку Шую. Такова эта удивительная система озеръ, лежащихъ въ одной съ рѣкой Шуей натуральной низменности,

бывшей когда-то частью громаднаго Онежскаго озера.

На самомъ Кончезерскомъ проливѣ расположилась небольшая деревня Косалма. Протокъ бѣжитъ здѣсь съ громадной силой внизъ по каменистому ложу, встрѣчаетъ на своемъ пути

Оттачиваніе косы.

торчащіе камни, разбивается и пѣнится. Крестьяне пользуются этой водой; построили на проливѣ мельницу и точила для косъ. Въ Олонецкомъ краѣ косы не отбиваютъ, какъ въ другихъ губерніяхъ Россіи, а оттачиваютъ. Для этого су-

ществуютъ громадныя точила-вороты: двое вертятъ валъ, третій держитъ косу и точитъ. Работа трудная. Ее здѣсь исполняетъ вода: она напираетъ на колеса и вертитъ ихъ; человѣку же остается только держать косу.

Въ Косалмѣ разстояніе между озерами не болѣе $^{1}/_{8}$ версты. Желающіе перебраться на лодкѣ изъ одного озера въ другое тянутъ ее по берегу пролива волокомъ на валькахъ. Этотъ путь хотя и неудобенъ, тѣмъ не менѣе кратокъ: изъ Шуи скоро можно попасть по водѣ въ отдаленную деревню Чупы, оттуда по Кончезеру въ озеро Пертъ-Наволоцкое а тамъ—5 верстъ до Кивача.

Дорога отъ Косалмы на Кивачъ ясно обозначена громадными залежами діорита, содержащаго въ себѣ много мѣдныхъ отложеній. Каменистыя породы, большею частью обросшія сверху лѣсомъ въ иныхъ мѣстахъ выступаютъ наружу въ видѣ темно-красныхъ скалъ. Прохожденіе кряжей діорита, насколько мнѣ извѣстно, мало здѣсь изслѣдовано; несомнѣнно, они проходятъ чрезъ Онежское озеро и появляются на противоположномъ берегу его, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Тотъ же діоритъ встрѣчается на Пудожской Горѣ. Здѣсь же, на этомъ берегу главные кряжи его проходятъ по Петрозаводскому уѣзду. Суна, красивѣйшая изъ олонецкихъ рѣкъ, пересѣкая въ нѣсколькихъ

мѣстахъ эти кряжи, образуетъ величайшіе водопады, каковы Кивачъ, Поръ-Порогъ, Гирвасъ.

Шумъ Кивача слышится въ тихую погоду за 5 верстъ. Сквозь густой лѣсъ, сквозь трепетъ листьевъ осины, громадные посѣдѣвшіе стволы которой высятся по обѣимъ сторонамъ дороги, доносится этотъ шумъ, сначала неясный, потомъ болѣе опредѣленный, сильный. А въ полуверстѣ отъ водопада уже ясно слышится бѣшеный шумъ паденія воды. Въѣхали на мостъ на Сунѣ, покрытой бѣлою пѣной и передъ вами открывается весь водопадъ.

Съ моста видна лишь сплошная, бѣлая стѣна водопада и стоитъ оглушительный шумъ; но подойдите поближе, и увидите водопадъ во всѣхъ его подробностяхъ. На правомъ (по теченію лѣвомъ) берегу выстроенъ среди лѣса павильонъ, въ которомъ останавливаются пріѣзжіе, на лѣвомъ, болѣе высокомъ—стоитъ бесѣдка. Съ этого берега водопадъ болѣе интересенъ. Рѣка Суна, стѣсненная каменными берегами, быстро течетъ на береговыя скалы и встрѣтивъ ихъ, съ силой поворачиваетъ въ сторону, вправо; но тутъ она встрѣчаетъ скалистый обрывъ, въ который и падаетъ съ ужасающей быстротой. Нельзя представить себѣ этой громадной силы воды, силы, развившейся сначала въ тѣснотѣ каменистыхъ береговъ, затѣмъ въ борьбѣ съ торчащими ска-

лами и наконецъ въ паденіи по 4 уступамъ съ высоты шести саженъ. Весь водопадъ узокъ, ширина его не привышаетъ 20 саженъ, но тѣмъ сильнѣе напоръ воды, и тѣмъ красивѣе фонтаны и каскады по правой сторонѣ его, изобилующей скалами. Боковой спадъ Кивача удивительно красивъ, а въ самомъ фарватерѣ водопада видна лишь громадная, несокрушимая сила. Здѣсь изъ вѣка въ вѣкъ идетъ борьба между водой и камнемъ, великая борьба, въ которой вода все-таки выходитъ побѣдителемъ. Но присмотритесь и прислушайтесь, чего стоитъ эта борьба; камень дрожитъ подъ вашими ногами, дрожитъ изо дня въ день, изъ вѣка въ вѣкъ непрестанной, трепетной дрожью; вода, разбитая камнями въ дребезги, въ милліарды брызгъ, носится въ воздухѣ вѣчнымъ, никогда не перестающимъ дождикомъ, въ которомъ при солнцѣ играетъ разноцвѣтная радуга. Эти борцы подняли здѣсь страшный ревъ, заглушающій человѣческую рѣчь на разстояніи одного шага; ревъ разносится по окрестности и слышится далеко.

Я стоялъ на правомъ берегу Кивача, у бесѣдки, и слушалъ эту шумную музыку водопада, словно военный маршъ идущихъ въ сраженіе какихъ-то невѣдомыхъ силъ. Силы сталкиваются, сражаются, а музыка гремитъ и гремитъ. Гремитъ она вѣчно. Но прислушайтесь хорошенько. Въ

этомъ общемъ хаосѣ звуковъ можно уловить отдѣльныя части музыки. Вотъ на этомъ уступѣ раздается свой маршъ, на второмъ свой, на остальныхъ свои; а боковые каскады играютъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ свои марши; всѣ эти звуки летятъ внизъ, тамъ соединяются въ одну общую стройную музыку, которая летитъ куда-то въ кипящую, бѣлую бездну и вылетая оттуда, продолжаетъ играть свой военный кличъ.

И когда стоишь на высокой скалѣ, а у ногъ твоихъ борцы поютъ то торжественно-побѣдныя, то похоронныя пѣсни, тогда невольно самому хочется присоединиться къ этой музыкѣ, является непреодолимое желаніе пѣть, пѣть какую-нибудь древнюю сагу, или великое міровое преданіе.

Сила покоряетъ. И если вамъ мало этого вида бѣшено стремящейся воды и кипящихъ пучинъ, посмотрите на это громадное бревно, которое быстро несется по рѣкѣ. Оно подплыло къ утесамъ, закружилось, вода ударила его о скалу и, какъ щепку, переломила на двое. А звука перелома и не слышно. Потомъ вода бросила обломки внизъ, въ бездну, и они тамъ исчезли. Если они застрянутъ тамъ, въ безднѣ, вода измочалитъ ихъ, превратитъ въ мелкія щепки... А вотъ плыветъ другое бревно; оно проскользнуло по верху водопада: но на послѣднемъ уступѣ вода подхватила его и какъ перышко бросила

въ бездну. Черезъ нѣсколько минутъ это бревно торчкомъ выскочило изъ бездны, высоко поднялось стоймя въ воздухѣ и упало уже внѣ водопада.

Что тамъ въ этой ревущей и клокочущей безднѣ водопада, какъ глубока она? какая сила въ ней скрыта?..

А въ ста шагахъ отъ этой бездны рыбаки уже ловятъ въ быстрой водѣ Суны лососей.

На лѣвомъ берегу Кивача расположилось нѣсколько крестьянскихъ избъ. Тутъ же домикъ „сторожа" Кивача. Здѣсь-же, у его домика находятся простѣйшіе метеорологическіе приборы для измѣренія измѣненій атмосферы. Записи ведетъ сторожъ. Но очень хорошимъ барометромъ и показателемъ погоды служитъ сама Суна у Кивача.

— Вотъ, видите, сколько сегодня пѣны на рѣкѣ, густая какая... Это значитъ—въ ночь будетъ сильный дождь и свѣжо будетъ... Если пѣна жидкая, не сразу уходитъ—будетъ ненастье, если расплывается—ведро. Дня за два погоду всегда узнаемъ...

Относительно дождя примѣты сторожа вполнѣ оправдались: слѣдующее утро лилъ сильный дождь. Но еще въ тотъ же день я на лодкѣ сдѣлалъ прогулку внизъ по Сунѣ. Верстахъ въ

КИВАЧЪ.

восьми по теченію лежитъ деревня Большое Вороново; версты двѣ ниже Малое Вороново, а тамъ уже близко и устье Суны, въ которомъ стоитъ деревня Суна и Андреевъ Наволокъ. Въ лодкѣ сидѣло человѣкъ 5; ее быстро несло по теченію; мы благополучно миновали пороги, потомъ, высадившись въ деревнѣ Вороново, пошли пѣшкомъ.

На одномъ полуостровкѣ, покрытомъ глухой растительностью, стоитъ полуразвалившаяся постройка. Это старинный Троицкій монастырь. Ему насчитываютъ 900 лѣтъ. Полнѣйшее запустѣніе царитъ здѣсь; извнутри церкви растутъ молодыя березки; около—глухое кладбище.

— Это что значитъ?—спросилъ я провожатаго, показывая на могилы, прикрытыя сверху досками, на которыхъ тамъ и сямъ стояли опрокинутые горшки.

— Это—неотпѣтые... Похоронили, покадили ладономъ, а потомъ пріѣдетъ священникъ и отпоетъ. Далеко отъ насъ церковь, сами и отпѣваемъ...

Въ олонецкомъ краѣ много такихъ могилъ. Олончанинъ, живущій далеко отъ церкви, привозитъ покойника на кладбище, хоронитъ его, достаетъ изъ кладбищенской часовни общественное кадило, раскуриваетъ принесенный ладонъ, кадитъ имъ могилу, шепчетъ единственную

извѣстную ему молитву «Господи, помилуй!» и въ сознаніи, что исполнилъ по отношенію къ покойнику свой послѣдній нравственный долгъ, уходитъ домой, оставивъ на могилѣ горшокъ съ тлѣющими углями изъ кадила.

Неотпѣтая могила.

Въ верстѣ отсюда на самомъ берегу Суны, въ глухомъ лѣсу стоитъ часовенка Варлаамія Хутынскаго. Имя этого угодника далеко извѣстно по Сунѣ; когда олончанинъ этого края берется за какое-нибудь предпріятіе, пускается въ путь, или просто даже садится въ лодку, онъ говоритъ: «Помилуй меня, Царица Небесная и святой угодникъ Варламій Футынскій». Память объ этомъ подвижникѣ до сихъ поръ свѣжа у мѣстныхъ крестьянъ. Отъ нихъ я слышалъ слѣдующее преданіе:

«Варламій Футынскій былъ святой. Однажды въ этомъ мѣстѣ пастухъ пасъ стадо; вдругъ— чуетъ — ладонъ; подошелъ, смотритъ — пещера. Сидитъ отшельникъ.—«Ты кто?»—«Я, говоритъ, рабъ Божій Варламій».—А откуда?—Изъ Футыни!

(Хутынь, Новг. г.).—А какъ ты сюда попалъ?—Я, говоритъ, пріѣхалъ вотъ на этой плитѣ.—Такъ съ тѣхъ поръ Варламій и жилъ здѣсь. Питался лѣтомъ травами да ягодами, а зимой пищу мужики приносили... Въ деревню на (противоположномъ берегу) онъ никогда не ходилъ. Долго онъ такъ жилъ, а потомъ исчезъ неизвѣстно куда: взялъ ли его Богъ на небо, или тѣло его здѣсь гдѣ осталось, а только исчезъ. Послѣ него у самой часовни осталась большая, бѣлая, кремневая плита, на которой онъ когда-то пріѣхалъ. И стала она помогать отъ зубной болѣзни. И начали христіане отколачивать отъ нея молотками куски и грызть ихъ больными зубами».

Отъ чудодѣйственной плиты осталось лишь нѣсколько осколковъ, валяющихся около часовни, тутъ же стоитъ прислоненная къ стѣнѣ толстая желѣзная доска, имѣющая видъ колокола; она когда-то служила для благовѣста; а пещера раба Божія Варламія обрушилась и сверху ея навалилась громадная, упавшая сосна. Но запахъ ладона здѣсь слышится и до сихъ поръ.

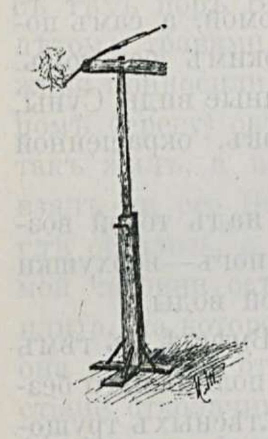
Назадъ мнѣ пришлось ѣхать волокомъ. Трудно было грести противъ теченія быстрой Суны и, когда дозволяли берега, изъ нашей лодки высаживался на берегъ рыбакъ и, идя по берегу, тащилъ насъ на веревкѣ, другой же правилъ рулемъ. Волокомъ мы доѣхали до пороговъ, чрезъ

которые съ такой осторожностью пробирались днемъ. Но было уже поздно, темнѣло и чрезъ пороги пробираться было немыслимо. Я отпустилъ измученныхъ рыбаковъ домой, а самъ пошелъ на Кивачъ лѣвымъ, высокимъ берегомъ. Съ этого берега открываются чудные виды Суны, текущей среди лѣсистыхъ береговъ, окрашенной багрянымъ закатомъ.

Стоишь на высокомъ берегу, надъ тобой возвышаются гигантскія сосны, а у ногъ—верхушки сосенъ, растущихъ внизу, у самой воды.

Въ лѣсу становилось темно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душу закрадывалось сознаніе полнѣйшаго безсилія и безпомощности въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ, въ которыхъ косолапый Михайло Ивановичъ Топтыгинъ чувствуетъ себя не гостемъ рѣдкимъ, а полновластнымъ хозяиномъ. Собственные шаги кажутся черезъ чуръ громкими; къ окружающей справа и слѣва темнотѣ, къ каждой соснѣ относишься съ недовѣріемъ и подозрительностью, рука хватается за револьверъ. Вдругъ впереди, въ темнотѣ ясно слышатся чьи-то шаги. Останавливаешься — шаги несомнѣнные. Кто тамъ, звѣрь или человѣкъ? И зачѣмъ быть здѣсь въ лѣсной глуши человѣку въ такой поздній часъ? Значитъ—звѣрь. А если звѣрь, то идти, или стоять на мѣстѣ? Но шаги удаляются и этимъ вопросъ рѣшается: впередъ! Опять послышались

чьи-то шаги и черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ вырисовалась человѣческая фигура.—Кто идетъ?!...

Свѣтецъ.

— А-а-ахъ!—раздался визгливый голосъ, и фигура въ ужасѣ обернулась. Это была старуха, высокая, худая, съ длинной палкой въ рукахъ. Она, очевидно, думала, что ее преслѣдуетъ лѣсовикъ и ни за что не хотѣла повѣрить, что за ней раздаются шаги человѣка; а обернуться ей было страшно. Я успокоилъ старуху, она узнала меня, и дальше мы уже шли вмѣстѣ.

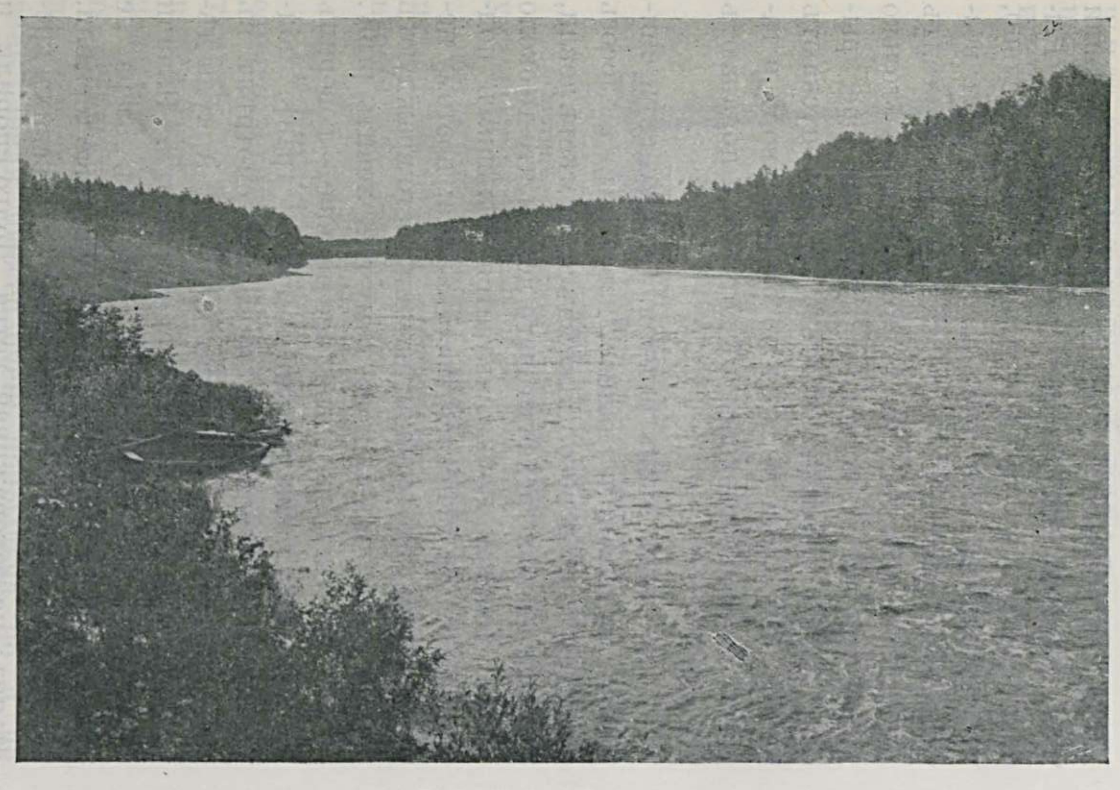
Въ этомъ темномъ лѣсу, въ ночную пору она искала съ вечера отбившуюся отъ стада коровушку.

На Кивачѣ еще не спали. За рѣкой вблизи самаго водопада свѣтился костеръ въ легкомъ туманѣ: то рыбаки варили себѣ ужинъ. Я отправился туда. Группа рыбаковъ живописно расположилась вокругъ огонька: вытянувшись на землѣ во весь ростъ, они отдыхали послѣ тяжелаго дневного труда. Это были крестьяне нижнихъ деревень. Ловля лососей очень прибыльна, но и не

легка, въ особенности возлѣ Кивача. Для ловли ихъ приноровлена особая сѣть—«ловушка». Рыбаки садятся въ двѣ лодки, идущія параллельно, къ самой быстринѣ Кивача, пока уже нѣтъ возможности грести. На носу каждой лодки стоитъ рыбакъ и держитъ конецъ сѣтки. Какъ только лодка уже не въ состояніи плыть дальше, рыбаки быстро забрасываютъ сѣть, гребцы опускаютъ весла, обѣ лодки несутся по быстрой водѣ и тащатъ за собой ловушку, въ которую и попадаютъ лососи.

Суна—рѣка очень рыбная. Сунскіе сиги считаются лучшими и далеко извѣстны, а лосось цѣнится очень дорого. Даже здѣсь, на мѣстѣ ловли, я заплатилъ за трехфунтоваго лосося что-то около рубля. Рыбная ловля является большимъ подспорьемъ для сунскаго крестьянина; поэтому неудивительно, что сунскія деревни часто враждуютъ между собой изъ-за того, кому гдѣ ловить рыбу.

— Что ни годъ—рыбы все меньше,—говорилъ рыбакъ. Онъ лежалъ животомъ на травѣ, подперши руками голову и задумчиво смотрѣлъ въ огонь.—А сколько ее было когда-то! А куда дѣвалась? Внизу, въ устьѣ облавливаютъ. Начали ставить заколы, и никакая рыба изъ озера не проходила въ рѣку. Крестьяне бережные терпѣли, терпѣли, а потомъ и пошли на устьевскихъ крестьянъ: не загораживай устья. Долго спорили, и

РѢКА СУНА.

до битвъ дѣло доходило, а потомъ порѣшили такъ, что въ устьѣ 5 дней будутъ ловить, а 2 дня оставлять устье открытымъ для прохода рыбы въ рѣку. Теперь у каждой деревни есть свой день, когда она рыбачитъ... А выловленная рыба находится въ садкахъ, пока не пріѣдетъ купецъ.

Ночлегъ рыбаковъ.

Намъ-то и поѣсть толкомъ рыбки нельзя: все должно идти скупщику. А онъ везетъ въ Петербургъ, наживается...

Сквозь свѣжій, ночной воздухъ началъ пробиваться запахъ душистой ухи изъ лосося и раздражалъ усталыхъ людей. Въ деревнѣ уже спали:

ни посуды, ни ложекъ достать нельзя было. Одинъ изъ рыбаковъ пошелъ въ лѣсъ и принесъ оттуда большой кусокъ пахучей березовой коры. Онъ разрѣзалъ ее на небольшіе квадратики, которые затѣмъ сложилъ въ треугольники,—соединилъ концы ихъ въ одно мѣсто, получилась берестяная ложка. Ручкой послужила тонкая вѣтка ивняка, расщепленная на концѣ; въ этотъ расщепъ и вставили выпуклую бересту. Ложка вышла на славу. Въ пять минутъ было сдѣлано штукъ 7 такихъ ложекъ и всѣ начали хлебать уху изъ одного котла.

Мы поужинали просто по-царски.

VIII.

Деревня Викшица и Шукши.—Страдная пора.—Затрудненія съ лошадьми.—Усть-Суна.—Водопады Поръ-Порогъ и Гирвасъ.—Тивдія.—Бѣлая гора.—Буря на Лижмозерѣ.—Повѣнецкій трактъ.

Путь мой лежалъ дальше на г. Повѣнецъ. Отъ Кивача можно было ѣхать или внизъ по Сунѣ, а потомъ отъ ея устья вдоль берега Онего на сѣверъ, или же по старой военной дорогѣ, по которой когда-то двигались шведы, чрезъ Тивдію и на большой Повѣнецкій трактъ. Я выбралъ эту, болѣе кружную дорогу, потому что по ней можно добраться до другихъ олонецкихъ водопадовъ Поръ-Порога и Гирваса и побывать на знаменитой мраморной Бѣлой горѣ.

Въ пяти верстахъ отъ Кивача находится деревушка Викшица. Стоитъ она у самаго озера; пе-

редъ ней возвышается громадная гора діорита. Населеніе корельское, женщины едва говорятъ по-русски. Отсюда начинается эта дорога. Она перерѣзываетъ громадныя лѣсныя пространства; деревень здѣсь почти нѣтъ. Тощая кляча, тяжело везетъ «карбалетъ», двуколку; колокольчикъ лѣниво звенитъ. Часа три разносился этотъ звонъ по дремучимъ лѣсамъ, нарушая ихъ покой, пока, наконецъ, кляченка не въѣхала въ пустынную деревушку, словно спавшую въ теплѣ солнца. На звонъ колокольчика никто не показался; на улицѣ ни души. Тщетно мы подходили къ нѣсколькимъ избамъ и стучались,—весь народъ былъ въ полѣ. Но въ одной избѣ намъ удалось найти больную корелку. Она лежала на полу подъ лохмотьями и металась въ жару. Возлѣ стоялъ стаканъ съ водой. Она не узнала насъ, но уставила на насъ горящіе, безсмысленные глаза и смотрѣла, смотрѣла... Кѣмъ долженъ былъ представляться ей я, въ широкополой шляпѣ, въ очкахъ, въ коломянковой курткѣ?.. А мой возница-мальчикъ наклонился надъ ней и завелъ съ ней разговоръ, на который она не отвѣчала.

— Ну что... болитъ? Гдѣ болитъ? Жарко говоришь?.. На выпей. Не хошь...

— Скоро помретъ!--рѣшилъ онъ вслухъ, поднимаясь съ полу.

Побродивъ по деревнѣ и заглянувъ въ одну

изъ избъ, мы нашли еще одно живое существо: жирнаго, слѣпого старика. Онъ сидѣлъ безъ всякаго дѣла—и пальцами теребилъ свою бѣлую бороду.

— Гдѣ народъ?—спрашивали мы,—лошадь надо бы достать.

— Въ полѣ всѣ.

— А какъ достать-то ихъ.

— Надо скричать бы.

— Да кто будетъ кричать-то, незнаючи. Въ лѣсъ кричать, въ поле, или куда... Вѣдь никого поблизости не видно.

— А если вамъ, зрячимъ, не видно, такъ какъ же мнѣ, слѣпому... Стой-ка, проводи меня до забора... вотъ тамъ, черезъ дорогу... Тамъ луговина есть за кустами.

Мы подвели его къ плетню, онъ, медленно щупая руками взлѣзъ на верхнюю перекладину и, держась за колъ, началъ кричать въ даль.

— Петруха!—а-а!—раздался его протяжный, старческій голосъ,—Петруха—а-а!

— Чаво-о-о?—едва донеслось издали.

— Иди домо-ой, лошадей надо-о-о!...

— Чаво-о-о?...

— Лошаде-е-е-е-е-й, говорятъ!

— Лошаде-ей?

— Да-а-а! Иди!

Перекличка кончилась; слѣпой слѣзъ съ плетня.

ОБРАБОТКА ЛЬНА.

Скоро «Петруха» пришелъ и объявилъ, что лошадей раньше вечера не достать, потому что «въ лѣсу разбѣжались», долго искать.

— Переночуй, а на утро доставимъ тебя,— говорилъ рыжебородый Петруха,—на ночь глядя чего ѣхать. Звѣрь (медвѣдь) встрѣтится, помилуй Богъ.

— А развѣ у васъ такъ много медвѣдей?

— Да не считали! Колокола на нихъ не навѣшены!—сухо отвѣтилъ Петруха, не желая вдаваться въ подробности о «звѣрѣ», да еще на ночь.

Мнѣ было досадно: въ день я сдѣлалъ переѣздъ въ 20 верстъ; это было очень немного. Здѣсь дѣлать нечего было; пропадало цѣлыхъ полдня. Но меня выручилъ мой возница.

— Садись, повезу дальше, заплатишь... сказалъ онъ.

И вотъ, тощая лошаденка снова тащитъ «карбалетъ» по лѣсной дорогѣ; но не прошло и получаса, какъ кляченка начала уставать и останавливаться. Чѣмъ дальше, тѣмъ тише она шла, ничто не помогало, ни кнутъ, ни уговоры, ни внушенія. Наконецъ, она совсѣмъ остановилась. Мальчикъ громко зарыдалъ.

— Чего?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Домой она хочетъ... Жеребеночекъ тамъ дома голодный, кормить пора... Вотъ и нейдетъ. Надо назадъ ворочать.

Недоѣхавши пяти верстъ, да назадъ ворочаться... Самому, конечно, можно было бы дойти пѣшкомъ, но тяжелый багажъ не было никакой возможности снести. И вотъ, взявъ клячу подъ уздцы, мы шагомъ побрели впередъ. Клячонка едва шла, широко разставляя ноги. Эти пять верстъ протянулись невѣроятно долго, наконецъ мы въѣхали въ деревню Усть-Суну.

— Не буду кормить, поѣду сразу домой,—рѣшилъ корелякъ, котораго я щедро наградилъ за двойной переѣздъ,—посмотри какъ побѣжитъ.

И едва онъ повернулъ свою клячу домой, съ ней случилось нѣчто необыкновенное. Она понеслась вскачь подобно лучшему англійскому рысаку и въ одну минуту скрылась изъ виду, поднявъ за собой цѣлое облако пыли.

Она мчалась къ своему жеребеночку.

Деревня Усть-Суна, раскинувшаяся на берегу Суны, очень красива. Отсюда великолѣпный видъ на озеро, сквозь которое проходитъ рѣка, отсюда же въ пяти верстахъ находится водопадъ Поръ-Порогъ. Захвативъ съ собой фотографическій аппаратъ, я съ провожатымъ, мальчикомъ, отправился лѣсистымъ берегомъ Суны на водопадъ. Высокіе песчаные берега, поросшіе лѣсомъ, красятъ дорогу: здѣсь есть широкіе виды, не такъ какъ на Кивачѣ, гдѣ все стѣснено и заглушено лѣсомъ. Далеко слышится ревъ водопада, далеко

ВОДОПАДЪ ГИРВАСЪ.

дрожитъ берегъ. Вотъ и онъ. Сквозь лѣсъ открылась вся громада воды, весь бѣшеный хаосъ водопада передъ глазами и сразу проникаешься величіемъ этого зрѣлища. Поръ-порогъ несравненно больше Кивача и длиннѣе, и шире, но паденіе Кивача болѣе отвѣсно. Поръ-Порогъ состоитъ изъ трехъ громадныхъ уступовъ, на каждомъ уступѣ вода неистовствуетъ реветъ и мечетъ и свергается внизъ громадными стремительно-летящими массами, отъ которыхъ летятъ въ стороны милліоны брызгъ. На первомъ уступѣ вода падаетъ гладкими каскадами, на второмъ она уже кипитъ и бьетъ вверхъ тысячами фонтановъ и бросаетъ вверхъ бѣлую какъ снѣгъ пѣну, а на третьемъ уступѣ—одно смятеніе и хаосъ, въ которомъ ничего нельзя разобрать.

На правомъ берегу видна какая-то покинутая постройка, вродѣ мельницы, а лѣвый такъ высокъ, что громадная сосна, растущая внизу у самаго водопада, едва достаетъ берегъ своей верхушкой. Сѣвъ на песокъ и высоко держа надъ головой аппаратъ, стремительно несешься внизъ, рискуя попасть прямо въ вихрь водопада. Но внизу скала, на которую легко взобраться. Станьте на нее, и вы у самаго сердца водопада. Въ аршинѣ отъ ногъ дѣлается что то ужасное, какая-то сумасшедшая сила летитъ, реветъ, грохочетъ, и притягиваетъ... Не смотрите въ воду:

это бѣшеное движенiе воды вызываетъ головокруженiе. Скала и такъ дрожитъ подъ ногами, а платье ваше совершенно мокро отъ брызгъ.

— Го-го!—крикнулъ я мальчику, стоявшему въ десяти шагахъ. Онъ и не шевельнулся.— Го-го!—закричалъ я всей грудью, и опять напрасно. Мой голосъ не слышенъ былъ мнѣ самому, я только чувствовалъ его. Ревъ водопада

Водопадъ Поръ-Порогъ.

все заглушаетъ; въ ушахъ стоитъ непрерывный, сухой шумъ.

Сразившись съ порогами и выйдя побѣдитель-

ницей, красавица Суна вся въ пѣнѣ широко разливается и величественно несетъ свои бѣлыя воды, обрамленная такими же бѣлыми, высокими берегами. Стройными рядами стоятъ на берегу высокія сосны. Картина удивительно красивая. Но еще красивѣе она вверхъ по рѣкѣ. Тамъ въ двухъ верстахъ находится третій большой водопадъ Гирвасъ. Онъ меньше Кивача и Поръ-Порога, но красивѣе ихъ. Онъ идетъ наклоннымъ скатомъ, но дикая мѣстность, угрюмыя ели, растущія почти у самой воды, непроходимыя заросли, все это навѣваетъ впечатлѣніе дикой, нетронутой красоты и торжественнаго величія. Солнце садилось выше водопада и окрашивало заводи рѣки, обросшія глухимъ кустарникомъ. Потомъ заклубился туманъ, въ которомъ виднѣлись гребнями верхушки кустовъ, понурились, почернѣли ели, стоящія у воды и протянули надъ водопадомъ свои вѣтви-руки; понемногу и весь водопадъ сталъ погружаться въ тьму. Наконецъ, и совсѣмъ стало темно, но тамъ въ темнотѣ водопадъ рветъ и мечетъ, ведетъ борьбу, дѣлаетъ свое вѣковѣчное дѣло. Онъ будетъ работать и въ темнотѣ, руководимый вѣчно одними и тѣми же законами природы, и восходящее солнце встрѣтитъ его за той же работой.

Мнѣ страшно захотѣлось увидѣть Гирвасъ при искусственномъ освѣщеніи; мнѣ представилось,

какъ было бы красиво, еслибъ кто-нибудь на другомъ берегу, гдѣ едва чернѣются ели, развелъ большой костеръ. Какими красками загорѣлся бы водопадъ! Это натолкнуло меня на мысль—самому развести костеръ,—и скоро онъ запылалъ, освѣтивъ берегъ и кусочекъ водопада. Я отошелъ въ сторону и издали смотрѣлъ на дико—величественную картину. Да, хорошо смотрѣть на Гирвасъ ночью, когда онъ слабо вырисовывается въ красноватомъ свѣтѣ костра. Мрачныя ели точно недовольны тѣмъ, что освѣтили и подсмотрѣли ихъ таинственный сонъ. Кто здѣсь нарушаетъ покой, когда они, сторожевые ели, простирая свои черныя руки надъ бурнымъ водопадомъ, шепчутъ ему: уймись! успокойся! Чьи черные силуэты виднѣются на красномъ фонѣ костра, среди дыма и искръ. Это—крохотные люди, пигмеи нарушаютъ тишину и покой великановъ.

Мальчикъ продрогъ. Онъ былъ блѣденъ, на глазахъ дрожали слезы. Ему было страшно. Но назадъ идти ночью по лѣснымъ тропинкамъ нечего было и думать.

Приходилось ночевать здѣсь, у водопада. Мы натаскали валежника, сдѣлали запасы на цѣлую ночь и удобно расположились у костра на пескѣ. Мы сидѣли на песчаномъ уступѣ, почти въ ямѣ, сзади за нами возвышалась сажени на двѣ стѣнка песку, а впереди, внизу шумѣлъ Гирвасъ.

Я положилъ голову мальчика къ себѣ на колѣни, онъ успокоился и довѣрчиво уснулъ. Но я не спалъ. Поддерживая огонь у костра, я дремалъ полулежа, опершись на песчаную стѣнку и слушалъ сказки, которыя мнѣ разсказывалъ словоохотливый водопадъ. Онъ навѣвалъ на меня неотразимое чувство старины. Вотъ, чудится, среди сосенъ замелькаютъ величественныя, статныя фигуры, въ крылатыхъ шишакахъ; засвѣтится огонекъ, обрисуются тѣни воиновъ, опирающихся на мечи. А вотъ тамъ, у берега, у черной стремнины появится сѣдой, въ бѣлой одеждѣ скальдъ, ударитъ въ струны арфы и запоетъ могучую пѣсню... Я дремалъ и слушалъ разсказы водопада о сѣдой старинѣ, о прожитыхъ тысячелѣтіяхъ.

Поутру сосны и ели стояли обсыпанныя бѣлесоватыми каплями росы, точно въ бѣлыхъ матовыхъ саванахъ. Онѣ глубоко спали. Спала и трава пригнутая къ землѣ тяжестью росы. Потомъ капельки заискрились, заиграли блескомъ зари, лѣсъ, наполнился сѣроватымъ монотоннымъ свѣтомъ.

Мы пошли въ деревню.

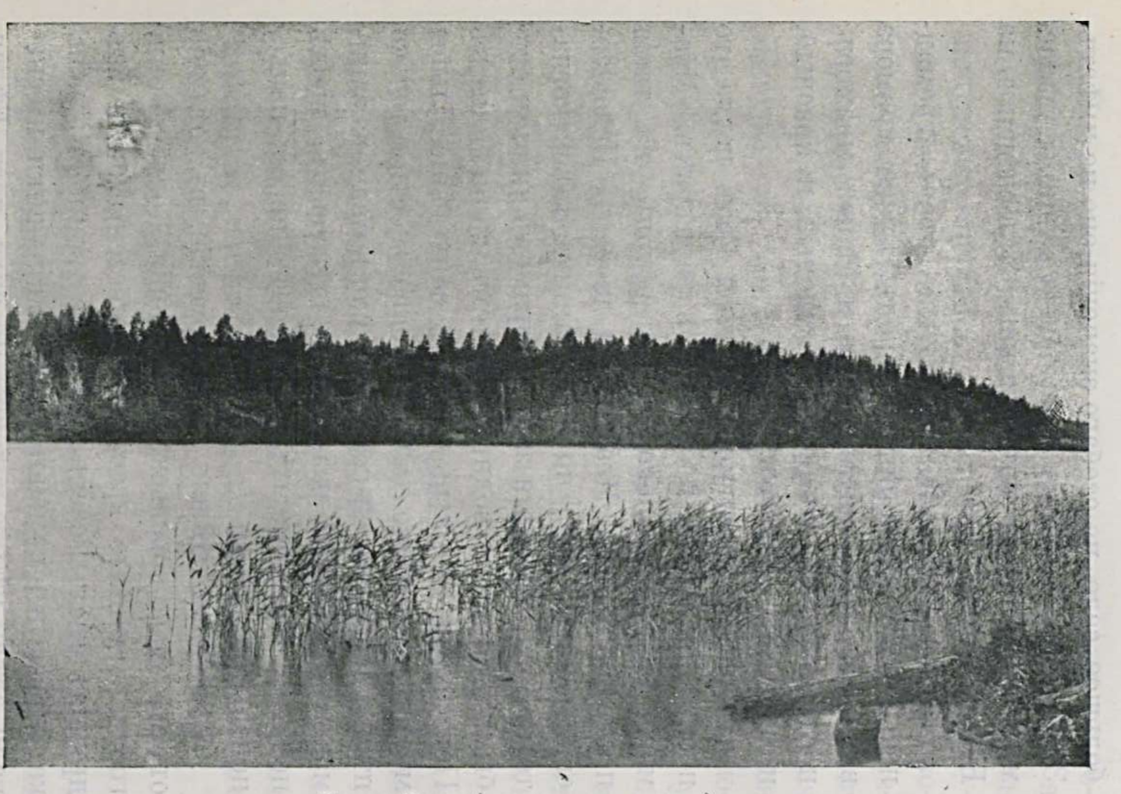
Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда лежитъ деревня Тивдія. Отсюда когда то отправляли мраморъ, добываемый на Бѣлой Горѣ. Тивдія—

большое село, но особаго значенія оно не имѣетъ. Здѣсь можно купить мраморныя вещицы, дѣлаемыя крестьянами изъ мрамора. Я поспѣшилъ на Бѣлую Гору.

Бѣлая Гора—вѣрнѣе бѣлый берегъ—громадный кряжъ мраморныхъ породъ. Куски мрамора валяются подъ ногами; тутъ и бѣлый мраморъ, и съ красными жилками, и зеленый, и красный, и множество сортовъ.

Обработка мрамора на Бѣлой Горѣ когда то производилась въ громадныхъ размѣрахъ. Мраморъ шелъ не только въ Петербургъ, на такія постройки, какъ Мраморный дворецъ, Исаакіевскій соборъ и др., но и заграницу. Здѣсь когда-то стоялъ казенный заводъ, мраморъ пилили особыми пилами и воднымъ путемъ сплавляли въ Петербургъ. А теперь кругомъ запустѣніе. Глыбы мрамора валяются далеко по окрестности и только нѣсколько кустарей-гранильщиковъ мрамора занимаются выдѣлкой разныхъ бездѣлушекъ, вродѣ печатей, письменныхъ приборовъ, прессъ-папье, пепельницъ и пр.

Крестьяне Бѣлой Горы—русскіе, въ отличіе отъ мѣстнаго корельскаго населенія. Когда-то они, государственные крестьяне, вывезены были изъ другихъ мѣстъ Россіи, преимущественно съ Урала, какъ опытные каменотесы и гранильщики и основали здѣсь цѣлую колонію. До сихъ поръ Бѣлая

Бѣлая Гора (мраморныя ломки).

Гора не похожа на олонецкую деревню; низкія избы, садики при нихъ и даже хмѣль, этотъ спутникъ каждой великорусской деревни, и рѣдкій гость въ Олонецкомъ краѣ, вьется возлѣ плетня. Изба гранильщика внутри тѣсна и темна работаетъ онъ гдѣ-нибудь на дворѣ. На деревянномъ столикѣ лежитъ плита, ее посыпаютъ наждакомъ и поливаютъ водой; объ нее трутъ мраморную вещицу, которой долотомъ уже придана нѣкоторая форма. Матеріалъ кустарю ничего не стоитъ; на берегу озера валяется множество обломковъ, бери и шлифуй; но трудъ полировки очень утомителенъ. Мраморъ бываетъ разной крѣпости и полируется неодинаково. Иногда надъ большой вещью, напр., вазой или столикомъ, кустарь работаетъ цѣлый мѣсяцъ, и когда работа почти кончена, вдругъ мраморъ трескается. Вся работа пропадаетъ, и поэтому кустарь прибавляетъ цѣну на возможный бракъ. Но готовыхъ вещей я нашелъ здѣсь мало: пріѣзжихъ здѣсь никогда никого не бываетъ, всѣ вещицы скупаютъ два—три скупщика, которые и торгуютъ ими въ Тивдіи и Петрозаводскѣ. Впрочемъ нѣкоторые вещи продаются и на Кивачѣ у сторожа.

Я выбралъ лучшія подѣлки изъ мрамора, какія нашелъ на Бѣлой Горѣ, но оказалось что и въ нихъ надо знать толкъ. Настояшій мастеръ полируетъ свою вещь наждакомъ и придаетъ ей

натуральный блескъ, но плохіе мастера, въ особенности корелы, вмѣсто полировки натираютъ вещь воскомъ и, такимъ образомъ, придаютъ ей чисто временный блескъ, только бы вещь продать. Такой блескъ скоро тускнѣетъ.

Изъ Тивдіи мнѣ надо было пробраться на Повѣнецкій трактъ. Но здѣсь на пути лежитъ большое и бурное озеро Лижмозеро, которое и надо проплыть. Изъ Тивдіи я выѣхалъ послѣ полдня. На лодкѣ переѣхали мы на островъ, на которомъ стоитъ всего одна деревня. Меня сопровождали два парня, одинъ высокій, тонкій, что жердь, съ длинной головой, другой низенькій, толстенькій, что воробушекъ, круглоголовый. Они были попутчики мнѣ, у нихъ была оставлена здѣсь на островѣ своя лодка. Всѣ трое, нагруженные тяжелой кладью, мы шли кустарникомъ, пробираясь къ другому берегу острова, гдѣ стояла лодка. Но тропинки до того перепутаны, что мои вожатые сбились. Скоро мы забрались въ непроходимое болото. — Назадъ пойдемъ, — сказалъ парень,—этой тропой я не ходилъ.—Мы пошли назадъ и попали въ такія заросли, откуда едва можно было выбраться. Часа три путались мы въ кустарникахъ, пока, наконецъ, парень не воскликнулъ: «вотъ, она, подлая»!—и сильно топнувъ ногой по тропинкѣ, смѣло пошолъ впередъ. Но когда мы вышли на берегъ озера, уже смерка-

лось, и легкій, но постоянный вѣтеръ поднималъ по озеру волны. На берегу стояла лодка, но веселъ не было. Парень подошелъ къ одному изъ кустовъ и началъ рыть возлѣ него песокъ. Скоро онъ отрылъ имъ же запрятанныя туда весла. Мы поѣхали.

Полировка мраморныхъ издѣлій на Бѣлой Горѣ.

Но если бы мы знали, что насъ ожидаетъ на озерѣ, лучше-бъ намъ было не ѣхать.

Вѣтеръ усилился, по озеру заходили большія волны, лодку сильно закачало. А когда выѣхали на средину озера, стало уже совсѣмъ темно. Лижмозеро очень бурно, на немъ часто бываютъ несчастные случаи, мы это знали и съ тревогой смотрѣли на усиливающуюся бурю. Мы были только посреди этого громаднаго озера, намъ нужно было обогнуть длинную косу, тянувшуюся справа и только проѣхавъ ее можно было достигнуть ближайшаго противоположнаго берега. Между тѣмъ боковой вѣтеръ относилъ насъ на косу и сильно раскачивалъ лодку.

Эхъ, если-бъ парусъ!—вздохнулъ парень,—греби сильнѣй, смотри—зальетъ... правымъ весломъ, косолапый!..

Большая волна опрокинулась въ нашу лодку, въ которой и безъ того была вода отъ брызгъ. Я бросился черпать воду шляпой, прекрасно сознавая безполезность этой работы: не успѣешь вычерпнуть и десятой части, какъ обрушится новая волна.

— Поворачивай носомъ къ косѣ,—крикнулъ я парню,—приставай къ берегу.

— Чего къ берегу!.. Вѣдь, тамъ камни, разобьешся въ куски!

— А тутъ потонешь, ѣдучи бокомъ... Все равно

на камни гонитъ!.. Забирай весломъ!.. Не тѣмъ!.. Лѣвымъ!..

Не успѣли повернуть лодку носомъ къ берегу, какъ обрушилась новая волна. Въ лодкѣ оказалось воды наполовину.

— Греби, скорѣй!

— Тяжело!

— Греби, волна поможетъ!

Страшна была боковая качка, а по вѣтру можно было ѣхать. Но берегъ былъ совсѣмъ близко, саженяхъ въ десяти. Уже виднѣлись черные силуэты сосенъ и елей на мутномъ ночномъ небѣ.

Вдругъ лодка ударилась, одинъ изъ парней, именно — Воробышекъ, сидѣвшій на кормѣ, потерялъ равновѣсіе и кубыремъ полетѣлъ въ воду, а мы двое едва усидѣли. Еслибъ лодку ударило о камень бокомъ, мы всѣ полетѣли бы въ воду.

Было темно, кругомъ шумѣли волны и деревья. Мы, стоя на носу, смотрѣли въ темноту отыскивая въ ней Воробышка.

— Го! го! тутъ мелко! — раздалось возлѣ лодки.

— Ты здѣсь? — обрадовались мы, увидя Воробышка тутъ же у лодки, по шею въ водѣ. Было понятно, что утонуть въ десяти шагахъ отъ берега мы не утонемъ, но передряга вышла не изъ пріятныхъ; мы засуетились.

— Тащи лодку впередъ, — совѣтовали мы Воробышку, стоявшему въ водѣ, хотя и безъ того

понятно было, что заставляла его стоять тамъ въ водѣ не новизна положенія, а необходимость и желаніе спасти лодку.

Издѣлія изъ бересты.

— Тащи ее впередъ!

— Тащи самъ! Больно тутъ стащишь, ежели она на камнѣ, подлая.

— Ужо-тка — волна, погоди, подсобитъ — утѣшилъ его я. И дѣйствительно, подошедшій валъ

поднялъ лодку, поддалъ ее еще выше на камень и, отхлынувъ, оставилъ въ ней столько воды, что корма погрузилась въ воду.

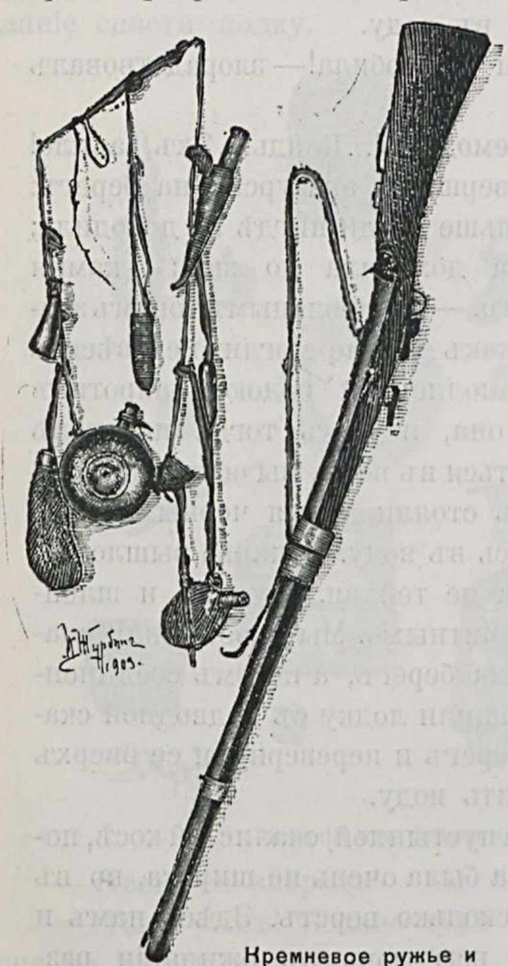
— Вотъ тебѣ и подсобила!— злорадствовалъ Воробышекъ.

— Тащи сюда чемоданъ!... Кладь!... Эхъ, залило!

Воробышекъ совершилъ экскурсію на берегъ; оказалось, вода дальше груди нигдѣ не доходила; но Воробышку она доходила до шеи; — камня только гораздъ много, — недовольнымъ тономъ заявилъ онъ. Такъ какъ мы не могли перевѣсить тяжести кормы, наполненной водою, напротивъ могла перевѣсить она, и намъ тогда поневолѣ пришлось бы очутиться въ водѣ, мы оставили носъ лодки, на которомъ стояли двумя черными статуями, и опустились въ воду. Купанье вышло неурочное, вода была не теплая, а удары и шлепки волнъ не изъ пріятныхъ. Мы перетащили сначала весь багажъ на берегъ, а потомъ соединенными усиліями стащили лодку съ подводной скалы, вытащили на берегъ и перевернули ее вверхъ дномъ, чтобы вылить воду.

Мы оказались на пустынной, скалистой косѣ, поросшей лѣсомъ. Она была очень не широка, но въ длину была на нѣсколько верстъ. Здѣсь намъ и пришлось провести всю ночь въ ожиданіи разсвѣта. Мокрые, холодные, голодные, мы прятались отъ вѣтра за камнемъ; надъ нами негосте-

пріимно шумѣли сосны — нечего сказать, хорошее время препровожденіе! Кромѣ всего этого, мы имѣли право надѣяться, что буря сразу не кончится и простоитъ еще денька два. Спички оказались сухими, онѣ были въ карманѣ жилета, но развести огонь было немыслимо: костеръ не разгорался, да и хворосту въ темнотѣ нашли очень мало.

Кремневое ружье и охотничьи принадлежности.

Ночь тянулась очень медленно. Заснуть нельзя было: мокрое платье прилипло къ тѣлу, мы дрожали. И чего только мы не дѣлали, чтобы согрѣться. Мы бѣгали, прыгали на мѣстѣ, лазили на камни, на деревья, размахивали руками и но-

гами... Еслибъ кто увидѣлъ насъ здѣсь въ эту пору, онъ принялъ бы насъ за какихъ нибудь необыкновенныхъ существъ, вылѣзшихъ изъ водъ озера на берегъ и своей свистопляской вызвавшихъ всю эту бурю.

— Околѣемъ тутъ, что тараканы на холодной печи,—рѣшилъ высокій парень. Его черная, мокрая фигура забавно приплясывала, и на мутномъ небѣ походила на какое то морское чудовище.

— Пропадешь ни за нюхъ табаку,—подтвердилъ Воробышекъ, съежившійся въ маленькій комочекъ. Онъ старался согрѣть руки въ мокрыхъ карманахъ.

— Понесла нелегкая въ такую погоду—сказалъ первый,—сглазилъ кто-нибудь.

— Нечистый попуталъ,—подтвердилъ второй.

— А ты его не тронь... Продержитъ тебя здѣсь дня три, вотъ и узнаешь.

— Ты самъ и накаркаешь! Три дня! Мало тебѣ сегодняшняго.

Начиналась перебранка, и я радъ былъ ей: бѣднягамъ было теплѣе, да и время шло. Но для меня оно тянулось страшно медленно. Свистъ вѣтра, плескъ и удары волнъ, шумъ озера и шумъ деревьевъ, наконецъ, полнѣйшая темнота навѣвали какое-то мрачное и притупляющее настроеніе. Теряешь сознаніе, гдѣ, въ какомъ мірѣ, въ какой стихіи находишься, что вокругъ дѣ-

лается. Сознательно работаетъ только слухъ; работы зрѣнія здѣсь нѣтъ—одна сплошная тьма: зрѣніе не дѣйствуетъ на мозгъ. Поэтому, воображеніе отказывается нарисовать эту же картину въ дневномъ освѣщеніи. Каковы были бы эти скалы, эти деревья, это озеро при свѣтѣ солнышка? Можетъ быть здѣсь былъ бы рай дикой красоты.

Мы лежали рядкомъ, плотно прижавшись другъ къ другу, прикрывшись единственнымъ покрываломъ—моей резиновой накидкой. Скала защищала насъ отъ вѣтра. Я не спалъ, смотрѣлъ на озеро, слушалъ его пѣсни, и не могъ отдѣлаться отъ страннаго впечатлѣнія, что нахожусь на какой-то другой планетѣ, и что даже самъ-то я—не я, а кто-то другой...

Наступило утро, сѣрое, тоскливое; но вѣтеръ замѣтно ослабѣвалъ. Въ сѣромъ свѣтѣ начинающагося дня мы набрали хворосту на косѣ, сухостою и развели огонь. Мрачное уныніе мигомъ исчезло у теплаго костра: мы повеселѣли, какъ дѣти; а когда я вынулъ изъ чемодана большую, подмоченную колбасу, которая отъ сахарнаго раствора сдѣлалась сладкою, и по братски раздѣлилъ ее между нами тремя, то мы совсѣмъ успокоились. Мой походный чайникъ и на этотъ разъ сослужилъ свою службу: онъ вскорѣ вскипѣлъ и мы принялись за чай, подслащая его сахарнымъ сиропомъ со дна чемодана.

— Этакъ-то хоть бы и всегда—рѣшилъ высокій парень.

— Добро!—сказалъ Воробышекъ.

У костра мы окончательно просохли, повеселѣли и рѣшили ѣхать сразу же, потому что волны значительно успокоились.

Изба маломожнаго крестьянина.

Вскорѣ мы оставили скалистую косу, которая спасла насъ отъ неминуемой гибели, и плыли къ берегу на двухъ веслахъ: другія два уплыли во время вчерашней суматохи. Такъ какъ мы уже обогнули косу, то лодка повернула направо и бойко взлетала на волны, идя по вѣтру. Черезъ часъ мы пристали къ берегу.

Здѣсь стоитъ для чего-то маякъ: свѣта его мы ночью не видали. Отсюда начинается проселочная дорога, которая выходитъ на Повѣнецкій трактъ, къ деревнѣ Кяпесельгѣ. Нагруженные тяжелой кладью, измученные бурей, не спавшіе ночь, разбитые и усталые мы шли этой дорогой пять верстъ пока не пришли въ деревню Кяпесельгу. Здѣсь я сразу завалился спать, а проснулся въ сильномъ жару: все тѣло горѣло. Очевидно, ночная ванна и пребываніе на другой планетѣ не прошли даромъ даже для меня, никогда въ жизни не болѣвшаго. Боясь, что меня застанетъ здѣсь какая нибудь болѣзнь, я немедленно поѣхалъ дальше, чтобы возможно скорѣе доѣхать до Повѣнца. Я ѣхалъ по этому живописному тракту съ отуманенной горящей головой; расширенныя зрачки видѣли лишь широкія, общія картины лѣса, уступами спускающіяся къ дорогѣ, телеграфные столбы, зелень деревьевъ, дорогу, небо; все это представлялось большими, красочными пятнами. Проѣхавъ двѣ-три станціи, которыхъ я даже и не замѣтилъ, я на другой день, совершенно больной, былъ уже въ Повѣнцѣ.

VIII.

Повѣнецъ.—Сумскій трактъ.—Масельга.—Телекино.—Петровскій Ямъ.—Вожмосалма. Дальше ѣхать нельзя.—Выгозеро.—Земская школа.—По Выгу.—Злая шутка.—Верхн. Шелтопорогъ.—Даниловскій монастырь.—Повѣнецъ.

Повѣнецъ стоитъ на самой сѣверной конечности Онежскаго озера, при впаденіи рѣчки Повѣнчанки. Основанъ онъ Петромъ I и по мысли его долженъ былъ служить важнымъ центромъ въ сношеніяхъ внутренней Россіи съ Ледовитымъ океаномъ. Отсюда начинается большой Сумскій трактъ, идущій прямо на сѣверъ, на посадъ Сумы и на г. Кемь, а оттуда къ океану. Въ позднѣйшее время трактъ этотъ принялъ нѣсколько иное направленіе; но и до сихъ поръ среди лѣсныхъ пространствъ видны просѣки, проложенныя по плану Великаго Преобразователя Россіи. Эта картина преобразованія ярче всего видна здѣсь въ Олонецкомъ краѣ: Ладожскій каналъ, Петрозаводскій и Повѣнецкій тракты, Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Сумскій трактъ, заводы, доменныя печи въ Петрозаводскѣ и По-

вѣнцѣ, все это указываетъ на широкій планъ, какой могъ родиться лишь въ головѣ государственнаго человѣка, съ широкимъ размахомъ, орлинымъ взглядомъ, несокрушимой волей и твердой вѣрой въ служеніе на общественное благо.

Теперь Повѣнецъ имѣетъ значеніе лишь сплавного центра. Повѣнецкій уѣздъ самый богатый изъ всѣхъ Олонецкихъ уѣздовъ: отсюда сплавляется громадное количество лѣса, здѣсь лѣсопильные заводы, здѣсь рудныя богатства. Самъ городъ интереснѣе, пожалуй, всѣхъ олонецкихъ городовъ, и во всякомъ случаѣ—интеллигентнѣе; хотя и существуетъ поговорка: «Повѣнецъ—всему міру конецъ», тѣмъ не менѣе по числу учебныхъ заведеній, по земской дѣятельности, по торговлѣ, Повѣнецъ стоитъ впереди другихъ олонецкихъ уѣздныхъ городовъ. Улицы города довольно скучно разбиты правильными шеренгами, точно въ военномъ поселеніи, но самъ городъ не лишенъ красоты. На одной изъ главныхъ улицъ стоитъ зданіе Уѣздной Земской Управы: по своей величинѣ и красивой цѣльной архитектурѣ оно могло бы украсить не только губернскій городъ Петрозаводскъ, но даже и столицу. Въ этомъ зданіи кромѣ Земской Управы помѣщается громадная земская библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ цѣнныхъ книгъ: библіотекой

пользуется населеніе; здѣсь можно найти ежедневно новыя газеты.

Два—три раза въ недѣлю къ Повѣнецкой пристани пристаетъ пароходъ, крейсирующій по Онежскому озеру; тогда на пристани бываетъ шумно и людно. На пароходѣ можно хоть на часикъ забыть неудобства путешествія, посидѣть въ чистой комнатѣ, прочитать свѣжія газеты, найти хорошій обѣдъ, закупить провизіи и узнать мѣстныя новости.

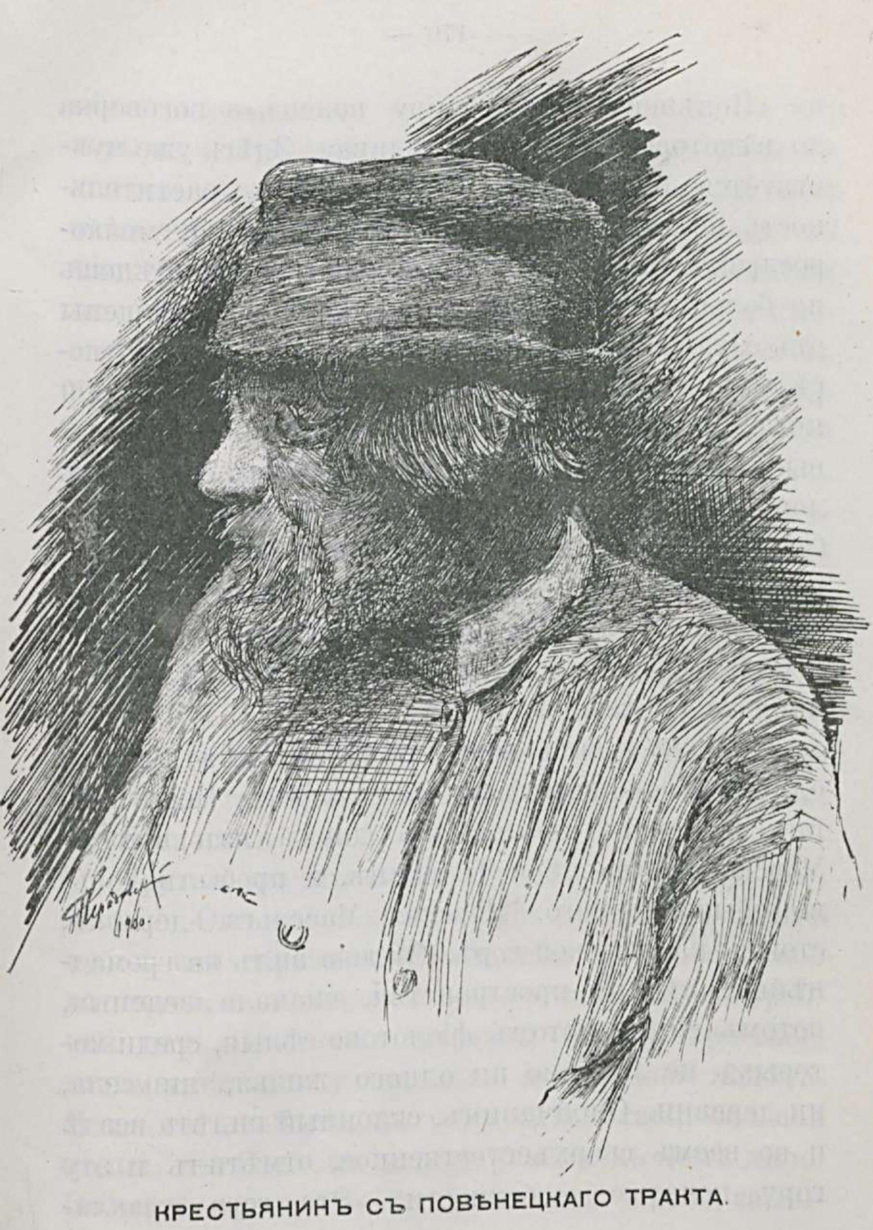
На другомъ краю города стоитъ за Повѣнчанкой большой лѣсопильный заводъ. Возлѣ него громадная гора изъ древесныхъ опилокъ. Я взлѣзъ на эту искусственную мягкую гору, единственную близь Повѣнца, и увидѣлъ всю панораму городка: и залитый солнцемъ заливъ, и купола церквей, и возвышающуюся надъ городомъ пожарную каланчу, и сѣрыя крыши домовъ. Ноги вязли въ опилкахъ. Я удивлялся, глядя на эти богатства, брошенныя на дождь и солнце, для гніенія, какъ ненужныя вещи: эта древесная гора могла бы идти на топливо, на удобреніе, на выдѣлку бумаги. И нѣтъ предпріимчивыхъ людей. Среди повѣнецкихъ купцовъ есть очень богатые, но главное занятіе ихъ—торговля и подряды по сплаву лѣса; на другія промышленныя предпріятія этотъ купецъ неспособенъ, ко всему новому относится съ большимъ недовѣ-

ріемъ, а если у него есть капиталъ, то хранитъ его какъ зеницу ока. Когда-нибудь здѣсь закипитъ, забьетъ ключемъ жизнь, и природныя богатства края будутъ обрабатываться здѣсь же на мѣстѣ.

Тутъ же на берегу Повѣнчанки стоитъ нѣмой памятникъ великихъ замысловъ и трудовъ Петра I: остатки доменной печи. Двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь была доменная печь... А теперь, не смотря на то, что изысканія послѣднихъ лѣтъ доказали богатыя залежи желѣзной руды въ озерахъ и въ особенности мѣди въ каменныхъ породахъ, здѣсь нѣтъ ни одного завода.

Повѣнчанка—очень быстрая, порожистая рѣчка. Русло ея усѣяно большими валунами и скалами. Въ этой рѣчкѣ водится моллюскъ-раковина, извѣстная жемчужница, внутри которой находится болѣзненный каменистый наростъ бѣлесоватаго цвѣта, жемчугъ. Ловля жемчужныхъ раковинъ, добываніе жемчуга, составляетъ промыселъ окрестнаго населенія.

Я остановился въ единственномъ въ городѣ заѣзжемъ домѣ нѣмца Фейнгольдта, а по мужицки «Фелигонта», далеко извѣстнаго въ уѣздѣ.— Поѣдешь въ Повѣнецъ, остановись у «Фелигонта» (Флегонта),—говорили мужики. Прожилъ я у него почти недѣлю и поѣхалъ дальше на сѣверъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ ПОВѢНЕЦКАГО ТРАКТА.

«Повѣнецъ—всему міру конецъ»—поговорка до нѣкоторой степени правдивая. Здѣсь уже чувствуется близость полярнаго пояса, растительность не та, даже лѣсъ болѣе жидкій и мелкорослый. Эта перемѣна ярко замѣтна, когда ѣдешь по большому Сумскому тракту; ели защищены отъ холода крупными иглами хвои, стволы посѣдѣли отъ мховъ, по землѣ стелется сѣдой мохъ, которымъ, точно снѣжнымъ покровомъ, выстланы почти всѣ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги непрерывныя полосы фіолетовой кобры (вереска) и канабры (иванъ-чая), еще неотцвѣтшихъ. Войдите въ лѣсъ, въ особенности по склону горы: вы найдете здѣсь любимую олонецкую ягоду, морошку, крупную и сочную. А грибы найдете на каждомъ шагу.

Сумскій трактъ точно длинная змѣя тянется однообразной лентой на сотни верстъ. Черезъ 15 или 25 верстъ станція. На двухъ изъ нихъ—Морской Масельгѣ и Телекинѣ, я пробылъ дольше обыкновеннаго. Морская Масельга—деревня, стоитъ на высокой горѣ. Отсюда видъ на громаднѣйшія лѣсныя пространства, сначала зеленыя, потомъ синія, потомъ фіолотово-сѣдыя, среди которыхъ не замѣтно ни одного жилья, ни села, ни деревни. Олончанинъ, склонный видѣть вездѣ и во всемъ сверхъестественное, отмѣтилъ и эту гору печатью особенности. — Эта гора — закля-

тая,--разсказывалъ мнѣ мальчикъ Сеня, съ которымъ я бродилъ по деревнѣ.—Какая такая заклятая,—спрашивалъ я.—Такъ заклятая. Ни одна змѣя тебя не укуситъ, сколько хошь ходи по лѣсу босикомъ.--Отчего?—Оттого, что святители закляли ее.—Какіе святители?—Да Зосима и Савватій, какіе же иные! Они шли этой дорогой, пробирались къ Бѣлому морю, и остановились на этой горѣ отдыхать. Нашли они здѣсь много морошки, грибовъ; гора имъ очень понравилась. И видно отсюда далеко. Вотъ они изъ благодарности и дали горѣ такое обѣщаніе: «будь ты отнынѣ заклята: ни одна змѣя на тебѣ не укуситъ разумное Божіе созданіе—человѣка».

— А змѣи то есть на горѣ? — спросилъ я мальчика.

— Да не видать ихъ стало,—отвѣтилъ онъ,—должно быть некого жалить, нечѣмъ питаться, ну и сползли всѣ съ горы.

Другая значительная деревня по тракту—Телекино. Она очень красива. Не доѣзжая ея стоитъ небольшая деревянная мельница съ живописной плотиной, а невдалекѣ исполинская смолокуренная печь. Населеніе деревни — старовѣрческое, занимается между прочимъ постройкой лодокъ. Я не могъ понять, къ чему здѣсь такія большія лодки, и только къ вечеру узналъ въ чемъ дѣло. По рѣкѣ плыло что то громадное, черное, засло-

няя собой половину неба: это былъ громадный, движущійся стогъ сѣна, построенный на двухъ лодкахъ, соединенныхъ перекладинами. На лодкахъ находились гребцы. Телекинскіе сѣнокосы находятся очень далеко и сѣно доставляется сюда только такимъ, сплавнымъ путемъ.

Верстъ за двадцать сѣвернѣе, дорогу пересѣкаетъ рѣка Выгъ. У этого пересѣченія стоитъ небольшое, изъ двухъ дворовъ селеніе «Петровскій Ямъ», основанное Петромъ I, который когда то здѣсь отдыхалъ. Здѣсь—перемѣна лошадей. Паромъ переправляетъ повозку на другой берегъ Выга, а тамъ—верстъ 30, и начнется Архангельская губернія, полярная ея часть.

Сумскій трактъ наводитъ однообразіе и скуку: здѣсь мало пищи для наблюдателя. Я больше люблю проселокъ: катиться по ровной пустынной дорогѣ вплоть до океана—не входило въ мои планы. Меня интересовало Выгозеро, громадное сѣверное озеро, настолько мало изслѣдованное, что обширныя пространства вокругъ него показаны на картахъ пустынными. На разстояніи 300—400 верстъ ни одного селенія. Рѣка Выгъ прорѣзаетъ это озеро, но по сѣверному Выгу никто никогда и не ѣздилъ. Съѣздить туда было очень заманчиво.

Я слѣзъ на послѣдней олонецкой станціи Вожмосалмѣ, новыя, чистыя избы которой, едва

выстроенныя послѣ пожарища, бѣлѣлись сред и однообразныхъ полей. Здѣсь уже настоящій сѣверъ. Несмотря на то, что была уже половина августа, здѣсь уже кончался озимый посѣвъ, стояли безпрерывные дожди и холодъ.

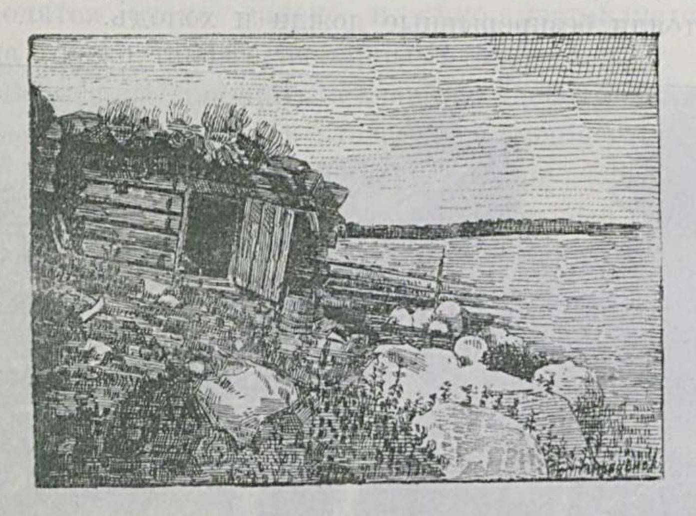

Кладбищенская ограда въ д. Волозеро на Сумскомъ трактѣ.

— Погода захватила—жаловался содержатель почтовой станціи, старикъ,—вторая недѣля дожди идутъ, обсѣяться не можемъ. А вѣдь у Бога дней не рѣшето впереди.

— Развѣ запоздали?—спрашивалъ я.

— Да развѣ же нѣтъ! Надо бы засѣяться къ Спасову дню (6 авг.), а теперь Фролы подошли (св. Флора 19 авг.). А о «Фролахъ сѣешь, Фролы и выраступъ».

Баня у озера.

Такъ какъ на скудныхъ выгозерскихъ, вожмосалмскихъ и еще дальше—койкеницкихъ поляхъ только «фролы» и любятъ расти, то выгозерцу необходимо искать себѣ другое занятіе. Онъ занимается рыболовствомъ, звѣроловствомъ и отхожимъ промысломъ. Въ лѣтнее время мужчинъ въ деревнѣ почти нѣтъ; они всѣ на сплавѣ, дома же однѣ домахи (хозяйки), которыя и за домомъ смотрятъ и за хозяйствомъ, косятъ, жнутъ, сѣютъ, пашутъ и даже нерѣдко отбы-

ваютъ разныя общественныя обязанности: женщина—десятскій, даже сотскій, почтальонъ, ямщикъ, гребецъ—явленіе самое обыкновенное.

Тяжела жизнь выгозерскаго крестьянина. Скудное поле и постоянные «фролы» не вознаграждаютъ его тяжелаго труда, онъ нанимается на сплавъ, иной разъ на Сѣв. Двину и далѣе. Осенью, когда надо платить подати, когда нужны деньги, а земля ничего не родила, выгозерецъ идетъ къ мѣстному купцу и говоритъ: дай денегъ.—Сколько?—50—60 рублей.—Бери товаромъ; всю зиму, пей и ѣшь, а весной являйся на сплавъ. Условіе заключено: крестьянинъ сытъ и одѣтъ цѣлую зиму, товаръ онъ беретъ у купца въ долгъ и платитъ за него несравненно дороже. Земская мука стоитъ въ Повѣнцѣ на наличныя деньги одинъ рубль пудъ, здѣсь же эта самая мука, купленная черезъ купца въ долгъ стоитъ 1 р. 50 к. Купецъ считается десятникомъ у лѣсопромышленника, который платитъ ему весной по 5 руб. за человѣка въ недѣлю на всемъ готовомъ, а купецъ нанимаетъ рабочаго за 3 р. и тутъ ему барышъ. Съ каждаго человѣка онъ получаетъ барыша по 2 р., и если у него артель въ 100 человѣкъ, то въ одну недѣлю купецъ получитъ 200 р. А сплавъ то продолжается все лѣто. Купецъ-десятникъ назначаетъ своего старосту для наблюденія за артелью. Купецъ же

ПОСТРОЙКА ЛОДКИ.

платитъ за своихъ сплавщиковъ подати въ волостное правленіе. Возвратится сплавщикъ осенью и опять идетъ къ купцу, и опять начинается то же самое. Такимъ образомъ крестьянинъ находится въ вѣчной кабалѣ, а если не пойдетъ къ нему, то и совсѣмъ останется безъ заработка.

Зимой выгозерецъ снаряжается на охоту. Онъ ведетъ съ собой свою собаку «Лайку», которая незамѣнима на охотѣ, беретъ кремневое ружье, сѣти и ловушки, провизію, уходитъ въ лѣса, иногда за 30—40 верстъ и живетъ въ лѣсахъ по нѣскольку дней. Въ деревню онъ привозитъ множество дичи, которую продаетъ скупщикамъ.

Печальная это и глухая сторона Вожмосалма, жизнь здѣсь—изгнаніе. Дождливая осень, долгая, холодная зима, вѣчный вѣтеръ съ Выгозера.. Въ окнахъ старинной часовенки, уцѣлѣвшей отъ пожара, вставлена вмѣсто стекла слюда. Кругомъ унылыя, пустынныя поля и каменистые или болотистые берега вѣчно мрачнаго Выгозера.

Дождь хлесталъ въ окна и заливалъ ихъ потоками воды. Въ избѣ было темно.

— Вишь, хохрякъ зашелъ (дождевая туча) до вечера не распогодитъ.

— А какъ бы отсюда мнѣ пробраться на Выгозеро?—спросилъ я у старика, моего хозяина.

— На Выгозеро? А тебѣ чего тамъ надо?—Рыбки хочешь половить.

— Нѣтъ! Надо переѣхать его, чтобы войти въ тотъ Выгъ.

— Вишь, чего захотѣлъ! Да ты думаешь, что! Маленькое оно, что-ли. Вѣдь на немъ однихъ острововъ 365 штукъ, сколько и дней въ году.

— Знаю—не маленькое. Надо мнѣ повидать его, и острова посмотрѣть. А главное по Выгу проѣхать хочу въ Бѣлое море.

— Тамъ водопады, проѣхать нельзя, втянетъ тебя въ яму, и капутъ.

Про водопады на сѣверномъ Выгу я дѣйствительно слышалъ, что они тамъ есть, и даже несравненнно грандіознѣе Кивача и Поръ-Порога; но они только могли привлечь меня, а не оттолкнуть, я настаивалъ на поѣздкѣ.

— Да ты думаешь—по Выгозеру легко ѣздить!.. Оно на рѣдкость бурное, другого такого не найдешь, посмотри какое сердитое. Каждый годъ кто-нибудь изъ рыбаковъ пропадаетъ; заберется далеко на середину, буря подымется, опрокинетъ лодку, и капутъ нашему брату.

— Ну, тогда берегомъ по суху пойдемъ,— сказалъ я.

Старикъ участливо посмотрѣлъ на меня.

— Берегомъ!.. Легко сказать, верстъ триста пѣшкомъ. Вѣдь тамъ дорогъ нѣтъ. Туда и на охоту не ходимъ, «звѣря» тамъ много.

— Ну, тогда поѣду на лодкѣ.

— Не ѣзди! — уговаривалъ старикъ, — чего тебѣ тамъ надо: ни человѣка, ни жилья тамъ нѣтъ... Мы тамъ никогда не бывали... А въ морѣ, поди, скоро ледъ будетъ.

Послѣдняя мысль была резонна. Путешествіе въ лодкѣ могло затянуться, неожиданные морозы могли застать гдѣ-нибудь на Выгу или на Бѣломъ морѣ, тогда очутишься въ безвыходномъ положеніи. Я начиналъ колебаться. Мнѣ жалко было моего плана, который состоялъ въ томъ, чтобы на лодкѣ проѣхать по Выгу въ Онежскій заливъ Бѣлаго моря, оттуда на лодкѣ же войти въ рѣку Онегу, впадающую въ этотъ заливъ, а затѣмъ проѣхать всю Онегу до Каргополя; а оттуда уже по Водлѣ добраться до Водлозера и потомъ черезъ Пудожскій уѣздъ до Петрозаводска или на Свирь, и домой. Этотъ планъ въ виду поздняго времени года дѣлался неосуществимымъ.

— А какъ же перетащишь лодку то черезъ пороги?..—допекалъ меня старикъ;—вѣдь лодка то нужна тутъ не маленькая, одному не перетащить, народъ нуженъ... Да что говорить!—воскликнулъ онъ вдругъ,—не найдешь ты у насъ ни одного мужика, а бабы туда не повезутъ.

Этотъ аргументъ окончательно убилъ меня.

— Поѣзжай ты лучше вверхъ по Выгу; тамъ и мѣста хороши, и деревни есть... Заѣдешь въ

Даниловъ монастырь... а тамъ Повѣнецъ недалеко.

Даниловъ монастырь дѣйствительно привлекалъ меня, но, не испробовавъ всѣхъ средствъ, я не хотѣлъ отступить отъ своего плана. На утро я тщетно искалъ мужиковъ,—ихъ не было: они были на заработкахъ, тщетно торговалъ лодку, ее не продавали. Пришлось покориться участи и ѣхать назадъ, на югъ.

И вотъ, на лодкѣ доставили меня на берегъ Выгозера, къ устью средняго Выга. Здѣсь стоитъ Выгозерскій погостъ. На самомъ берегу озера, глядясь въ его воды, стоитъ Выгозерское земское училище, самое сѣверное въ Россіи. Земскій учитель разсказалъ мнѣ про этотъ край много интереснаго. Это—энергичный, симпатичный человѣкъ; очевидно близко стоитъ къ жизни крестьянина и вѣчно занятой. Училище его внутри чистенькое, свѣтлое, хорошо обставлено. Внизу столярная мастерская. Хорошо тутъ работать... только немножко глухо...

Въ свободное отъ занятій время учитель приготовляетъ чучела птицъ и животныхъ, на которыхъ онъ охотится. Я купилъ у него выгозерскую чомгу, горностая и нѣсколько другихъ чучелъ и отправилъ ихъ въ Петербургъ. Этотъ учитель — единственный интеллигентный человѣкъ на сотни верстъ кругомъ; онъ многое могъ

бы сдѣлать здѣсь для науки, для изученія флоры и фауны Выгозера, жалко, что никто его въ этомъ не поддерживаетъ. Несомнѣнно, когда-нибудь земство окажетъ ему эту поддержку.

Вскорѣ готова была земская лодка. Въ нее усѣлись три дѣвушки и одна молодуха на весла, а на руль—старая-престарая баба, съ милліономъ морщинъ на лицѣ. Ей было 95 лѣтъ, но она была крѣпка и сильна, и смѣло держала въ рукѣ руль. Я бариномъ усѣлся на соломѣ и развернулъ свою записную книжку.

Устье Выга чрезвычайно порожисто. Для прохода лодки межъ двухъ подводныхъ камней разстояніе не больше двухъ аршинъ. Вотъ тутъ то и выяснилось значеніе столѣтней старухи. Она знала всѣ подводные камни и провела лодку съ такимъ искусствомъ, что дно лодки ни разу не задѣло ни за одинъ камень. Я только удивлялся, глядя въ воду: вотъ камень скрытый въ водѣ: тутъ быстрое теченіе, лодка могла бы перевернуться; но старуха отлично знаетъ и этотъ камень, и другіе, опытнымъ глазомъ опредѣляетъ ихъ по теченію воды, и ловко правитъ рулемъ.

— Ты всѣ камешки здѣсь знаешь, бабуся?— спросилъ я ее.

— Всѣ, родимый, всѣ...

— Съ тобой мы не утонемъ.

— Избави Господи родимый, избави Господи...

— А она еще не знаетъ,—указалъ я на молодуху.

— Нѣтъ, родимый, не знаетъ... Она еще только молодушитъ.

Дѣйствительно, сколько лѣтъ надо ѣздить по Выгу, чтобы знать всѣ его камни, которыхъ тутъ видимо-невидимо.

Берега Выга очень красивы. Большей частью они ровные, невысокіе, во многихъ мѣстахъ— прекрасные луга. Кой-гдѣ на лугахъ встрѣчается народъ.

— Богъ помочь!—кричатъ съ лодки.

— Здравствуй бабка. Какъ дѣдка поживаетъ?

— Нѣту жива!—кричитъ старуха.

— Когда померъ? Что хорошаго съ Выгозера скажете?

— Въ Выгозерѣ уже давно худо!...

Чрезъ часа три упорной гребли противъ теченія лодка пристала къ берегу у Петровскаго Яма.

Въ мірской станціи я заказалъ самоваръ и угостилъ своихъ спутницъ чаемъ. Послѣ часового отдыха, онѣ получивъ деньги, отправились къ своей лодкѣ, чтобы засвѣтло добраться домой. Но вдругъ мы услышали на берегу ужасный крикъ. Прибѣжавъ туда, я увидѣлъ траги-комическую сцену: всѣ женщины были страшно обозлены и всѣ сразу кричали, обступивъ лодку,

въ которой посреди соломы неподвижно лежалъ... камень, пудовъ въ тридцать. Оказалось, пока мы закусывали и отдыхали, деревенскіе парни, желая подшутить надъ пріѣзжими дѣвушками, ввернули имъ въ лодку громадный камень. Ввернули, и ушли за десять верстъ на луга. Прибѣжалъ единственный мужчина во всемъ поселкѣ, содержатель станціи, тощій маленькій мужичонко, развелъ руками отъ удивленія, потомъ хлопнулъ ими по бокамъ и принялся тащить камень вонъ. Напрасныя усилія! Камень не шелохнулся. Попробовалъ я, — только ногти обломалъ. Схватились мы всѣ за него, не исключая столѣтней старухи,—камень ни съ мѣста.

Земскій учитель

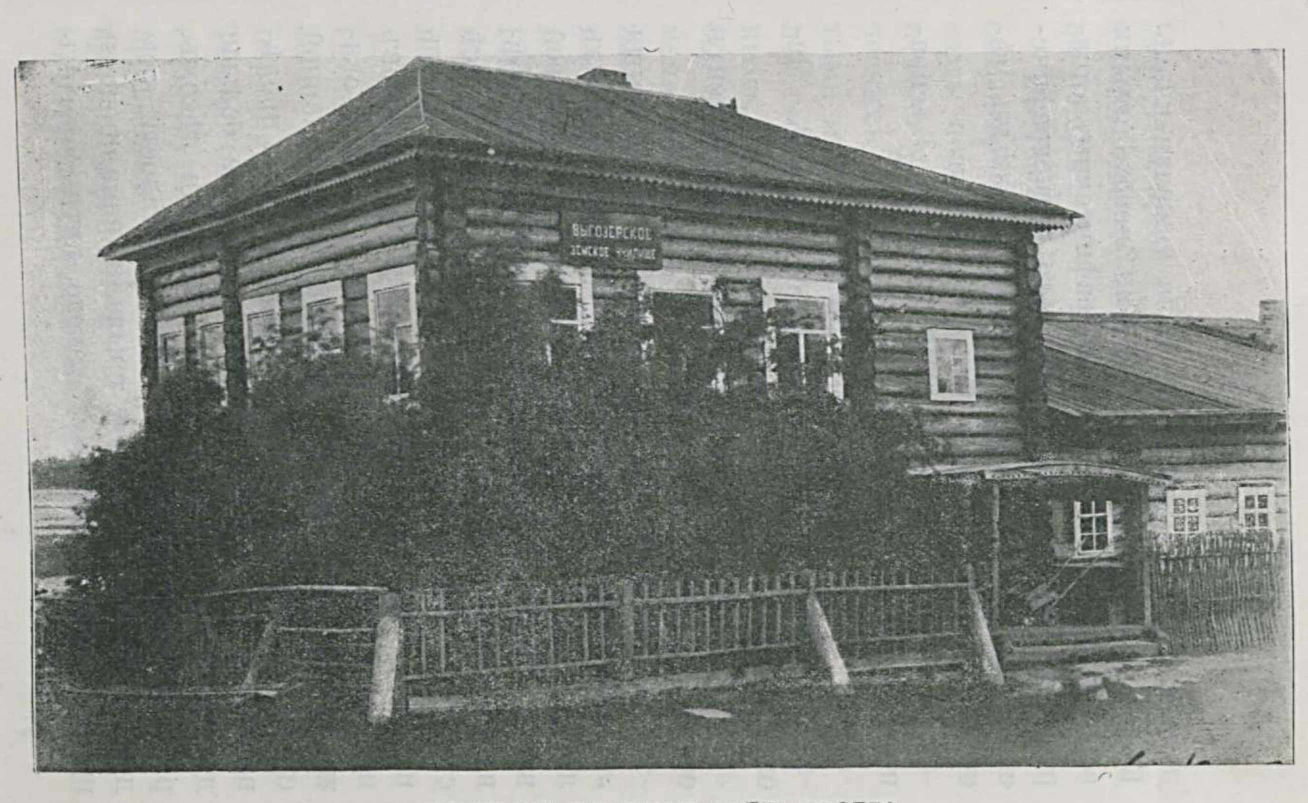
Вишь—ты, оказія!—разсуждалъ мужикъ,—сидитъ что баринъ! Не спихнешь его теперь, окаяннаго.

— Не спихнешь!.. кричала молодуха — а гдѣ ты раньше былъ? Твои работники надурили!...

Кончилось тѣмъ, что лодку пришлось спихнуть въ воду и везти камень на Выгозеро. Женщины были ужасно обозлены, а мнѣ глубоко жаль было ихъ, въ особенности старуху; но когда я посмотрѣлъ на важно сидѣвшій въ лодкѣ камень, когда я представилъ себѣ, что его повезутъ 20 верстъ на Выгозеро, гдѣ въ камняхъ недостатка нѣтъ, напротивъ изобиліе, когда я представилъ себѣ эту лодку, причалившую къ берегу, окруженную толпой, созерцающей важнецкій камень, то я не могъ удержаться отъ улыбки. Шутка парней была злая, но комичная. Увидавъ на лицѣ у меня улыбку, ямщикъ словно того и ждалъ—залился неудержимымъ хохотомъ.

Но я понадѣялся, что гдѣ нибудь на берегу злые шутники встрѣтятся, сжалятся надъ гребицами и вынесутъ барина изъ лодки на своихъ дюжихъ рукахъ.

Въ ту же ночь я пріѣхалъ въ одну изъ слѣдующихъ деревушекъ по Выгу. Дальше плыть нельзя было: впереди были пороги. Пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ проѣзжей дороги нѣтъ; да и ни одной лошади у единственнаго хозяина

ЗЕМСКОЕ УЧИЛИЩЕ НА ВЫГОЗЕРѢ.

деревни не было. У меня была тяжелая кладь. Кромѣ чемоданчика съ самыми необходимыми вещами, былъ ящикъ съ фотографическимъ аппаратомъ, пластинки и нѣсколько этнографическихъ предметовъ, купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ.

— Какъ же мы съ вещами-то будемъ?—спрашивалъ я хозяина.

— Понесемъ.

— Какъ? на себѣ? Нѣсколько пудовъ?... Десять верстъ?...

— А для этого у меня такой инструментъ есть.

Онъ вынесъ изъ сарая такъ называемыя „*крошни*". Это складной ранецъ, сдѣланный изъ легкихъ прутьевъ, крѣпко связанныхъ лыковой веревкой. Къ задней высокой стѣнкѣ, прикрѣплены двѣ боковыя, снизу третья стѣнка; всѣ стѣнки вертятся на петляхъ. Кладь помѣщаютъ на задней стѣнкѣ, поддерживаютъ ее съ боковъ и снизу остальныя стѣнки, которыя затѣмъ связываются веревкой. А впереди — отъ главной стѣнки — лыковыя лямки, въ которыя и продѣваются руки. Такія крошни вѣсятъ не больше двухъ фунтовъ, очень удобны. Мы шли лѣсомъ, рядомъ не чувствуя тяжести и усталости, всю дорогу разговаривали и срывали попадавшіеся грибы. Черезъ два часа такого пути берегомъ

Выга, мы пришли въ деревню Верхній Шелтопорогъ, откуда можно было ѣхать дальше опять на лодкахъ.

Въ Верхн. Шелтопорогѣ я впервые посѣтилъ старовѣрческаго наставника, вѣрнѣе ученаго. Онъ самъ позвалъ меня къ себѣ въ гости, чему я немало удивился, такъ какъ считалъ старовѣрческихъ наставниковъ людьми, крайне замкнутыми и скрытными. Здѣсь я встрѣтилъ радушное гостепріимство: наставникъ, старикъ съ умнымъ лицомъ и проницательными глазами радъ былъ видѣть свѣжаго человѣка, разспрашивалъ меня обо всемъ, о Петербургѣ, о современной жизни и самъ разсказывалъ мнѣ много интереснаго изъ жизни старовѣрческаго края, центромъ котораго является Данилово. Сюда никто, кромѣ Гильфердинга, не заѣзжалъ, старикъ удивлялся зачѣмъ я заѣхалъ въ эту глушь, находящуюся далеко въ сторонѣ отъ всѣхъ дорогъ.

Прямо противъ избы наставника возвышается громадная колокольня, совершенно наклонившаяся на бокъ. Рядомъ— развалины деревянной церкви. Это—древняя старовѣрческая молельня. Теперь она совершенно развалилась: колокольня ежеминутно готова упасть, въ церкви потолокъ провалился, за нимъ и крыша, деревянный же куполъ перевернулся и виситъ крестомъ внизъ. Онъ держится только на оси, опирающейся на обѣ

стѣны. Изъ средины церкви выросла молодая, красивая березка, верхушка ея высоко поднялась надъ куполомъ. Страшно было ходить по этимъ развалинамъ, гдѣ ежеминутно могли обрушиться бревна, но я осмотрѣлъ эту постройку внутри: и придѣлы ея, и внутреннія засовы-ставни, и остатки церковныхъ украшеній. На падающую колокольню взлѣзть я не рѣшился.

Странствуя по сѣверу Олонецкой губерніи, я много видѣлъ такихъ полуразрушенныхъ построекъ. Это—бывшіе старовѣрческіе скиты, монастыри и молельни, разрушенные въ царствованіе Императора Николая I, когда старовѣрчество здѣсь процвѣтало. Среди этихъ построекъ есть многія удивительно красивой, древне-русской архитектуры, какихъ теперь уже не строятъ. Гдѣ удалось, я сдѣлалъ съ нихъ фотографіи, но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и отъ этихъ построекъ не останется и слѣда: эти памятники древне-русской, народной архитектуры погибнутъ навсегда. А жалко, потому что только по этимъ памятникамъ можно возстановить настоящій русскій стиль.

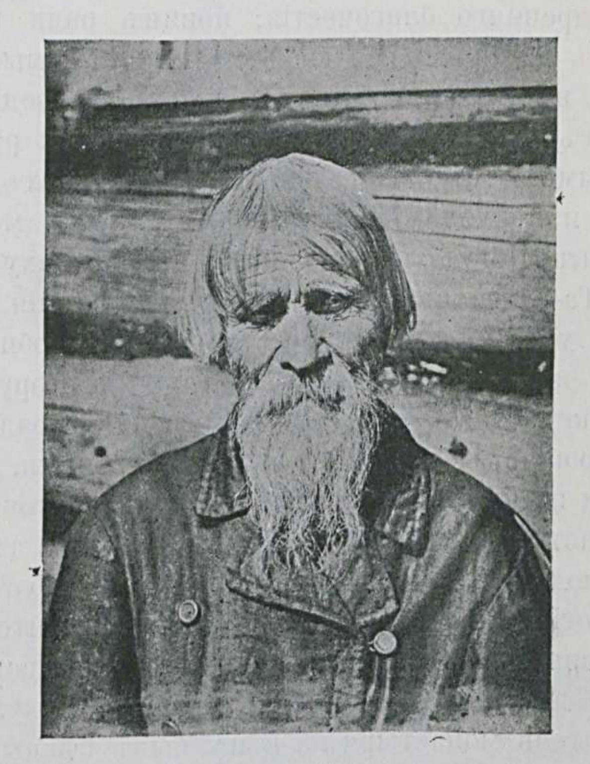
Но вотъ я и въ Даниловѣ, въ этомъ центрѣ старовѣрчества, игравшемъ такую большую роль въ жизни края, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Здѣсь былъ когда-то старовѣрческій монастырь, раздѣленный на два общежитія: мужское и жен-

УБОРКА СѢНА НА ВЫГУ.

ское. Высокая деревянная стѣна окружала монастырь, по бокамъ стояли башни, посреди громадныя ворота, впереди часовня, а внутри ограды церковь и общежитія. Монастырь былъ основанъ монахомъ Данилой Викуличемъ, и отъ его имени называется Даниловскимъ. Вотъ что говоритъ о Данилѣ Викуличѣ документъ, найденный мной у крестьянъ старообрядцевъ. Это—пергаментъ, изображающій генеалогическое дерево князей Мышецкихъ.

«Древо написанія сего, нарицаемое виноградъ россійскій, подъ фигурою изображенъ родъ выгорѣцкихъ отецъ Андрея и Симеона Діонисовичевъ. Иже во Олонецкой области въ Повѣнецкомъ рядку, родъ свой влечатъ отъ благородныхъ новгородскихъ родителей, Мышетскихъ князей, прадѣдъ бо ихъ бяше новгородской области князь Мышетскій Борисъ Александровичъ, во время нашествія на россійскую землю швѣтовъ (шведовъ) и поляковъ, егда россійстіи мѣстоначальницы принуждахуся за чужестранныхъ кралей присягати. Тогда великодушный сей князь вѣренъ пребывъ къ природнымъ своимъ государемъ, не восхоте того сотворити, сего ради оставивъ вся своя вотчины и помѣстья, преселися въ ѳнежскую пятину въ сельце, именуемое Пудожская Гора, съ сыномъ своимъ Іоанномъ и прочими ревнительными отцы; и тако препроводихъ нѣкоторое время во уединеніи, преставися

благочестно въ чину иноческомъ. Сынъ же его, князь Иванъ Борисовичъ, житіе вѣдый добродѣтельное, въ ономъ же сельцѣ священства саномъ почтеся, и такожде во иноческій чинъ постри-

Старообрядческій наставникъ.

жеся; и нарѣченъ во иноческомъ чину священноинокъ Іона, и упокоился съ миромъ.

А оставшіяся дѣти его Порѳирій священникъ и Евстафій братъ его преселишася въ сѣверный

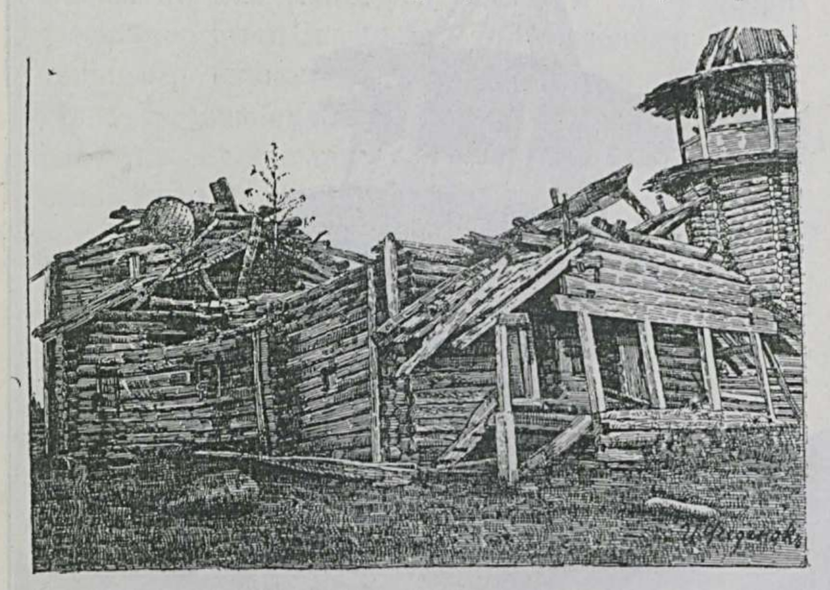
край Онега озера на Повѣнецъ, и ту благочестно скончашася. Дѣти же его благочестнаго Діонисія премудрый Андрей и дивный Симеонъ съ племянникомъ ихъ Петромъ возревновавши храненія ради древняго благочестія, новинъ ради никоновыхъ оставивъ вся своя вотчины и домы, прiидоша въ Выгорѣцкую пустыню и ту водворишеся съ кроткимъ Даніиломъ и прочими ревнительными отцы, въ трудахъ вседневныхъ, постахъ и поклонахъ и въ непрестанныхъ молитвахъ къ Богу славословій, препровождаху дни своя. Та-же по благословенію отца Корнилія обще житіе устроища. И тако двѣ великія обители: едину на Выгу мужскую, спасову, а вторую-же на Лексѣ рѣцѣ дѣвическую. Крестную оградивше и устроиша, часовни поставиша, иконами, книгами и пѣніемъ зѣло украсивши и ту благочестно скончастася, и на кладбищѣ погребены тѣлеса ихъ подъ часовнею, окрестъ же ихъ пустыни, премногіе скиты пречюдно населишася жителями съ разныхъ мѣстъ идѣже и нынѣ пребываютъ».

По другимъ свѣдѣніямъ Даніилъ Викуличъ, основатель монастыря на Выгу былъ бѣглый монахъ съ Шуньги, но о происхожденіи его никакихъ данныхъ, кромѣ этого документа нѣтъ. Несомнѣнно — это былъ энергичный человѣкъ, сумѣвшій собрать вокругъ себя много такихъ же энергичныхъ людей. Съ тѣхъ поръ Даниловскій

ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ ВЪ ВЕРХ. ШЕЛТОПОРОГѢ НА ВЫГУ.

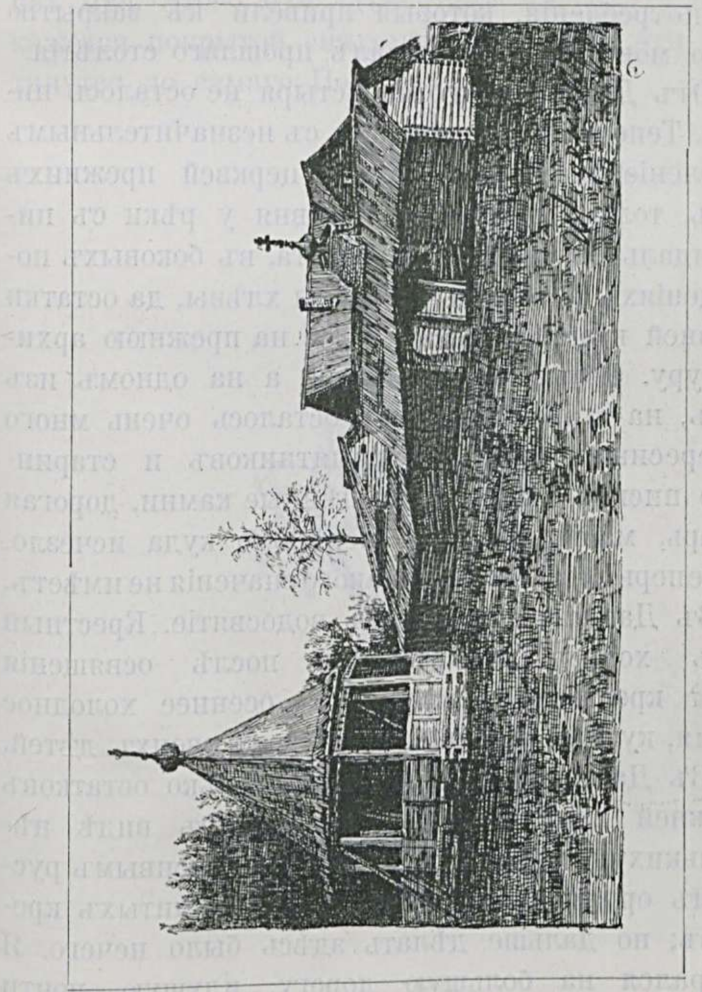
монастырь прославился. Народъ повалилъ туда со всѣхъ мѣстъ Россіи; туда стекались громадныя богатства изъ разныхъ городовъ, ради поддержанія „древляго благочестія“. Иконы украсились драгоцѣнными камнями, церковная утварь была изъ золота и серебра. Монастырь кромѣ

Развалины церкви въ Верх. Шелтопорогъ.

того завелъ свои мастерскія; здѣсь были прекрасныя кузнечныя мастерскія, въ которыхъ отливались изъ серебра и мѣди кресты, пуговицы и даже предметы домашняго обихода, какъ солонки, сахарницы и пр., а на женской половинѣ выдѣлывались такія ткани, изъ шелка и парчи,

передъ красотой которыхъ и теперь станешь въ тупикъ. Жизнь била здѣсь ключемъ, Данилово

ВЪѢЗДНЫЕ ВОРОТА И ЧАСОВНЯ ВЪ ДАНИЛОВѢ.

было центромъ, куда стекался народъ не только съ далекаго русскаго сѣвера, но даже и съ юга.

напр. изъ Кіева; но вскорѣ начались въ монастырѣ со смертью послѣднихъ князей Мышецкихъ злоупотребленія, которыя привели къ закрытію этого монастыря въ началѣ прошлаго столѣтія.

Отъ Даниловскаго монастыря не осталось ничего. Теперь—это деревушка съ незначительнымъ населеніемъ. Ограды нѣтъ, церквей прежнихъ нѣтъ, только старинная часовня у рѣки съ пирамидальной крышей, да ворота, въ боковыхъ помѣщеніяхъ которыхъ устроены хлѣвы, да остатки древней кузницы указываютъ на прежнюю архитектуру. Вблизи 3 кладбища, а на одномъ изъ нихъ, на старовѣрческомъ осталось очень много интересныхъ крестовъ, памятниковъ и старинаго письма иконъ. Драгоцѣнные камни, дорогая утварь, мастерскія—все невѣдомо куда исчезло.

Теперь Данилово—никакого значенія не имѣетъ.

Въ Даниловѣ я видѣлъ водосвятіе. Крестный ходъ ходилъ на рѣку и послѣ освященія воды крестьяне, несмотря на осеннее холодное время, купали въ освященной водѣ своихъ дѣтей.

Въ Даниловѣ я нашелъ нѣсколько остатковъ прежней даниловской культуры, въ видѣ нѣсколькихъ узорчатыхъ тканей съ красивымъ русскимъ орнаментомъ, и нѣсколькихъ литыхъ крестовъ; но дальше дѣлать здѣсь было нечего. Я выбрался на большую дорогу, идущую почти паралельно большому Сумскому тракту, прорѣ-

зающую громадныя лѣсныя пространства. Вотъ онѣ—несмѣтныя сокровища нашего сѣвера, исполинскіе лѣса, дремлющіе въ бѣлыхъ нарядахъ изъ мха. Этого мха здѣсь такъ много, что земля кажется покрытой снѣгомъ. Эти лѣса, эти мхи тянутся до самаго Повѣнца.

ДАНИЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

IX.

Берегомъ Онежскаго озера.—Шуньга.—Кижи.—Андреевъ Наволокъ.—Кондопога.—Вегорукса.—Толвуя.—Семь дней на островѣ.—Чолмужскій заливъ.

У Повѣнецкой пристани стоялъ и пыхтѣлъ небольшой, винтовой пароходикъ, кажется, въ шутку названный „Геркулесомъ", очень бойкій на ходу. Онъ дѣлаетъ рейсы: изъ Петрозаводска въ Повѣнецъ, изъ Повѣнца въ Петрозаводскъ, отсюда чрезъ озеро въ рѣку Шалъ, въ село Подпорожье, оттуда въ с. Вознесенье у устья Свири. Пассажировъ на такомъ пароходикѣ всегда много, третій классъ въ особенности биткомъ набитъ. Палуба загромождена пожитками, тутъ же стоятъ телята.

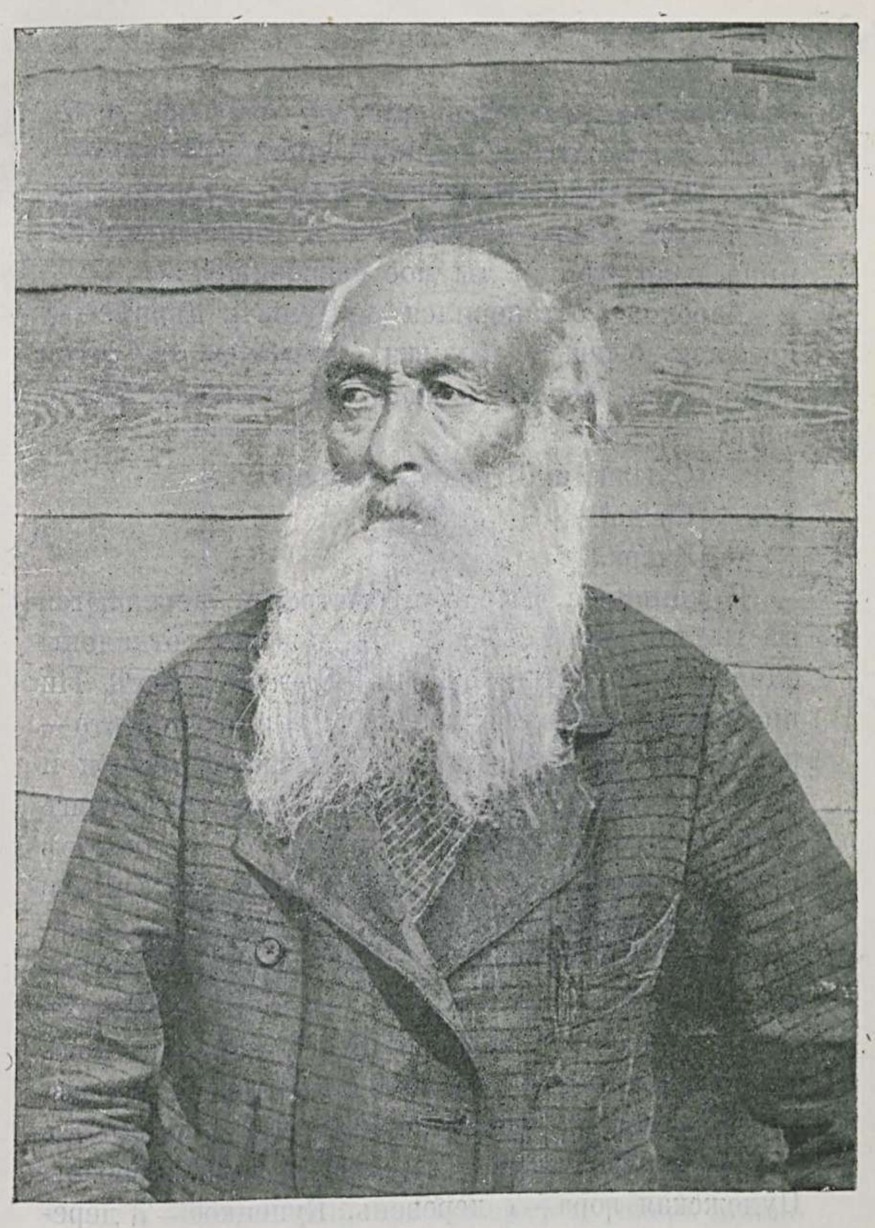
Мы выѣхали къ ночи. Въ общихъ каютахъ стояла духота и тѣснота, я вышелъ на палубу.

Пароходикъ бойко шелъ серединой озера, близко къ берегамъ подойти страшно, тамъ камни. Весь этотъ берегъ Онежскаго озера удивительно красивъ: онъ весь изрѣзанъ заливами—губами, изобилуетъ островами, косами, то заселенными, то совершенно пустынными; здѣсь по этому берегу расположились главные центры Обонежья: Шуньга, Толвуя, Великая Губа, Кижи. На каждой станціи пассажиры слѣзаютъ, прибываютъ новые. На пароходѣ становится тѣсно, гулъ отъ голосовъ точно на ярмаркѣ.

Стоя на верхней палубѣ я созерцалъ ночную картину озера, когда вдругъ услышалъ рядомъ голосъ, жалобный, пискливый... Въ голосѣ слышались слезы.

— Шаничка... Жалко мнѣ тебя, одна ты у меня... Люблю тебя я... Шаничка... Не забывай ты меня... Пиши... Учись, Шаничка... Несчастный я человѣкъ, твой отецъ... Шаничка! Нѣтъ мнѣ счастья никакого на свѣтѣ... Нѣтъ душѣ покою... Шаничка...

То былъ дьячокъ, выѣхавшій со мной изъ Повѣнца. Откуда-то изъ далека онъ ѣхалъ со своей маленькой дочкой, онъ везъ ее въ школу въ Петрозаводскъ. Онъ сидѣлъ на палубѣ и гладилъ ее голову, которую она положила ему на колѣни. У меня защемило сердце отъ этой картины. Дьячокъ былъ немножко пьянъ, но мнѣ

ТОЛВУЙСКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

было жалко его. Онъ плакалъ какъ ребенокъ, разставаясь со своей единственной дочерью.

— Кто утѣшать меня будетъ... раздавалось на палубѣ, средь плеска волнъ, — одинъ я, Шанича, драгоцѣнное ты мое сокровище!...

Пароходъ остановился у Шуньги, вѣрнѣе — у прежней бывшей Шуньги. Находясь за сотни верстъ отъ берега, я какъ то слышалъ разговоръ:

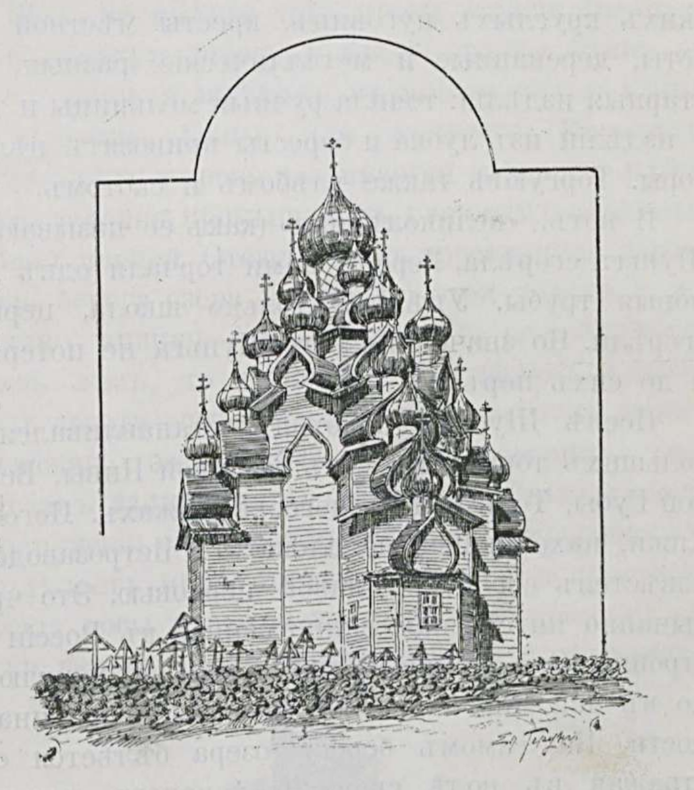
— Слышали, Шуньга сгорѣла.

— Когда?

— Вчера.

Я удивился, съ какой быстротой передаются вѣсти въ этой странѣ, гдѣ деревни отдалены одна отъ другой иногда на 30 — 40 верстъ. Ни письма, ни газеты не дѣйствуютъ, здѣсь просто — народная молва бѣжитъ съ быстротой молніи и въ одинъ — два дня приноситъ изъ за сотенъ верстъ самыя свѣжія новости. А о пожарѣ Шуньги знали уже на второй день. Да какъ и не знать. Шуньга извѣстна каждому олончанину. Это деревня, вѣрнѣе 7—8 деревень, имѣющихъ каждая свое названіе, но объединенныхъ общимъ именемъ Шуньги. Въ Олонецкомъ краѣ часты такія общія названія, относящіяся къ цѣлой мѣстности. Тулмозеро — десять деревень съ разными названіями, Сямозеро — пять деревень, Пудожская гора — 7 деревень, Купецкое — 7 дере-

вень и мн. др. Шуньга извѣстна своей ярмаркой, бывающей лѣтомъ, на которую привозятъ товаръ съ далекихъ странъ, даже съ Архангельской и Вологодской губерніи. Здѣсь продаются всѣ издѣ-

26—главая церковь въ Кижахъ.

лія края, и Даниловскій монастырь когда-то превратилъ Шуньгу въ главный рынокъ для сбыта своихъ произведеній. На ярмаркѣ и теперь можно

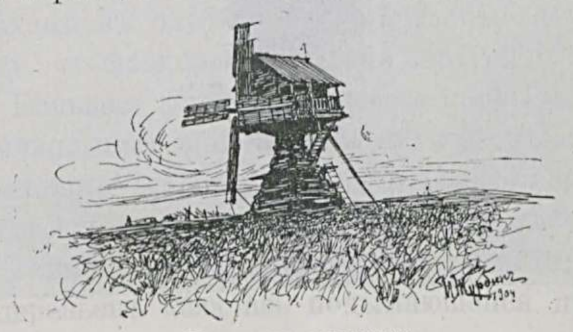
найти интересныя вещи: извѣстныя вязаныя кружева вологодскихъ кружевницъ, полотенца съ древне-русскими вышивками, издѣлія Соловецкаго монастыря, льяла для отливки металлическихъ круглыхъ пуговицъ, кресты мѣстной работы, деревянные и металлическіе, разныя кустарныя издѣлія: точила ручныя мельницы и пр., а издѣлій изъ лубка и бересты привозятъ цѣлыя горы. Торгуютъ также хлѣбомъ и скотомъ.

И вотъ, «великолѣпная» (какъ ее называютъ) Шуньга сгорѣла. Передъ нами торчали однѣ дымовыя трубы. Уцѣлѣла только школа, церкви сгорѣли. Но значенія своего Шуньга не потеряла и до сихъ поръ.

Послѣ Шуньги пароходъ останавливался у большихъ торговыхъ селъ: Великой Нивы, Великой Губы, Толвуи и въ погостѣ Кижахъ. Погостъ Кижи, находящійся недалеко отъ Петрозаводска, извѣстенъ своей 26 главой церковью. Это чрезвычайно интересная, единственная въ Россіи постройка. Она немного тяжеловата и неуклюжа, но въ ней много простой красоты и оригинальности. На самомъ берегу озера бѣлѣется она, отражая въ водѣ свои 26 куполовъ, кругомъ кладбище, обнесенное каменной стѣной. Колокольня не менѣе тяжела, но тоже оригинальна. Это очень древнія постройки.

Прибывъ въ Петрозаводскъ, я немедленно со-

брался въ дальнѣйшій путь, желая, пока дозволяла погода, объѣздить Обонежье, присмотрѣться къ обонежскому крестьянину. Опять я пріѣхалъ въ Шую, но вмѣсто того, чтобы отсюда свернуть на Кивачскую дорогу, я взялъ правѣе, ближе къ берегу озера и выѣхалъ къ самому устью Суны, въ деревню Суны, или Андреевъ Наволокъ. Устье Суны широко разливается здѣсь въ цѣлое озеро, деревня промышляетъ, главнымъ образомъ, рыбной ловлей. Отсюда идетъ проселочная дорога вдоль берега озера. Ѣдешь по этой дорогѣ и постоянно видишь справа озеро: то оно бѣлѣется сквозь лѣсъ, то спрячется за лѣсомъ, чтобы чрезъ версту—двѣ, показаться снова. Этотъ берегъ Онежскаго озера, какъ я уже говорилъ, весь изрѣзанъ заливами: Кондопожскій, Великогубскій и Толвуйскій заливы самые большіе. Береговая линія дѣлаетъ причудливые повороты, полуострова и узкія косы вдаются въ озеро иной разъ на десятки верстъ, и часто приходится ихъ объѣзжать.

Вѣтряная мельница.

ОСТРОВКИ НА ОНЕЖСКОМЪ ОЗЕРѢ.

Деревня Кондопога стоитъ на самомъ берегу озера, а старинная, темная церковь съ большой колокольней помѣстилась на островкѣ: кругомъ вода. Не слѣзая съ телѣги, я послалъ своего возницу купить какой-нибудь ѣды. Былъ праздникъ, и мальчишкѣ удалось купить калачей и рыбниковъ. Мы ѣли ихъ, сидя на телѣгѣ, которую съ трудомъ тащила по каменистой дорогѣ старая кляча. Калачъ—ржаной хлѣбецъ, начиненный просомъ,—любимое праздничное кушанье олончанина. Горячій калачъ довольно вкусенъ. Другое дѣло—рыбникъ. Это кушанье путешественниковъ, охотниковъ, рыболововъ, вообще людей, въ пути сущихъ. Берутъ свѣжаго сига, потрошатъ его и съ чешуей залѣпляютъ ржанымъ тѣстомъ. Такъ его и запекаютъ. Получается плоскій хлѣбецъ, внутри сигъ. Рыба сохраняетъ весь свой ароматъ и кромѣ того пропитывается ароматомъ свѣжаго хлѣба; это необыкновенно вкусное блюдо.

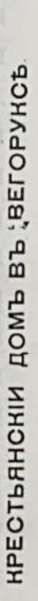
Пріѣхавъ въ одну изъ деревушекъ, я сѣлъ въ лодку, чтобы перебраться на другой берегъ залива. Большая земская лодка съ парусомъ быстро помчала насъ впередъ. На пути встрѣчались намъ крохотные островки, изъ нѣсколькихъ скалъ, обросшихъ кустами. На мирно спавшей водѣ, отливавшей всѣми красками сѣвернаго заката, эта зелень деревьевъ казалась подымающейся прямо

изъ воды, купалась въ жемчужно-опаловомъ лонѣ водъ. Направо зеленые островки, налѣво коса, заваленная громадными скалами, которыя сѣверное солнце залило пурпуромъ заката, кругомъ тихая, то опаловая, то красная, то нѣжно-изумрудная вода, сливающаяся съ предвечернимъ, густымъ воздухомъ,—удивительно красивая, торжественно-спокойная картина.

Навстрѣчу шла лодка. Ближе и ближе подвигалась она, пока, наконецъ, не превратилась въ большое, рогатое, черное пятно на перламутрѣ воды.—Куда ѣдете?—Къ вамъ веземъ учительницу...—А мы къ вамъ веземъ господина...—Пересаживайте!

Посреди озера происходитъ пересадка. Лодки сцѣпляются, учительница пересаживается въ мою лодку, я въ ея, лодки возвращаются домой. Вотъ и берегъ, высокій, скалистый. На берегу у самой воды стоитъ наклонившись, деревянный крестъ: отсюда отъѣзжаютъ лодки и соймы. Взберитесь по тропинкѣ на высокій кряжъ, изъ котораго состоитъ весь полуостровъ и тамъ, по другую сторону кряжа увидите деревушку, спряташвую за скалами, разсыпавшуюся по заливу.

КРЕСТЬЯНСКІИ ДОМЪ ВЪ ВЕГОРУКСЪ

Это интересная деревушка. Называется она не по-русски: «Вегорукса», но населеніе русское. За деревушкой озеро, впереди—тоже; стоитъ она на длинной косѣ, поросшей лѣсомъ и уходящей верстъ на десятокъ въ озеро: тутъ даже медвѣдь водится; а соединяется она съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Здѣсь громадные деревянные, дома, цѣлые дворцы. Вокругъ такого дома идетъ на высотѣ второго этажа рѣзная галлерея, по которой можно обойти кругомъ весь домъ, окна рѣзныя, балконъ вверху (3-й этажъ) узорчатый и крашеный, а крыльцо—цѣлая архитектура, съ рѣзными колоннами, съ навѣсомъ и пр. Изъ такихъ домовъ состоитъ почти вся деревня, живутъ здѣсь, въ этой долинѣ не бѣдно, а главное—красиво.

Дальше за Вегоруксой по берегу идутъ большія, торговыя села: Великая Губа, Великая Нива, Толвуя, но они уже потеряли свой древне-русскій характеръ, это—безвкусные, громадные дома, обшитые тесомъ. Можетъ быть такъ и теплѣе, но мнѣ почему-то нравится изба бревенчатая.

Въ Толвуѣ я прожилъ нѣсколько дней, въ ожиданіи парохода, который долженъ былъ перевезти меня на другой, противоположный, Пудожскій берегъ озера. Толвуя—старое село, основанное русскими насельниками. Когда то въ смутное время здѣсь была обитель, въ которой жила

инокиня Мароа. Съ избраніемъ въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова толвуйскіе крестьяне за хорошую службу царицѣ, получили такъ наз. обѣльныя грамоты, по которымъ они освобождались отъ платежа податей, отъ разныхъ повинностей и между прочимъ—воинской. Они такъ и назывались обѣльными крестьянами, и потеряли свои права лишь не такъ давно. Толвуя—мѣсто историческое. Здѣсь нерѣдко происходили схватки съ Литвой и со шведами. Поля толвуйскія усѣяны камнями, въ такомъ громадномъ количествѣ, что пахать очень трудно. Все поле состоитъ изъ кучъ мелкаго камня: 2—3 сажени, и куча. Разумѣется, хлѣбъ здѣсь родится плохо. Здѣсь же на поляхъ лежатъ большіе камни, обточеные водой, имѣющіе разныя причудливыя фигуры. Эти камни, находящіеся далеко отъ озера,—нѣмые свидѣтели того, что озеро когда то было здѣсь и покрывало громадныя пространства.

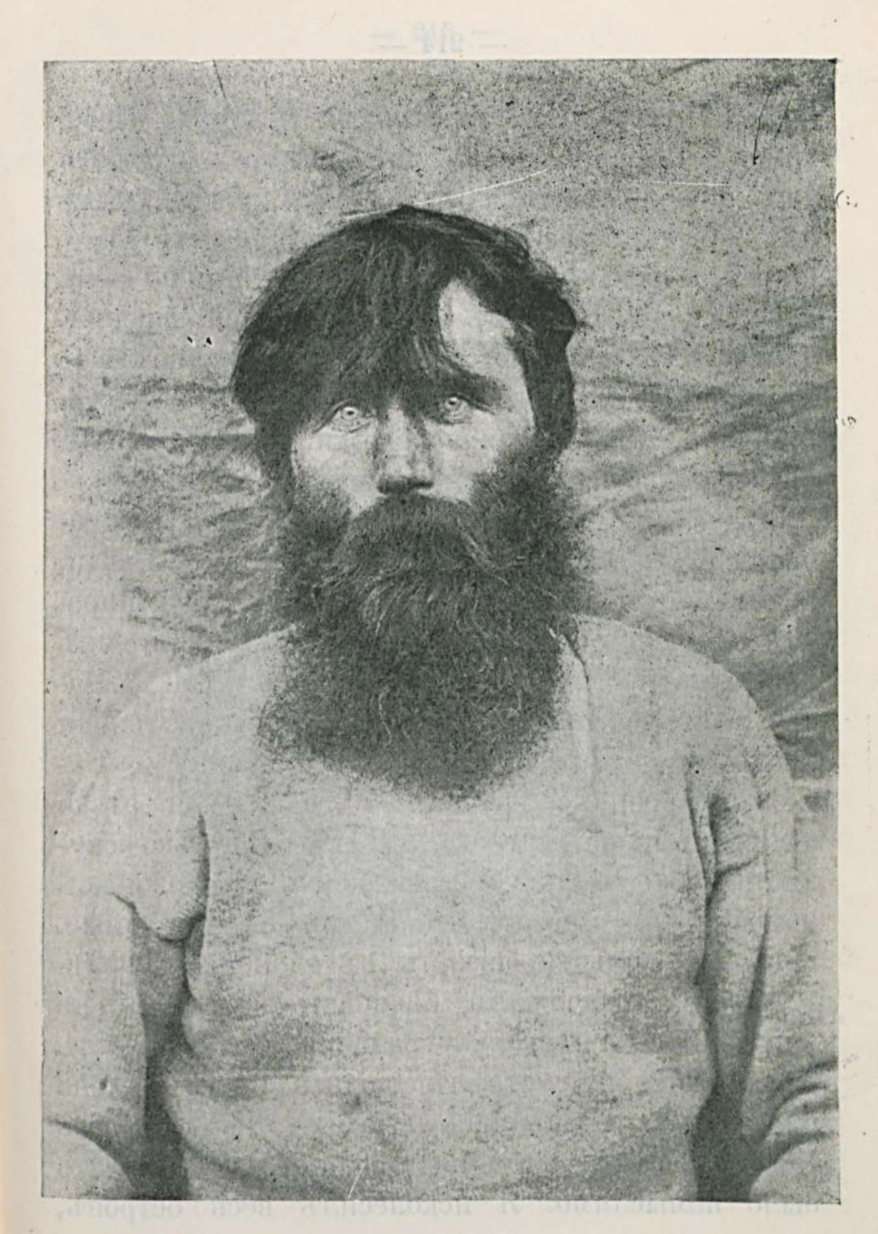
Лѣтомъ на саняхъ.

Перевозка соломы, сѣна, даже жердей здѣсь часто производится на саняхъ, потому что ѣздить по камню тряско. Покойниковъ всегда возятъ на саняхъ.

Интересенъ обычай погребенія. Крестьянинъ привозитъ гробъ къ церкви и сразу же распрягаетъ лошадь. Потомъ онъ поворачиваетъ лошадь головой къ дому, поднимаетъ оглоблю и отбрасываетъ ее назадъ, отъ церкви къ дому. Это чтобы больше покойниковъ не возить—какъ вѣритъ крестьянинъ. Потомъ уже онъ тащитъ гробъ въ церковь. Эта церемонія—откидыванье оглобли въ обратную сторону - исполняется при всякихъ похоронахъ, никто ее не нарушаетъ, таковъ вѣковой обычай.

Переплыть черезъ озеро на пароходѣ не удалось: на тотъ берегъ сообщенія нѣтъ. Пришлось переѣзжать Онежское озеро на лодкѣ. Для этого я переѣхалъ сначала на небольшой островъ Лебещинскій, откуда уже меня должны были перевезти въ Чолмужу, находящуюся на томъ берегу. Кстати и попутчикъ туда нашелся. Но на этомъ островѣ пришлось просидѣть мнѣ почти цѣлую недѣлю.

Была уже осень. Дождь лилъ ежедневно, поднялся сильный вѣтеръ и настолько взволновалъ озеро, что пускаться въ лодкѣ было немыслимо. Я въ буквальномъ смыслѣ слова сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Жизнь на островѣ мнѣ порядочно надоѣла, я исходилъ его всего, побывалъ

БАГАИ.

во всѣхъ трехъ его деревняхъ: Рубцахъ, Лебещино и Шушки. Дорогъ здѣсь нѣтъ и мѣстный житель не нуждается въ экипажѣ: телѣги здѣсь нѣтъ. Но если крестьянину нужно привезти лѣсъ, навозъ и т. п., онъ употребляетъ для этого сани. Иногда подъ сани онъ ставитъ большія, деревянныя колеса, получается экипажъ, должно быть имѣющій сходство съ древней фараоновой колесницей, но только для перевозки, а не для ѣзды. Такъ приспособляется человѣкъ къ мѣстности.

Одна изъ деревень острова населена исключительно брюнетами. Въ ней живутъ Багаи, большая, богатая семья. Крѣпкіе, рослые, широкіе въ плечахъ, черные, Багаи напомнили мнѣ древнихъ русскихъ богатырей. Изъ такихъ людей должна была составиться вольница Стеньки Разина и дружина Ермака Тимофеевича. У Багаевъ сохранился варяжскій типъ. Они рѣзко отличаются отъ мягкаго, иногда нѣсколько скулистаго олончанина, всегда блондина. Можно съ увѣренностью сказать, что Багаи—единственные, притомъ—сильные брюнеты въ олонецкомъ краѣ.

Онего продолжалъ бѣсноваться, вѣтеръ не унимался. По нѣскольку разъ на день выходилъ я на озеро и смотрѣлъ: волны также сильно плескались, разбивались о камни, отъ которыхъ сажени на двѣ вверхъ подымались брызги. Ѣхать было немыслимо. Я исколесилъ весь островъ,

побывалъ во всѣхъ деревняхъ, со всѣми перезнакомился и зналъ, чѣмъ кто занимается. А громадные, высокіе флюгера, стоящіе почти у каждой избы, все показывали на упорный сѣверо-восточный вѣтеръ.

— Нельзя ѣхать, — говорили старики,—или лодку зальетъ, или не справиться съ вѣтромъ и вынесетъ тебя въ открытое озеро... А тамъ вѣтеръ почище этого будетъ.

Ручная мельница въ сложеномъ видѣ.

— Да долго-ли ждать-то?—восклицалъ я въ нетерпѣніи.

— Бываетъ—и двѣ-три недѣли ждешь,—отвѣтили мнѣ.

Положеніе было самое неудобное: назадъ въ

Толвую нельзя было ѣхать, впередъ, въ Чолмужу—тоже: ни туда, ни сюда вѣтеръ не пускаетъ. Мнѣ надо было торопиться, уже начиналась осень, а между тѣмъ здѣсь я бездѣйствовалъ. Въ довершеніе всего—черезъ два дня кончились мои съѣстные припасы, я вынужденъ былъ ѣсть гороховую похлебку и супъ изъ соленаго малька. Къ счастію уже вызрѣлъ картофель; онъ и лепешки изъ свѣжей ржи составляли мой обѣдъ въ теченіе недѣли.

Мельницъ на островѣ нѣтъ; чтобы смолоть рожь, надо было ѣхать въ Толвую. А между тѣмъ ѣхать туда нѣтъ возможности. На такіе случаи у крестьянъ имѣются свои, домашнія мельницы. Это—два пня, плоскихъ, но широкихъ, тяжелыхъ. Въ этотъ пень по торцу набиты осколки чугуннаго горшка,—получается два деревянныхъ жернова, усаженные чугунными осколками. Въ верхнемъ жерновѣ--дырка, въ которую сыплютъ рожь; къ нему же прикрѣпляется палка, верхній конецъ которой привязанъ аршина на два къ стѣнѣ. Стоя въ темномъ углу сарая, баба вертитъ нижнимъ концомъ палки верхній жерновъ, рожь попадаетъ межъ чугунныхъ осколокъ и размалывается. Мука получается довольно грубая, но вкусная. Такія мельницы распространены во всемъ Обонежьи и главнымъ образомъ въ Пудожскомъ уѣздѣ, онѣ же встрѣчаются

ВИДЪ НА ОНЕЖСКОМЪ ОЗЕРЪ.

далеко по всему сѣверу Россіи, доходятъ даже до Сибири.

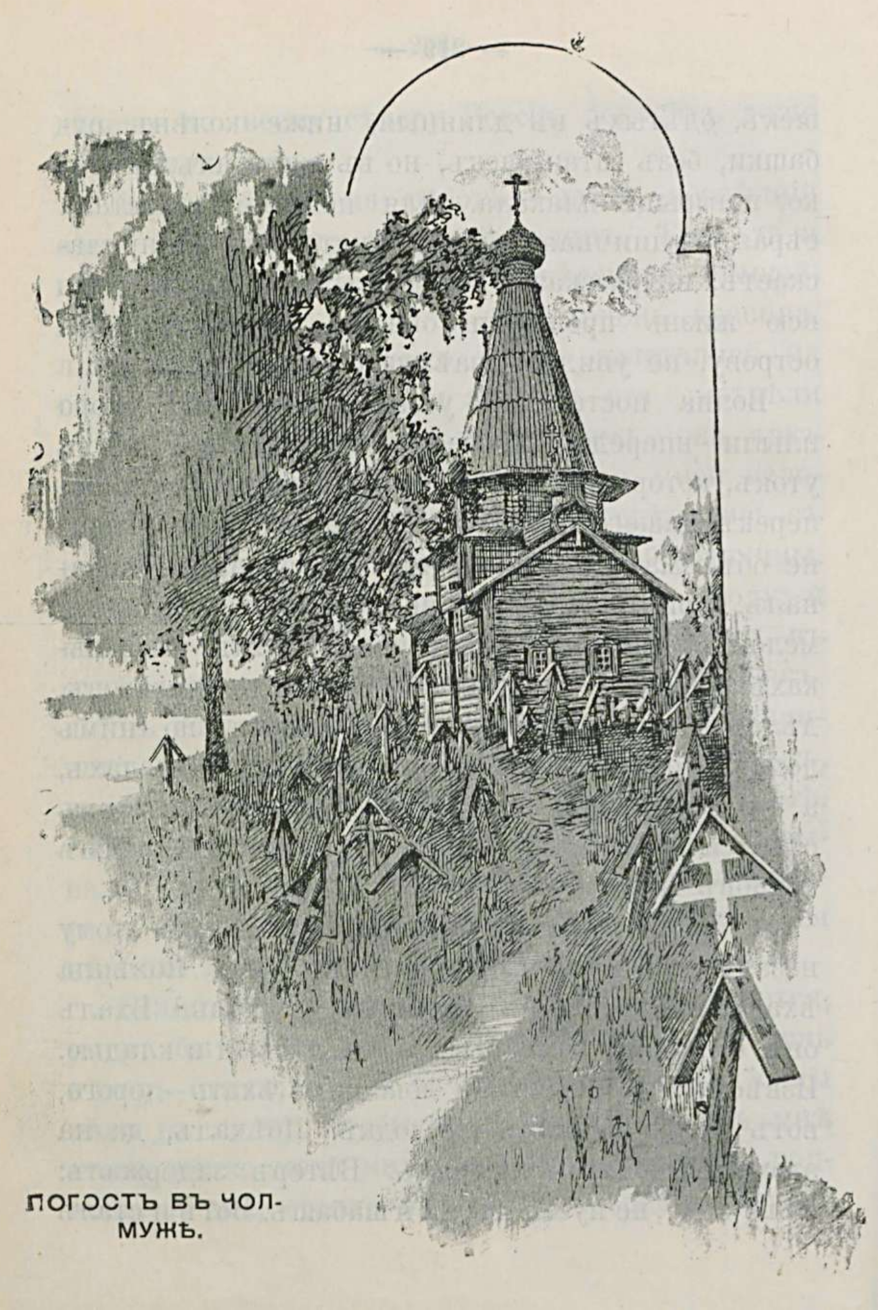
Народъ былъ на работѣ, — шелъ послѣдній сѣвъ — и я подолгу оставался одинъ. Тутъ то я и познакомился съ маленькой дѣвочкой Фимкой. Ей было лѣтъ 5—6. Она была очень красива, льняные волосы ея какъ пухъ разлетались на вѣтру, голубые глазки и ямки у рта смотрѣли на меня съ настоящимъ кокетствомъ, она такъ забавно надувала губки, когда была мной недовольна! Но въ общемъ мы вскорѣ сдѣлались съ ней большими друзьями и были безотлучны. Держась за руку, она ходила со мной всюду: и въ чужія деревни, гдѣ бѣгали мальчишки въ однѣхъ длинныхъ рубашкахъ безъ штанишекъ, но въ жилетахъ, и въ кусты вереска, обсыпаннаго черными ягодами, и въ поле, и въ лѣсъ, и даже въ гумно. Тамъ, подолгу лежа на соломѣ, спрятавшись отъ холоднаго вѣтра, мы разсказывали другъ другу сказки. Она все время лепетала, ни на минуту не уставая говорить, ея нѣжные пушистые волосы были бѣлѣе соломы.

Еслибъ не маленькая Фимка, я кажется, умеръ бы съ тоски. И когда на седьмой день вѣтеръ стихъ, волны начали успокаиваться и мы сѣли въ лодку, чтобы ѣхать на тотъ берегъ, мнѣ стало жалко моей маленькой Фимки, какъ родной... А она, стояла на берегу, посреди мальчи-

шекъ, одѣтыхъ въ длинныя, ниже колѣнъ рубашки, безъ штанишекъ, но въ жилетахъ, и громко, навзрыдъ плакала. Для нея опять настала сѣрая, будничная жизнь. никто ея не приласкаетъ, не разскажетъ сказокъ, и можетъ быть всю жизнь проведетъ она на этомъ глухомъ острову, не увидѣвъ заѣзжаго человѣка...

Волна постепенно унималась и мы скоро плыли впередъ. Посреди озера – стаи дикихъ утокъ, которыми такъ богатъ Онего. Но вотъ поперекъ нашего пути стала длинная коса. Чтобы не объѣзжать ее, здѣсь чрезъ косу прорытъ каналъ. При въѣздѣ въ него и выѣздѣ каналъ мелокъ, засорился, лодку надо тащить на валькахъ. Гребецъ срубаетъ нѣсколько деревьевъ, дѣлаетъ изъ нихъ вальки и катитъ по нимъ лодку. Посреди канала онъ ѣдетъ на веслахъ, а въ концѣ его—опять волокомъ. Потомъ онъ садится на бережку отдохнуть и выкурить послѣ трудовъ трубочку.

— Вотъ такая же исторія была годъ тому назадъ—говорилъ мой спутникъ,—изъ Повѣнца ѣхалъ къ намъ въ Чолмужу учитель. Ѣхалъ онъ со всѣмъ семействомъ, съ дѣтьми и кладью. Извѣстно, по берегу на лошадяхъ ѣхать—дорого, вотъ онъ и поѣхалъ на лодкѣ. Поѣхалъ, да на этомъ островку и застрялъ. Вѣтеръ задержалъ: нѣтъ ходу, не пускаетъ, да и шабашъ. Вотъ и сталъ

ПОГОСТЪ ВЪ ЧОЛМУЖѢ.

онъ выжидать погоды. Ночь подошла, дѣтишки зябнутъ, нечѣмъ прикрыться. Развели огонь, да гдѣ-жъ тутъ! Согрѣешься, какъ же, если вѣтеръ гуляетъ. Взяли они лодку, втащили ее на берегъ и перевернули ее; подъ лодкой спрятались. Прошелъ день, пришла опять ночь, а ходу все нѣтъ: вѣтеръ не пускаетъ. Уже и ѣсть нечего стало. Никого на озерѣ не видно, ни лодки, ни парохода. Такъ прожили они на острову четыре сутки... голодные, холодные... вересковыя ягоды ѣли... Намучились до смерти... А на пятый день, какъ успокоилось немножко, такъ и поѣхали. Еле живые прiѣхали въ Чолмужу.

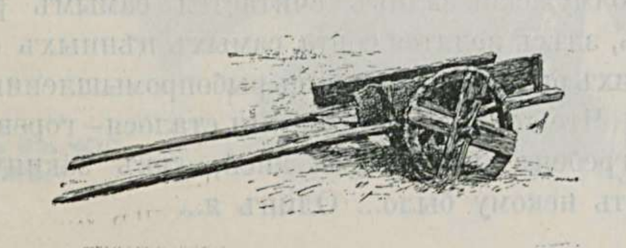
Каналъ тянется чрезъ косу на четверть версты, а кончился—передъ вами открывается прекраснѣйшiй видъ на Чолмужскiй заливъ. Онъ виденъ весь, окруженный лѣсами, кустами и осокой. На противоположномъ берегу деревня Чолмужа, устья рѣчекъ, направо — открытый въѣздъ въ озеро,- а налѣво лѣсистыя берега, у которыхъ кой-гдѣ плаваютъ лебеди. Болѣе красиваго, цѣльнаго залива трудно найти. Къ тому же здѣсь полнѣйшее затишье.

Чолмужскiй заливъ считается самымъ рыбнымъ, здѣсь водятся сорта самыхъ цѣнныхъ олонецкихъ рыбъ. Здѣсь живутъ рыбопромышленники.

— Что-то съ моими сѣтями сталося- горевалъ мой гребецъ—уже восемь дней, какъ закинуты: вынуть некому было... Одинъ я...

— А вотъ посмотримъ, я тебѣ помогу,—успокаивалъ я его.

И едва только мы пріѣхали на берегъ и стащили въ домъ свою кладь, мы немедленно побѣжали на озеро. Я держалъ лодку на веслахъ, а рыбакъ вытаскивалъ сѣть за сѣтью. Ихъ было три. Всѣ онѣ оказались полны рыбой. Я видѣлъ когда-то петербургскія неводныя тони, но они были просто смѣшны въ сравненіи съ этими маленькими тремя сѣтками, переполненными рыбой. Рыбакъ то и дѣло задерживалъ сѣть, вытаскивалъ оттуда рыбу и бросалъ на дно лодки то лосося, то сига, то щуку или окуня. Работа происходила молча: въ разговорѣ чего добраго скажешь неурочное слово, только повредишь. И лишь поздно вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло мы причалили къ берегу со своей добычей. Въ награду рыбаку досталось десятокъ громадныхъ лососей, нѣсколько десятковъ крупныхъ чолмужскихъ сиговъ, а щукъ и окуней и другой рыбы не перечесть. Все это онъ сразу и продалъ. А мнѣ досталась на ужинъ вкусная, душистая уха изъ лосося и самая свѣжая сиговая икра.

Пудожскій трактъ.

X.

Чолмужа.—Бояре.— Читальня — Мѣдноплавильный заводъ. — Рѣка Немень.— Дикія мѣста Пудожскаго уѣзда. — Буря въ лѣсу. — Пудожская Гора.—Песчаное. — Увозъ дѣтей. — Купецкое. — Пудожъ. — Рѣка Водла. — Подпорожье. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Чолмужа — большое село, разбросанное по берегу залива. Убогіе дома стоятъ у самой воды, а бани вынесены далеко на воду, на озеро: къ нимъ ведутъ длинные деревянные помосты. За исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ, большихъ, съ украшеніями и разнымп пристройками, вся Чолмужа прозводитъ впечатлѣніе убогости. Нигдѣ я не видалъ такихъ бѣдныхъ избъ, такой неуютности.

Это тѣмъ удивительнѣе, что Чолмужскій заливъ очень богатъ рыбой, и казалось бы крестьянинъ долженъ жить здѣсь богаче. Причину этой бѣдности отчасти можно видѣть въ томъ, что чолмужскіе крестьяне, какъ и толвуйскіе, долгое время были освобождены отъ всякихъ повинностей. Не привыкшіе къ обязанности, къ необходимости работать, они, когда ихъ застала необходимость платить подати, оказались застигнутыми врасплохъ. Теперь—это очень бѣдный людъ, привыкшій къ лѣни, и къ водкѣ, неумѣющій серіозно работать.

Чолмужскіе крестьяне до сихъ поръ называютъ себя боярами. Они — потомки настоящихъ бояръ, когда то переселившихся сюда изъ внутренней Россіи. Но будучи отдѣленными отъ общей государственной жизни и предоставленными сами себѣ, своему отчужденію, они слились съ окрестнымъ населеніемъ, и отъ прежнихъ бояръ осталась одна слава. Теперь это тѣ же крестьяне, только бѣднѣе и лѣнивѣе окрестныхъ вѣковѣчныхъ крестьянъ.

— Бояринъ Петръ сегодня пьянъ... Повезетъ насъ бояринъ Сидоръ... У боярина Артюхи корова пропала...—Все это звучало какъ-то странно и необыкновенно. Да и гдѣ вы найдете теперь древнихъ русскихъ бояръ! только въ Олонецкомъ краѣ ихъ и можно найти, хотя весь этотъ край — крестьян-

скій, земледѣльческій, а помѣщиковъ если и найдется, то не болѣе десятка; да и тѣ большею частью на границѣ новгородской губерніи.

Пройдя все село, я свернулъ по узкой дорожкѣ на кладбище, посреди котораго, затѣненная громадными, вѣковыми березами, стоитъ древняя церковь. Съ трехъ сторонъ—озеро, свѣтящееся сквозь густую листву березъ. Здѣсь мирный, поэтическій уголокъ. Высокая, отцвѣтшая, нескошен-

Крылечко въ Чолмужъ.

ная трава, покосившіеся кресты, дремлющія на фонѣ опаловой, жемчужной воды деревья, на которыхъ уже началъ показываться желтый листъ—все это представляетъ удивительно мирную картину успокоенія: жизнь, мірскія заботы, суета — тамъ, дале-

ко, а сюда не проникаетъ грязь жизни: сюда ходятъ отдохнуть душой, вспомнить о дорогихъ сердцу, помечтать.

Когда-то въ языческія времена у славянина были таинственныя, священныя рощи, въ которыхъ онъ устраивалъ капища и совершалъ свои священнослуженія. Свою вѣру онъ ставилъ въ связь съ природой, хотѣлъ, чтобы она навѣвала на него священныя чувства, усиливала ихъ въ немъ. Потомъ, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ не утратилъ своей любви къ природѣ, и то, что касалось его духовнаго міра, его религіи, онъ непремѣнно усиливалъ внѣшней красотой природы.

Посмотрите на любую олонецкую деревню. Это аравійская пустыня, въ которой не найдете ни одного деревца. Высокіе дома, голыя стѣны, широкія улицы... Скучно и неуютно. Посмотрите на польскія, малорусскія, бѣлорусскія деревни, въ которыхъ низенькія избушки утопаютъ въ морѣ зелени, въ цвѣтахъ, и вамъ непонятно будетъ, почему въ этой, столь богатой лѣсомъ странѣ такъ мало любви къ деревьямъ. Если гдѣ встрѣтится на улицѣ кустъ рябины, онъ тщательно

Растительность на улицахъ олонецкихъ деревень.

обложенъ старыми боронами, чтобы овцы не обглодали ствола, но вообще дерево рубится безпощадно: оно только закрываетъ видъ на новую, красивую избу... Но гдѣ стоитъ церковь, тамъ непремѣнно деревья. Новыя церкви строятся обыкновенно посреди селъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы гулъ колоколовъ далеко разносился; старыя же церкви,—а ихъ въ олонецкомъ краѣ не мало—скрыты въ рощахъ, вдали отъ деревни, часто на островѣ. Онѣ почти всегда интересны по архитектурѣ, а со старинныхъ восьмигранныхъ съ галлереями наверху колоколенъ раздается печальный звонъ, который далеко разносится по озеру, или пробравшись сквозь листву деревьевъ, забирается въ душу крестьянина и наполняетъ ее священнымъ трепетомъ.

Уголокъ, на которомъ находится Чолмужская церковь, необыкновенно красивъ. Онъ навѣваетъ какое то древне-сказочное настроеніе, здѣсь начинаешь вѣрить, что находишься «на морѣ океанѣ, да на островѣ Буянѣ», затѣненномъ сказочными громадами березъ, подъ которыми печально стоятъ покосившіеся кресты.

Въ Чолмужѣ есть школа и народная чайная, въ которой я съ удовольствіемъ просидѣлъ въ обществѣ мѣстныхъ крестьянъ цѣлый вечеръ; а за селомъ на поляхъ есть цѣлый рядъ кургановъ.

Говорятъ—это литовскія могилы, такъ какъ здѣсь когда-то происходили частыя сраженія съ Литвой.

Въ селѣ Чолмужѣ впадаетъ въ озеро красивая рѣчка Немень. Это самая богатая жемчугомъ на сѣверѣ рѣчка. Жемчугъ водится въ Олонецкомъ краѣ во многихъ мѣстахъ въ рѣчкахъ: Лумбушѣ, Повѣнчанкѣ, Немени, Пяльмѣ и др., и по побережью Онега. Добыча жемчуга составляетъ не малое подспорье для крестьянина, хотя онъ занимается ловлей жемчужныхъ раковинъ такъ себѣ, между дѣломъ. Обыкновенно въ страдную пору, когда вода довольно тепла, олончанинъ лѣзетъ въ воду и высматриваетъ на днѣ ея раковины. Такъ какъ на глубинѣ своего роста онъ уже не видитъ дна а инструментовъ и подзорныхъ трубъ

Ручная мельница.

онъ не употребляетъ, то ловля происходитъ обыкновенно на глубинѣ 1—2 аршинъ. Найдя раковину ловецъ достаетъ ее со дна и прячетъ въ мѣшокъ, а потомъ, выйдя на берегъ, безбожно разбиваетъ каждую, отыскивая въ ней болѣзненный наростъ—жемчугъ. Разумѣется, такимъ образомъ погибаетъ много и здоровыхъ жемчужницъ, и ловецъ не подозрѣваетъ, какой вредъ дѣлаетъ онъ самому себѣ. Это — хищническій способъ ловли. Найденныя раковины ловецъ продаетъ скупщикамъ, но цѣны жемчугу и достоинства его — не знаетъ. Скупщикъ покупаетъ у него жемчужину за 50 к. или 1 рубль, и часто продаетъ ее рублей за 15—20. Поэтому и заработокъ крестьянъ не великъ, и ловля жемчуга производится между дѣломъ.

Рѣка Немень, извиваясь змѣей, образуетъ сейчасъ же за селомъ большой полуостровъ, на которомъ находится мѣдно-плавильный заводъ. Когда-то онъ былъ въ дѣйствіи, теперь здѣсь одно запустѣніе. Здѣсь уголокъ сказочнаго царства, въ которомъ все сразу уснуло, словно по волшебству. Только людей нѣтъ. Трава выше роста, въ заводѣ кучи руды, машины, трубы, здѣсь же бараки для рабочихъ... Сюда никто не ходитъ, здѣсь нечего дѣлать... все здѣсь открыто, глыбы мѣдной руды валяются, какъ ненужная вещь... Заводъ разорился, пересталъ работать, и

съ тѣхъ поръ все здѣсь погрузилось въ мертвый сонъ. Красивый, глухой уголокъ. Въ рѣчку глядятся кусты бузины и ракиты, въ осокѣ копошатся дикія утки.

Отъ Чолмужи идетъ вдоль Онежскаго озера большой трактъ прямо на Пудожъ. Этотъ трактъ то удаляется отъ озера, то приближается къ нему, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. Пудожская гора, село Песчаное и др., озеро находится тутъ же. Но сверните съ этого тракта налѣво верстъ на 20 — 30, и вы попадете въ такую невѣроятную глушь, гдѣ заѣзжій человѣкъ— диковина. Несмотря на позднее время года, на безпрестанные дожди и холодные вѣтры, я всетаки свернулъ въ сторону, въ глушь... и эта попытка моя прошла не безъ пользы, такъ какъ воочію показала, что дальше ѣхать нельзя, и, что пора по добру, по здорову отправляться домой.

Я попалъ въ какую-то глухую, заброшенную среди лѣсовъ деревушку. Когда я неожиданно вошелъ въ избу, хозяинъ сидѣлъ за чашкой похлебки и обѣдалъ. При видѣ меня рука у него задрожала, ложка нѣсколько минутъ прыгала, разливая похлебку, а самъ онъ не зналъ, что говорить, что дѣлать, и сидѣлъ молча, словно пригвожденный къ мѣсту. И только ласковое простое отношеніе вывело его изъ состоянія оцѣпенѣнія и столбняка. Потомъ мы съ этимъ крестья-

ниномъ подолгу сидѣли и бесѣдовали, онъ увидѣлъ, что это не чиновникъ, пріѣхавшій по

Шерстобитъ.

дѣлу, а просто заѣзжій человѣкъ, который въ его практическихъ глазахъ, представляется ему

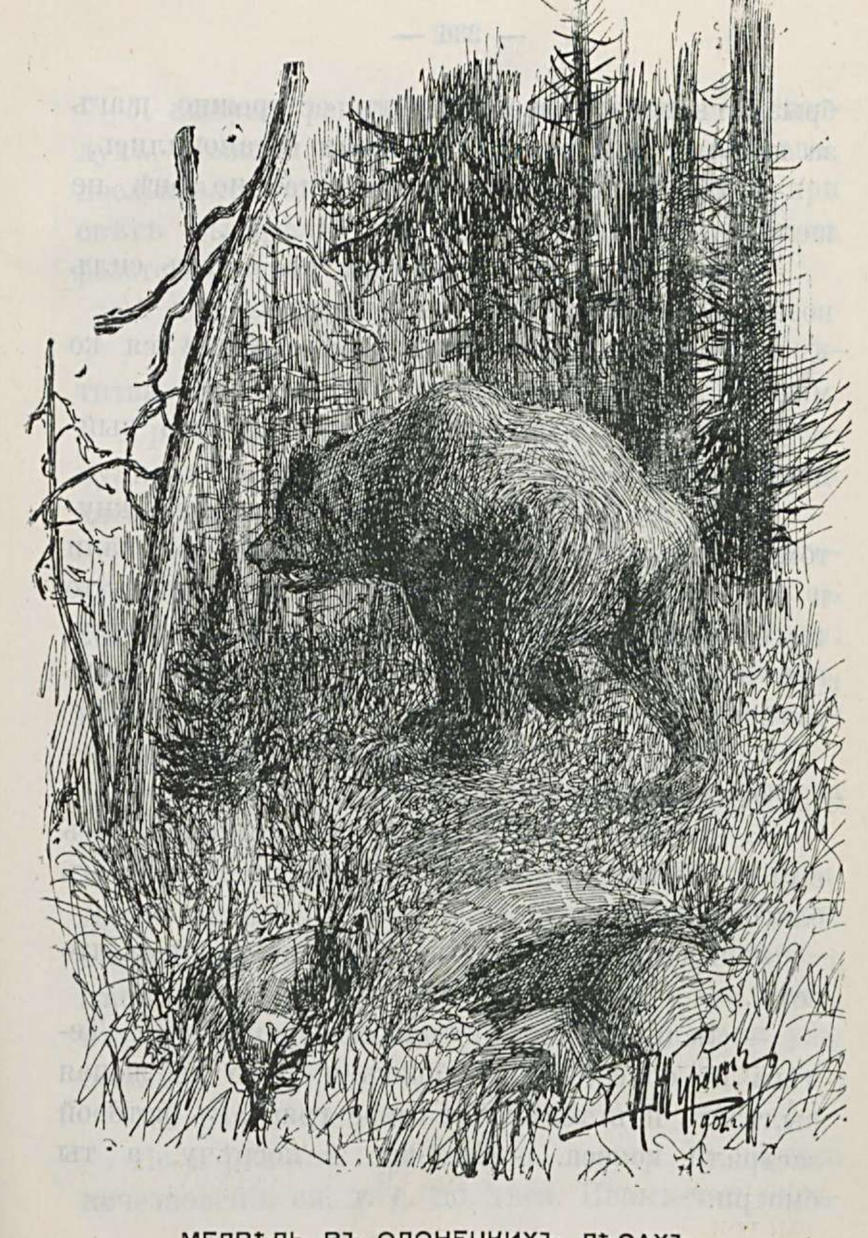
СУШКА СНОПОВЪ НА РОГАТКАХЪ ВЪ ОЛОНЕЦКОМЪ КРАѢ.

просто бездѣльнымъ, а потому уже къ нему можно отнестись покровительственно, и съ сожалѣніемъ.—Люди работаютъ, а ты безъ проку ѣздишь, изводишь деньгу—вотъ психологія крестьянина. И неудивительно, другихъ интересовъ кромѣ земледѣлія, которыя доставляютъ ему иной разъ и горе, и муки, и стоятъ глубокихъ душевныхъ страданій, у него нѣтъ, интересы остального міра ему чужды, онъ ихъ не понимаетъ, ему кажется, что его горе — самое глубокое, а все остальное барская блажь; ему непонятно, что у другихъ могутъ быть тѣ же, если не сильнѣе, и горе, и страданія...

Изъ этой глухой деревушки выѣхалъ я на парѣ лошадей, въ телѣгѣ. Выѣхали мы задолго до вечера, погода была пасмурная, но ровная. Предстояло проѣхать верстъ 30 по дорогѣ, которая была проложена недавно, изобиловала корчевинами, камнями и натуральными ухабами. Съ начала лѣта по ней никто и не ѣхалъ, такъ какъ не было нужды. Вотъ тутъ то и натерпѣлся я всякой всячины. Лошади все время шли шагомъ, ѣхать рысью не было никакой возможности изъ за камней и рытвинъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, даже на самой дорогѣ мѣстами стоялъ стѣнкой отцвѣтающій иванъ-чай, который подымался выше лошади и телѣги и иной разъ хлесталъ насъ въ лицо, а дальше исполинской стѣ-

ной стояли могучія сосны и ели. Мы ѣхали словно во рву, прорѣзанномъ въ сосновомъ лѣсу. Изрѣдка попадалось срѣзанное на сажень отъ земли дерево, на немъ наверху вырѣзаны цифры: 2, 5, 10, 15. Это натуральные, верстовые столбы. Отъ такого столба иной разъ поднимается вѣточка, показывающая стремленіе его къ жизни.

Начало темнѣть, и вѣтеръ усиливался. Навстрѣчу летѣлъ вихрь дождевыхъ брызгъ и холодъ; дождевой плащъ нисколько не защищалъ. Ямщикъ сидѣлъ впереди, хмурый, неподвижный, строгій, колокольчикъ уныло звенѣлъ. Надвигалась ночь, темная, дождливая, вѣтряная, даже бурная. Лѣсъ шумѣлъ на тысячи ладовъ. Въ такую пору Мишка ни за-что не выйдетъ изъ своей норы, онъ не опасенъ; но лѣсъ шумѣлъ напропалую и наполнялъ душу своимъ постояннымъ, неумолчно—тревожнымъ шумомъ. Прошелъ еще часъ, а мы все ѣхали въ какой то густой тьмѣ, въ которой все было непонятно, неясно и полно неизвѣстности. Ѣдешь въ хаосѣ тьмы и бѣшеннаго шума лѣса, а что это такое—и нельзя понять при всемъ стараніи. Понемногу однообразіе ночи и свирѣпаго воя начинаютъ надоѣдать, становится скучно въ этой кромѣшной темнотѣ. Телѣга все глубже и глубже погружается въ ухабы, образовавшіеся послѣ громадныхъ камней, вынутыхъ съ полотна дороги; изъ ухабовъ

МЕДВѢДЬ ВЪ ОЛОНЕЦКИХЪ ЛѢСАХЪ.

брызжетъ вода; лошади идутъ осторожно, шагъ за шагомъ, и вдругъ... Онѣ сами остановились.

— Но!.. дернулъ ихъ возница: но онѣ не шелохнулись.

— Но!—дьяволы! —дернулъ изо всѣхъ силъ возница. Результатъ былъ тотъ-же.

Въ недоумѣніи и страхѣ онъ обернулся ко мнѣ. Я тоже не зналъ, что случилось.

— Погоняй ихъ еще, посмотримъ, что выйдетъ—сказалъ я...

Возница безжалостно стегалъ лошадей кнутомъ,—ничего не выходило. Онѣ лишь фыркали и не сходили съ мѣста. Что случилось! Кто тамъ, звѣрь или человѣкъ? Могло быть то и другое, но вѣрнѣе второе. потому что еслибъ былъ „звѣрь“, лошади не стояли бы такъ смирно.

— Эй, кто тамъ!—крикнулъ возница.

Отвѣтомъ былъ шумъ лѣса.

— Слѣзай посмотри, что тамъ!—посовѣтовалъ ему я. Но ямщикъ отнесся къ этому не совсѣмъ благожелательно.

— Слѣзай! самъ слѣзай!.. А вдругъ тамъ что есть...

— Если что есть, то и сюда придетъ... Телѣга не спасетъ, —говорилъ я, тоже не желая вылѣзать изъ телѣги въ море грязи, въ которой застряли колеса. - Стой-ка, я посвѣчу, а ты смотри.

Я вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Лошади вздрогнули, рванулись впередъ, послышался стукъ сломанныхъ вѣтокъ... а при свѣтѣ выстрѣла мы увидѣли впереди себя на разстояніи пяти шаговъ лѣсъ.

А дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Что за оказія!—удивился ямщикъ.—Посвѣтитка еще!

Грянулъ опять выстрѣлъ, кони опять рванули, и телѣга наша очутилась въ лѣсу. Вѣтви касались лица...

— Въ лѣсъ въѣхали! Вотъ такъ оказія!—говорилъ возница. И быстрѣе бѣлки спрыгнулъ съ телѣги на землю, и угодилъ прямо въ лужу. Онъ совсѣмъ пропалъ въ темнотѣ, я не зналъ, гдѣ онъ находится, когда вдругъ услышалъ позади себя голосъ.

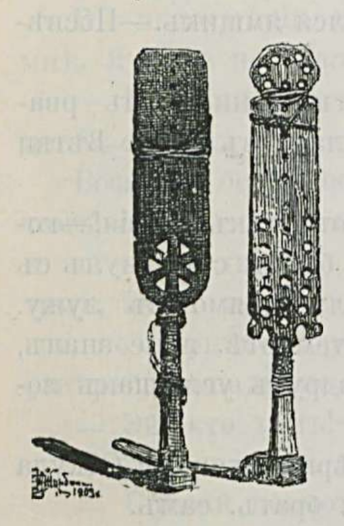
— Да тутъ дорога!... Вѣрно ѣхано!... Откуда тутъ быть лѣсу!... Глянь-ко, братъ, самъ.

Я слѣзъ; дѣйствительно, это была дорога. Даже высокіе стебли иванъ-чая стояли тутъ же съ обѣихъ сторонъ телѣги. Справа и слѣва—лѣсъ, стволы деревьевъ, а впереди тоже лѣсъ, въ хвою котораго наши несчастныя лошади уже вошли.

Мы ровно ничего не понимали.

Но я рѣшилъ прослѣдить дорогу до самаго исчезновенія ея, т. е. до лѣса. Иванъ-чай какъ-

то странно прекращался, уходя въ вѣтви деревъ, чего никогда не бываетъ, потому что это растеніе любитъ открытыя мѣста и обыкновенно растетъ вдоль дороги. А дорога тутъ же и кончалась. Кто же нагромоздилъ намъ здѣсь лѣсъ, къ тому же такой непроходимый! Несомнѣнно, въ суевѣрномъ мозгу возницы шевелилась страшная мысль о лѣсовикѣ, или другомъ какомъ духѣ: вѣдь не знаешь ихъ всѣхъ, въ лѣсу все можетъ быть; но я просто былъ озадаченъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра и усиливалъ наше трагикомическое положеніе. Съ меня ручьями лилась вода.

Олонецкія прялки.

— Нутко, еще посвѣчу! Ступай въ лѣсъ, держи лошадей подъ уздцы, самъ смотри впередъ!—сказалъ я, вынулъ револьверъ и направилъ его не въ воздухъ, какъ прежде, а прямо впередъ. Курокъ спустился, и... выстрѣла не послѣдовало. Въ барабанъ револьвера, должно быть, попала вода. Еще разъ нажалъ я курокъ, и результатъ былъ тотъ-же. Остальные два патрона оказались такими же. Я нажималъ собачку револьвера разъ за разомъ, ничего не

выходило. Должно быть въ револьверъ много попало воды.

Что было дѣлать! Перезарядить револьверъ! Но въ такой дождь развѣ это легко сдѣлать? Выйдетъ то же самое. Къ тому же, коробка съ патронами оказалась на днѣ чемодана, чемоданъ на телѣгѣ подъ сидѣньемъ, телѣга завязла въ лужѣ грязи, сверху и снизу было все мокро... Это меня разсмѣшило, потому что упрятать коробку съ патронами на дно чемодана было дѣйствительно верхомъ легкомыслія. Моимъ комическимъ положеніемъ не замедлилъ воспользоваться возница и началъ просмѣивать меня.

— На что же ты возишь *ливорверъ*,—говорилъ онъ,—чтобы мухи боялись его, что-ли?..

Я дѣйствительно вспомнилъ анекдотъ про того путешественника, который, отправляясь въ дорогу, взялъ для защиты отъ разбойниковъ револьверъ, но чтобы они не отняли его у него, запряталъ его на дно чемодана. Эта насмѣшка придала мнѣ энергіи, я рѣшилъ провести дѣло до конца и полѣзъ на дно чемодана за новыми патронами. Все равно, зарядить надо было для безопасности.

Я спряталъ револьверъ отъ дождя въ чемоданъ и тамъ подъ крышкой чемодана зарядилъ его ощупью въ темнотѣ. Ямщикъ держалъ надо мной плащъ, закрывая меня отъ дождя, распро-

стирая надо мной руки. Потомъ снова началась пальба, и при свѣтѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ мы, наконецъ, разсмотрѣли этотъ причудливый лѣсъ, стоявшій передъ нами, загораживавшій дорогу какими-то необыкновенными вѣтками. Это

Торговля дѣтьми.

была громадная, исполинскихъ размѣровъ ель, упавшая съ одной стороны дороги на другую. Ночная буря вывернула ее съ корнемъ, должно быть незадолго до нашего проѣзда, ель всей

массой загородила дорогу, выставивъ впередъ свои могучія вѣтки.

— Вотъ такъ штука!

— Чтожъ теперь дѣлать! Назадъ ѣхать!—со слезами въ голосѣ проговорилъ возница.

— Ахъ, чтобъ тебя!.. Подождала-бъ маленько, пока проѣдемъ, потомъ валилась бы!..

Положеніе вышло самое плачевное. Объѣхать дерево по бокамъ дороги нельзя было: деревья

Олонецкія сани.

расли слишкомъ часто; сдвинуть гигантское дерево съ мѣста было не по силамъ не только двумъ, но даже сотнѣ человѣкъ. А дождь ливмя лилъ и кругомъ не было видно ни зги. Хоть назадъ поворачивай, проѣхавши 25 верстъ и не доѣхавши пяти. Думали, думали, наконецъ, рѣшили ѣхать верхами. Отпрягли лошадей, те-

16

лѣгу вкатили подъ сучья, тамъ же запрятали лишнюю упряжь и вещи, вывели лѣсомъ лошадей на дорогу по ту сторону ели, сѣли верхами и поѣхали. Черезъ часъ мы пріѣхали въ деревню, гдѣ всѣ спали. Съ насъ ручьями лила вода, мы были похожи скорѣе на водяныхъ, нежели на людей. Я промокъ до костей и долженъ былъ нарядиться съ ногъ до головы въ чистый и сухой костюмъ олонецкаго крестьянина. Глядя на новые бѣлые полотняные брюки, на синюю пестрядинную рубаху, я не могъ повѣрить себѣ, что это я: ужъ слишкомъ все это вышло необычайно и неожиданно. Но какъ пріятно согрѣться въ тепломъ мужицкомъ кафтанѣ послѣ холодной ванны и утомительнаго пути—можетъ почувствовать лишь тотъ, кто испытаетъ это на самомъ дѣлѣ.

Я ходилъ по избѣ въ бѣлыхъ гусарскихъ рейтузахъ, въ громадныхъ широкихъ сапогахъ, недоставало очковъ, потерянныхъ въ лѣсу, и чувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ. Послѣ всей ночной передряги хотѣлось не спать, не лежать, но гулять, разминаться... Тѣмъ временемъ поспѣлъ самоваръ, мы усѣлись за столъ.

Хозяева оказались очень радушными и уставили столъ всѣмъ, что можно найти въ крестьянской кладовой. Прежде всего дали мнѣ чистое полотенце съ вышивками на концахъ, чтобы по-

Головной уборъ крестьянки на границѣ Архангельской губ.

ложить его на колѣняхъ, потомъ поставили передо мной стаканъ съ водой: полосканіе рта передъ ѣдой считается во многихъ мѣстахъ признакомъ порядочности и чистоты. Потомъ начали пить чай.

Олонецкій крестьянинъ всегда пьетъ чай раньше ѣды, и пьетъ его не мало. Хозяинъ полѣзъ въ передній уголъ, къ иконамъ и вынулъ изъ божницы стручекъ каенскаго перца, уже бывшій въ употребленіи.

— Люблю я его,—говорилъ онъ—попробуй, согрѣешься.

Стручекъ переходитъ отъ одного къ другому. Его держатъ въ горячемъ чаѣ нѣсколько минутъ, потомъ переносятъ въ стаканъ сосѣда. Изъ стакана въ стаканъ стручекъ обходитъ всѣхъ по старшинству, а когда въ немъ нѣтъ нужды опять его прячутъ въ божницу до слѣдующаго раза. Его употребляютъ только въ праздники, въ торжественныхъ случаяхъ. Разумѣется, попробовалъ и я, и убѣдился, что это прекрасное согрѣвающее и возбуждающее средство. Каенскій перецъ съ сладкимъ чаемъ имѣетъ особый крѣпкій вкусъ, не поддающійся опредѣленію, но думаю, что при нормальныхъ обстоятельствахъ этотъ напитокъ безусловно вреденъ.

Брезжило раннее утро, когда мы сидѣли за чаемъ: я, хозяинъ, мой возница, и пришедшій

сосѣдъ. Сбоку хозяина сидѣла его жена, низкая, круглая баба съ чрезвычайно добродушнымъ носомъ, задернутымъ кверху, и нѣсколькими предобрыми бородавками на лицѣ. Сосѣдъ оказался бывалымъ человѣкомъ, бывавшимъ не разъ въ Питерѣ.

— А вы что тамъ дѣлаете?—спросилъ я.

— Да дѣтьми торгую—отвѣтилъ онъ.

— Дѣтьми?—изумился я, глядя на него. И впервые замѣтилъ хищное выраженіе его лица.

— Да дѣтьми... Каждый годъ отвожу нѣсколько десятковъ...

— Да какъ такъ!—Что такое! Ничего не понимаю!..—удивлялся я.

И тутъ то узналъ я грустную страницу въ жизни олонецкаго крестьянина, который въ погонѣ за деньгами, въ безысходной нуждѣ, или въ желаніи составить карьеру своему сыну, продаетъ его въ городъ.

Видали-ль вы въ петербургскихъ овощныхъ, зеленныхъ, мясныхъ и мелочныхъ лавкахъ маленькихъ, худенькихъ приказчиковъ, сподручныхъ или „учениковъ“, какъ ихъ зовутъ? Съ ихъ лица еще не сошло выраженіе деревенской простоты, и добропорядочности, лавочная жизнь, царство копѣйки еще не наложили на нихъ своей печати, еще не поглотили ихъ. Они похожи на свѣжіе, нѣжные цвѣтки, заброшенные въ грязныя,

душныя лавки, въ которыхъ они должны погибнуть отъ недостатка свѣта, воздуха, пищи и человѣчности. Вы и не подозрѣваете, какая иной разъ борьба происходитъ въ душѣ этого маленькаго человѣчка, спѣшно заворачивающаго вамъ товары, какая тоска гложетъ сердце его, насильно оторваннаго отъ родины, отъ природы и насильно перенесеннаго сюда, въ эту чуждую, торговую жизнь...

Этотъ маленькій человѣкъ проданъ этому бородатому торговцу, который сидитъ за прилавкомъ и считаетъ копѣйки; проданъ на 5, 10, иной разъ 15 лѣтъ.

Во многихъ мѣстахъ олонецкаго края существуютъ скупщики дѣтей. Увозъ дѣтей доставляетъ имъ не малый заработокъ, это большей частью богачи. Ранней осенью скупщикъ приходитъ къ крестьянину, у котораго есть мальчикъ и говоритъ ему: продай своего сына, свезу въ Питеръ, пріучится къ дѣлу, подъ старость помога будетъ тебѣ. А теперь денежки получишь.

Крестьянинъ думаетъ, не рѣшается и горюетъ, но нужда заставляетъ его согласиться на продажу. Происходитъ торгъ, скупщикъ даетъ цѣну, глядя по мужику: бѣденъ онъ—меньше даетъ, богатъ — больше. Условная цѣна — обыкновенно отъ 5 до 15 рублей, на нѣсколько лѣтъ до „выучки“. Когда условіе заключено, скупщикъ

даетъ задатокъ и идетъ къ другому хозяину, къ третьему, въ другія деревни. Когда у него наберется мальчиковъ десять-двадцать, онъ готовитъ теплую повозку: большія сани съ рогожнымъ верхомъ, объѣзжаетъ продавцевъ, выкладываетъ имъ остальныя деньги на столъ и забираетъ дѣтей. Стоны, крики, плачъ, иной разъ—ругань слышны тогда на улицахъ безмолвныхъ деревень, матери съ бою отдаютъ своихъ сыновей, дѣти не хотятъ ѣхать на неизвѣстную чужбину.

Но вотъ кибитка наполнена маленькими сѣдоками. Сеньки, Ваньки, Петьки, Митьки, Васьки, Гришки, всѣ тамъ сбились въ кучу, тѣла перемѣшались; изъ кибитки валитъ паръ. Крѣпкая олонецкая лошадка бойко везетъ сани по большому тракту, скупщикъ сидитъ впереди саней, на доскѣ и покуриваетъ трубку; ѣдутъ такъ они два, три дня. По ночамъ кибитка закрывается, маленькія спящія тѣла совсѣмъ сбиваются въ тѣсную кучу: имъ тепло. Остановка для ѣды происходитъ на постоялыхъ дворахъ. Проѣхавъ двѣсти, триста верстъ, миновавъ Вытегру, Ладогу, Шлиссельбургъ, кибитка пріѣзжаетъ въ Петербургъ и останавливается гдѣ-нибудь на грязномъ постояломъ дворѣ. Отсюда уже происходитъ продажа мальчиковъ. Скупщикъ продаетъ мальчика, смотря по его виду, здоровью, по расторопности, торговцу на нѣсколько лѣтъ, и получаетъ съ него

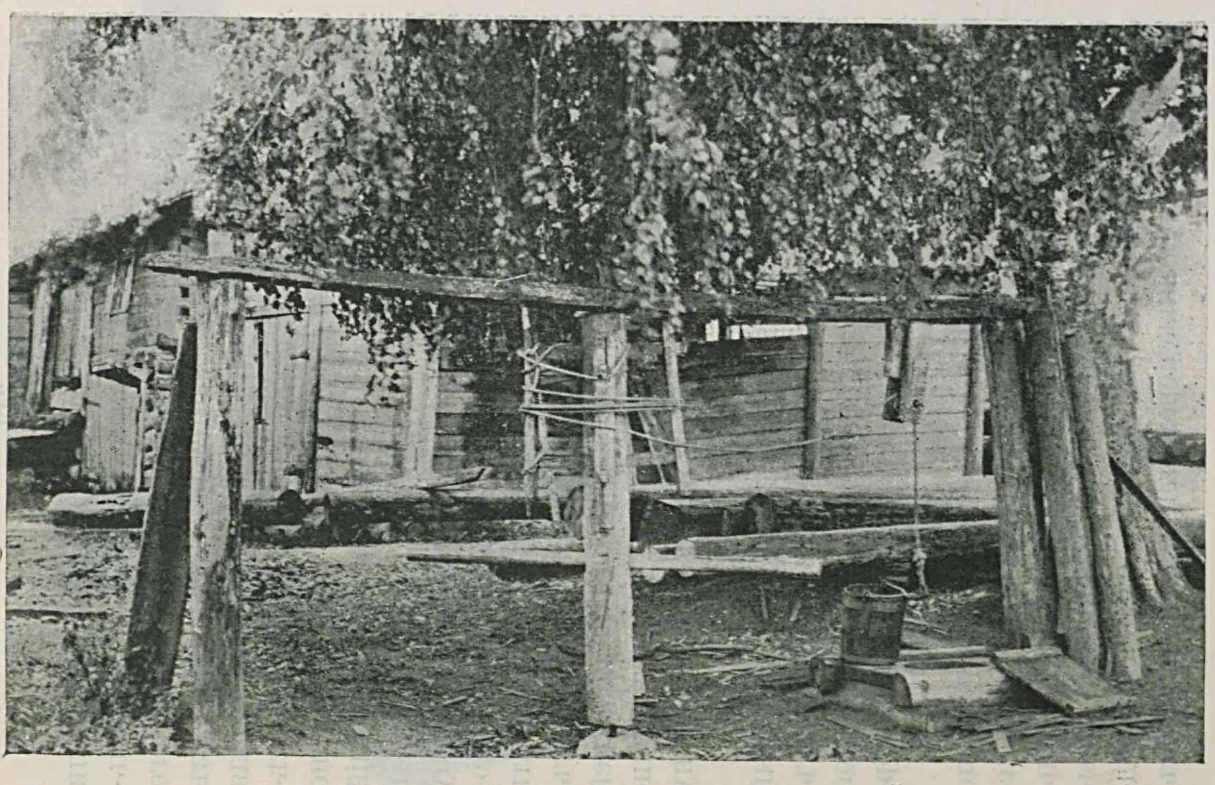
ОЛОНЕЦКІЙ ПАСТУХЪ.

по условію въ три и четыре раза дороже, нежели заплатилъ самъ. Торговецъ выправляетъ мальчику паспортъ, одѣваетъ, поитъ и кормитъ его и всевластно распоряжается имъ. Нѣкоторые изъ мальчиковъ привыкаютъ къ новой жизни; пройдя рядъ мытарствъ и всю торговую науку, они дѣлаются приказчиками и потомъ дѣйствительно помогаютъ своимъ родителямъ, но это погибшій для хозяйства народъ. Другіе не уживаются съ новой долей, перебѣгаютъ отъ хозяина къ хозяину и часто бѣгутъ на родину. Ихъ ловятъ по дорогѣ, возвращаютъ назадъ къ хозяину, они опять бѣгутъ... Иной разъ они превращаются въ бродягъ, тѣхъ бродягъ, которыхъ я видѣлъ на верхней палубѣ парохода, оборванныхъ, голодныхъ, испитыхъ... отправляемыхъ изъ Петербурга на родину за безписьменность.

Такова картина увоза дѣтей, увоза, который происходитъ ежегодно, въ громадныхъ размѣрахъ.

На другой день изъ лѣсу привезли всѣ мои вещи, изъ которыхъ половина оказалась испорченной водой.

По восточному берегу Онежскаго озера мало деревень. Здѣсь—лѣсной край. Главныя изъ селеній—Пудожская гора состоитъ изъ семи деревень, почти слившихся въ одну, за селеніемъ возвышается громадная гора. Здѣсь производятся рудныя изысканія инженеромъ Лебедевымъ. Здѣсь,

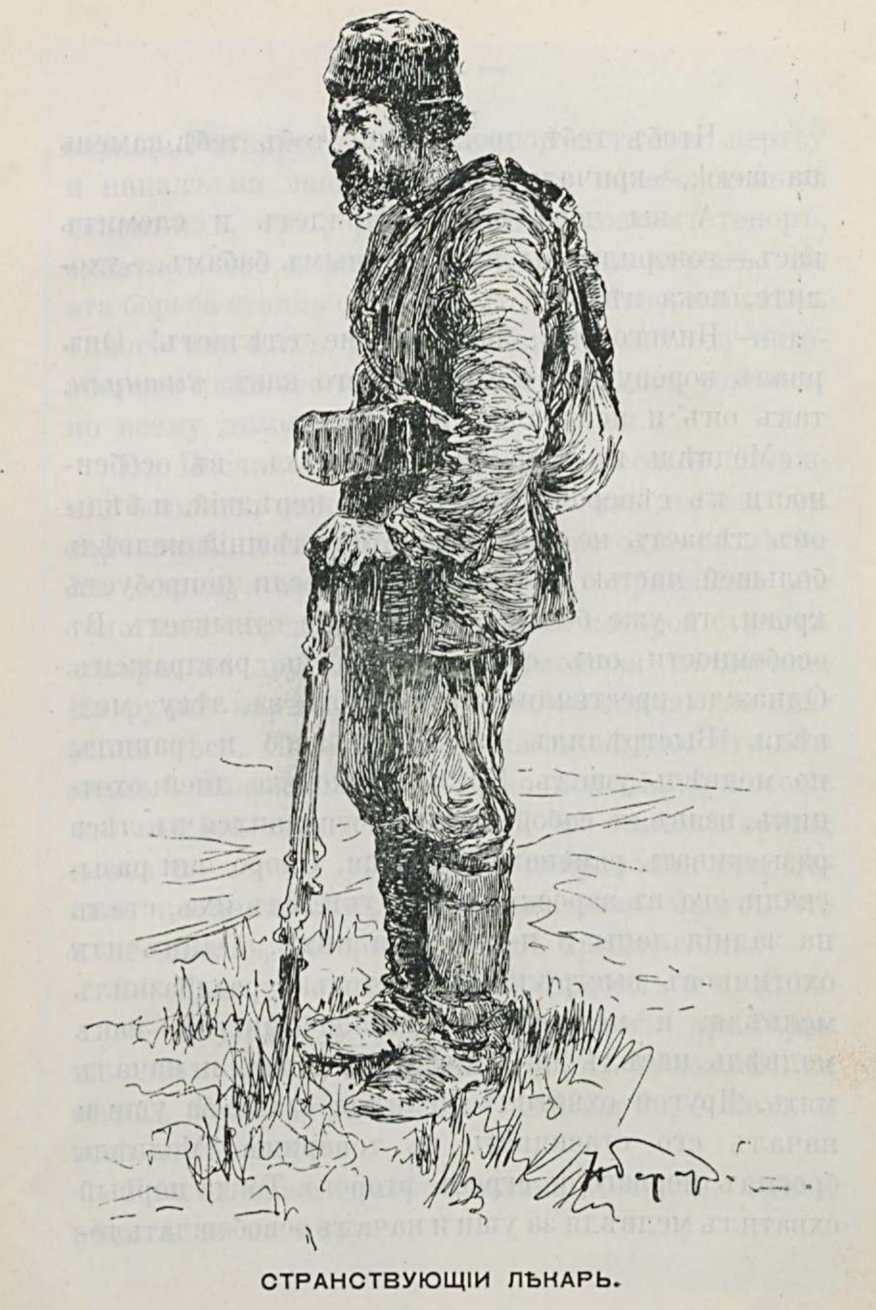
КОЛОДЦЫ ВЪ ПУДОЖСКОМЪ УѢЗДѢ, ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ.

въ одной изъ деревень, мнѣ удалось наконецъ, купить нѣсколько пастушечьихъ трубъ, самыхъ различныхъ, сдѣланныхъ изъ бересты. Здѣсь нашлась и длинная дуда, и загнутая спиралью труба, и берестяной корнетъ-а-пистонъ, и маленькая, звучная дудка-каргополка. Пастухъ никогда не продаетъ своей трубы, съ которой ходитъ въ поле, вѣрнѣе въ лѣсъ. Легче, кажется, купить корову, нежели пастушечью трубу. — Вѣдь ты новую сдѣлаешь, а за это старье я хорошо заплачу.—«У новой—голосъ будетъ другой, скотина не будетъ слушаться, разбѣжится, и не соберешь».—Въ этомъ, конечно, есть доля правды: чуткія животныя, пасущіяся въ дикихъ лѣсахъ, гдѣ много всякаго звѣря и гдѣ легко отбиться отъ стада и остаться въ лѣсу, чувствуютъ необходимость довѣриться человѣку, и изучаютъ всѣ его привычки и движенія настолько, что малѣйшая перемѣна въ его жизни дѣлаетъ его въ глазахъ стада непохожимъ на изученнаго прежняго. Волосы у пастуха остаются такіе какіе у него были въ первый день пастьбы: если они были стрижены, онъ стрижется все лѣто, если были не стриженные, ходитъ длинноволосымъ и къ осени отращиваетъ длиннѣйшіе волосы. Если онъ подстрижется среди лѣта, коровы его не узнаютъ. Пастухъ не подаетъ никому своей руки, чтобы не было «чужого духа». Не даетъ

онъ никому своей трубы, потому что другой, иначе играя, собьетъ коровъ съ толку своей игрой; ни за что также онъ не продастъ своей трубы до конца пастьбы. Конечно, во всемъ этомъ не обходится безъ суевѣрія, но есть доля и здраваго смысла. Хорошій пастухъ долженъ хорошо знать всѣ секреты пастьбы и долженъ пользоваться довѣріемъ стада. Пастухъ, знающій всѣ секреты и правила пастьбы, пользуется уваженіемъ и цѣнится дорого.

Изъ деревень, расположенныхъ по Пудожскому тракту, болѣе всего замѣчательны села: Песчаное и Купецкое. Песчаное—на берегу Онежскаго озера, оно удивительно красивое. Здѣсь двѣ школы, старинная церковь, кладбище, обнесенное каменной оградой. Съ Песчанской церкви и окружающихъ ее таинственныхъ, рогатыхъ елей художникъ смѣло могъ бы писать историческую картину. Современникъ воочію можетъ увидѣть, какими были наши селенія въ XV—XVII столѣтіи.

Отсюда начинаются глухіе, непроходимые лѣса, чрезъ которые проходитъ мало проѣзженная, ухабистая, каменистая дорога. На этой дорогѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ Купецкаго, я увидѣлъ работу медвѣдя. Посреди дороги лежала корова, вѣрнѣе ея туша, ободранная, обезображенная, безформенная масса мяса и костей. Двѣ бабы суетились возлѣ этой туши.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЛѢКАРЬ.

— Чтобъ тебѣ пропасть... Чтобъ тебѣ камень на шею!..—кричали онѣ.

— А вы чего тутъ?.. Придетъ и сломитъ васъ—говорили мы разъяреннымъ бабамъ,—уходите, пока цѣлы.

— Ничего онъ, подлый, не сдѣлаетъ! Онъ рвалъ коровушку, а мы на него какъ *кышнули*, такъ онъ и испугался, и убѣжалъ...

Медвѣдь въ пудожскихъ лѣсахъ, въ особенности къ сѣверо-востоку—гость нерѣдкій, и бѣды онъ дѣлаетъ не мало. Питается здѣшній медвѣдь большей частью растеніями, но если попробуетъ крови, то уже больше отъ нея не отвыкаетъ. Въ особенности онъ страшенъ, когда раздраженъ. Однажды крестьянинъ встрѣтилъ въ лѣсу медвѣдя. Выстрѣлилъ онъ въ него и ранилъ, но медвѣдь ушелъ. Чрезъ нѣсколько дней охотникъ, взявъ съ собой другого, отправился въ лѣса разыскивать раненаго медвѣдя. Скоро они разыскали его въ заросляхъ, онъ увидѣлъ ихъ, сталъ на заднія лапы и пошелъ на нихъ. Одинъ изъ охотниковъ выстрѣлилъ, но только раздразнилъ медвѣдя; и не успѣли они опомниться, какъ медвѣдь насѣлъ на одного изъ нихъ и началъ мять. Другой схватилъ медвѣдя сзади за уши и началъ его стаскивать съ товарища. Медвѣдь бросилъ перваго и сгребъ второго. Тогда первый схватилъ медвѣдя за уши и началъ освобождать то-

варища. Разъяренный медвѣдь бросилъ свою жертву и напалъ на защитника. Тогда освобожденный вспомнилъ, что у него сзади за поясомъ топоръ, схватилъ его и раскроилъ медвѣдю черепъ. Но эта борьба стоила охотникамъ не дешево, я видѣлъ одного изъ нихъ, разсказывавшаго мнѣ эту исторію: все лицо его было перекошено, носъ сорванъ, по всему лицу шли глубокіе шрамы...

Въ Песчаномъ я нашелъ интересный домашній безменъ; онъ былъ сдѣланъ изъ дерева, изъ корчевины, и служилъ очевидно не одно столѣтіе. Къ одному, тонкому концу его привязана на толстыхъ веревкахъ дощечка, на которой ставятъ товаръ, на другомъ концѣ—тяжелая колдобина. На ручкѣ нарѣзы и гвоздики, обозначающіе единицы вѣса. По этимъ значкамъ видно, что безменомъ пользовалось не одно поколѣніе, потому что каждой хозяйкѣ казалось, что безменъ вретъ, и она по своему убѣжденію исправляла его, дѣлала насѣчки. Этихъ насѣчекъ такъ много, что и не знаешь, которымъ отдать предпочтеніе.

— Какъ же вы вѣсите-то? спросилъ я мужика.

— Да такъ и вѣсимъ: отрѣжемъ примѣрно на глазъ хлѣбъ, или масло, тамъ... положимъ на вѣсы... Такъ кумъ?..—Да такъ сватъ!—Вотъ и весь вѣсъ нашъ.

Благодатная, патріархальная страна, гдѣ и вѣсятъ то на вѣру.

Дорога съ каждымъ днемъ становилась тяжелѣе. дни стали дождливые. Я торопился въ Пудожъ, а оттуда домой. Миновавъ село Купецкое, разбросанное по берегамъ обширнаго Купецкаго озера, и еще нѣсколько деревушекъ, обставленныхъ издали громадными рогатками для сушки сноповъ, я, наконецъ, пріѣхалъ въ Пудожъ. Это глухой городъ, въ которомъ одно начальное городское училище; городъ самъ по себѣ не великъ и не интересенъ, но это центръ земской жизни: Пудожскій уѣздъ одинъ изъ лучшихъ въ губерніи по народному образованію. Кромѣ того это центръ лѣсной промышленности.

Въ Пудожѣ я пробылъ недолго и отправился на лошадяхъ въ село Подпорожье, стоящее на рѣкѣ Шалѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Пудожа. Это очень бойкое, торговое село. Берега Шалы у Подпорожья заставлены барками, завалены канатами, якорями. Отсюда Шала сплавная, отсюда ходятъ пароходы. Въ Подпорожьѣ находятся громадные, торговые склады, здѣсь же производится закупка и нагрузка на барки лыка, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Лыко идетъ отсюда на петербургскіе заводы.

Бродя по окрестностямъ Подпорожья, въ ожиданіи парохода, я встрѣтилъ странствующаго лѣкаря. Высокій, длинный, худой, онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы я снялъ съ него фотографію,

БЕРЕГЪ ШАЛЫ У ПОДПОРОЖЬЯ

подозрѣвая во мнѣ злые умыслы. Наконецъ, за деньги онъ согласился, а потомъ, довѣрившись, разсказалъ, что онъ странствуетъ давно по губерніямъ: Новгородской, Петербургской, Олонецкой и Архангельской, лѣчитъ и скотину, и людей, даетъ порошки, ставитъ банки, пускаетъ кровь, а лѣкарство покупаетъ въ городахъ. Но аптечку свою показать мнѣ онъ ни за что не согласился.

— А отъ живота ты что даешь?—спрашивалъ я его.

— Можно дать киндербальзамъ и ревеню... А у васъ развѣ болитъ?

— Нѣтъ, не болитъ... но такъ спрашиваю, интересно...

— А не болитъ, такъ зачѣмъ понапрасну и спрашивать,—сухо отвѣтилъ онъ.

Я долго ждалъ парохода, пока, наконецъ, онъ подошолъ къ пристани. Взявъ свои пожитки и покупки, я забрался въ первый классъ, рѣшивъ ѣхать домой со всѣмъ комфортомъ, который я вполнѣ заслужилъ послѣ пятимѣсячнаго путешествія. У меня было множество этнографическихъ вещей, купленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, нѣкоторыя я везъ открытыми, такъ какъ спрятать ихъ было невозможно. Послѣднія покупки—берестяныя ложки, лыковый кошель, нѣсколько паръ лаптей различнаго плетенія—были связаны въ одинъ клубокъ, который я и положилъ ря-

домъ на сидѣнье, на бархатный диванъ. Въ ожиданіи отхода парохода я былъ на палубѣ и смотрѣлъ на эту суетливую и крикливую толпу, осаждающую пароходъ... Но когда потомъ уже выѣхалъ въ озеро, я возвратился на свое мѣсто, ни ложекъ, ни лаптей я не нашелъ.

— Ты видѣлъ—тутъ вещи лежали?—спросилъ я служащаго.

-- Эту дрянь я выкинулъ вонъ—мрачно заявилъ онъ, — потому — въ первомъ классѣ не мѣсто ей...

Такъ погибли интересныя лыковыя плетенія, берестяныя ложки и лапти.

Къ вечеру мы, переплывъ Онежское озеро въ самой широкой его части, пріѣхали къ верховью Свири, въ село Вознесенье. А на другой день я уже былъ на петербургскомъ пароходѣ и ѣхалъ по Свири.

Вотъ опять Сермакса, стоящая въ устьѣ Свири. Она вся потонула въ вечернемъ туманѣ, только крыши рисуются неясными очертаніями. Отсюда, несмотря на ночь и на туманъ, мы поѣхали дальше, и скоро очутились въ Ладожскомъ озерѣ, среди безконечныхъ, густыхъ, тумановъ. Озеро было спокойно, но туманъ былъ непроницаемъ. Пароходъ спокойно и увѣренно шелъ впередъ. Изрѣдка онъ тяжело свистѣлъ, давая сигналы

встрѣчнымъ судамъ, въ ночной тишинѣ все время ясно слышались равномѣрные удары винта: гда, гда, гда!... Насталъ и день, но туманъ не прекращался. Гдѣ-то вверху должно быть свѣтило солнце, но его холодные лучи не могли разогрѣть сплошной массы тумана: они только окрашивали ее въ розовато-опаловый цвѣтъ. Въ этой розоватой густой массѣ, мы и плыли впередъ, и каждое «гда—гда!», каждый ударъ винта приближалъ насъ къ Петербургу, къ культурной жизни, и отдалялъ отъ края, въ которомъ мощно ревутъ водопады, свирѣпѣютъ бурныя озера, въ которомъ до сихъ поръ въ деревняхъ стоятъ дома и церкви причудливой, древне-русской архитектуры, въ рѣкахъ живутъ водяные и русалки, а въ дикихъ непроходимыхъ лѣсахъ бродитъ и ищетъ себѣ добычи угрюмый, нелюдимый хозяинъ лѣса—медвѣдь.

2007043823